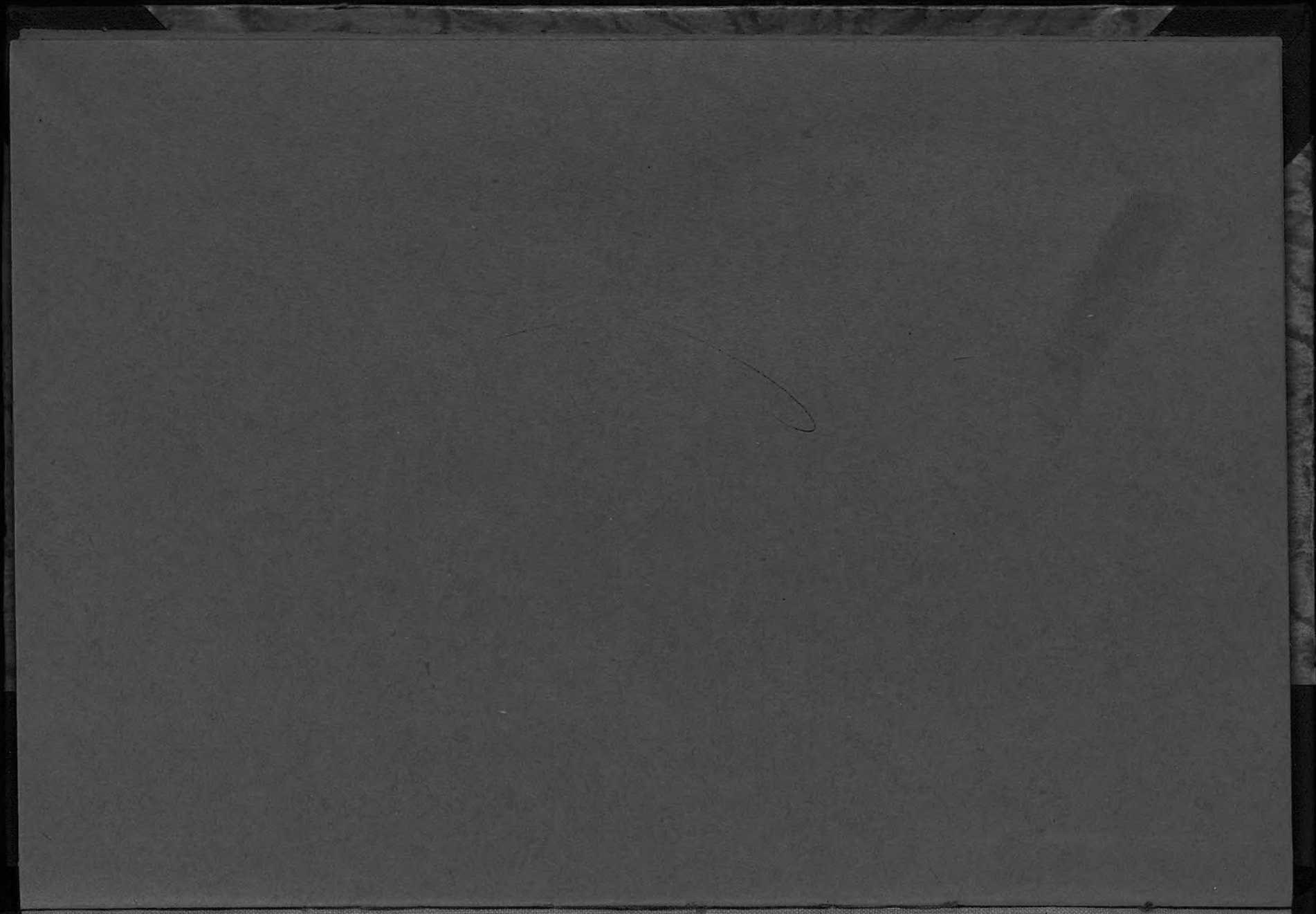
Гинзбург
Мир русской
револ...
Киев, 1919.
2экз.

ИМР — Библиотека
ВВ320
Г463



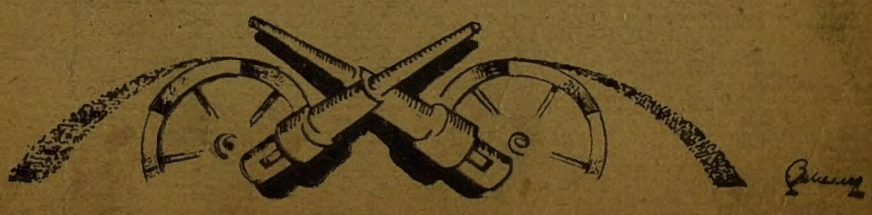
341
Г-50

Г. ЗБУРГЪ-ГАЛЬПЕРИНЪ.

ВВ320
Г463

МИРЪ

РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ ИЛИ МИРЪ ВИЛЬСОНА



ТИПОГРАФІЯ
«КУЛЬТУРА
и ЗНАНІЕ»
КІЕВЪ.

1919.

ВВ 320
Г463

Е. Гинзбургъ-Гальперинъ.

Миръ русской революціи

или

Миръ Вильсона?

(Гарантіи прочнаго мира).

Типографія „Культура и Знаніе".
1919.

К. 1986.
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
ВВ320 Г463 Р
БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА
238423

Дорогой памяти
Георгія Валентиновича
Плеханова
посвящаю эти страницы.

I.

Демократическій миръ русской революціи въ освѣщеніи лозунговъ великой французской революціи.

Жанъ-Жакъ Руссо, давая отзывъ о проектѣ вѣчнаго мира аббата Сенъ-Пьера, замѣтилъ: „онъ видѣлъ хорошо, каковы будутъ результаты установленій по ихъ достиженіи, но онъ судилъ, какъ ребенокъ, о способахъ ихъ достигнуть".

Съ тѣхъ поръ минуло болѣе ста лѣтъ, и если считать, какъ полагаютъ ученые, главнымъ свойствомъ образованнаго ума умѣнье ставить вопросы, то надо признать извѣстный успѣхъ современности. Вмѣсто проектовъ о вѣчномъ мирѣ, мы оказались стоящими передъ проектомъ мира только устойчиваго; вмѣсто мира, какъ дара нѣкоего глубокомудраго вѣнценосца, — проектъ мира демократическаго, какъ результата соглашенія народовъ.—Однако, отъ этого шага впередъ не стушевалась, лишь рѣзче проступила наружу та же безпомощность, которую въ свое время уже отмѣтилъ Руссо. Россійская революціонная демократія, — могъ бы съ полнымъ правомъ повторить свое мнѣніе мыслитель, — хорошо знала, какія установленія нужны для прочнаго мира, но она судила, какъ ребенокъ, о путяхъ, ведущихъ къ этимъ установленіямъ.

Никто не оспариваетъ идейнаго значенія извѣстнаго „воззванія къ народамъ всего міра", сдѣланнаго въ разгаръ жесточайшей изъ человѣческихъ войнъ отъ лица русской революціи. И даже, какъ ни судить о немъ со стороны групповыхъ и партій-

ныхъ разногласій, несомнѣнно, — ему уготовано почетное мѣсто въ исторіи. Но это былъ лишь мигъ; въ слѣдующій за нимъ уже возникала мысль: новая международная ситуація приблизитъ или отдалитъ тотъ демократическій міръ, осанна которому провозглашалась; ослабитъ или, напротивъ, усилитъ враждебныя ему силы.

Человѣчество во всѣ вѣка извѣдало увлекательную силу идеи, но никогда еще оно не бывало свидѣтелемъ воплощенія ея въ жизнь, если тому не сопутствовала прозорливость практическаго генія. Такой геній отсутствовалъ въ предначертаніяхъ россійской революціи, и къ провозглашенной ею высокой цѣли она двинулась не тѣмъ путемъ, какой единственно вѣрно велъ къ ней. Курсъ на соціальную революцію одинаково слѣпилъ и вождей и массу. И хоть мы непростительно запоздали со своимъ высвобожденіемъ отъ самодержавія, хотя другіе народы обскакали насъ въ этомъ на сотню и болѣе лѣтъ, но, почуявши впервые себя въ мірѣ, мы неосторожно заключили міръ въ себѣ. Отсюда, отъ насъ, соціальной благодати подлежало излиться на всю вселенную. Отъ удара россійской революціи,—держалась слѣпая увѣренность,—разлетятся неминуемо всѣ старые устои Европы.

Разумѣется, какъ ни мудрили надъ несчастной страною экспериментаторы и фокусники всякаго рода и племени, для людей трезвой политической мысли было ясно, что объективныхъ условій не осилить никакому темпераменту, и буржуазной революціи потокомъ словъ и стремительныхъ декретовъ съ ея соціальной базы не сдвинуть. Но безумная авантюра вносила хаосъ, затемняла и самыя ясныя перспективы. Это особенно сказалось въ области той большой проблемы нашихъ дней, которая безраздѣльно заняла умы. Это—демократизація международныхъ отношеній.

Какъ часто въ экстазѣ творимой мысли у насъ готовы были именно эту сторону нашей революціи признать характерной для опредѣленія ея пролетарской, „соціальной", и ужъ, во всякомъ случаѣ, не прочь были объявить отличной отъ всѣхъ освободительныхъ движеній прошедшаго. Между тѣмъ, стоило только чуть внимательнѣе обратиться къ завѣщанію великой французской революціи, и можно было воочію убѣдиться въ иномъ.

Первый съѣздъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депута-

товъ декретировалъ право націй на самоопредѣленіе „вплоть до полнаго отдѣленія“,—и не было сдержки въ оцѣнкѣ этого, казалось, „необычайнаго“ акта. А въ 1793 г. французская республика устами Карно почти въ тѣхъ же выраженіяхъ объявляла міру о „нерушимомъ“ правѣ всякой націи на полное самоопредѣленіе, одинаково — выразится ли оно въ государственномъ отдѣленіи или же въ сліяніи съ новыми государственными организмами *).

„Французы знаютъ сувереновъ только въ самихъ націяхъ“,— провозглашала Франція новую основу международныхъ отношеній **). И въ 1795 г., въ особой декларації, принятой конвентомъ, уже окончательно опредѣлялись неограниченныя права націи мѣнять формы своего государственнаго сожительства, каково бы ни было количество лицъ и пространство территоріи, занимаемой ею.

Не были забыты, какъ это ни удивительно для того времени, и колоніи. По докладу одного изъ умѣреннѣйшихъ дѣятелей эпохи — Буасси д'Англь, — благодѣянія революціи должны были распространиться и на эти рабскія страны. „Подобно великому дневному свѣтилу, свобода должна озарить весь міръ, и великіе принципы не могутъ быть умалены примѣненіемъ ихъ къ однѣмъ привиллегированнымъ народностямъ“ ***).

Нужно ли напоминать другой нашъ крѣпко затверженный урокъ: „безъ аннексій“. И вотъ въ какихъ энергичныхъ выраженіяхъ французская революція далекаго 1789 года осуждала аннексіи. „Человѣкъ — не растеніе, не прахъ, не скотъ, не тупая принадлежность почвы: онъ не можетъ стать собственностью. Что иное, какъ не насиліе, самое неприкрытое и безсовѣстное, представляетъ присоединеніе къ себѣ территоріи безъ опроса ея населенія ****).

Еще Гольбахъ, этотъ идейный предтеча революціи, выясняетъ моральную недопустимость и огромный вредъ всякаго насильственнаго отторженія территоріи. Таящее неизмѣнно зерно новыхъ международныхъ столкновеній, оно общественный покой

*) Laurent. — Etudes sur l'histoire de l'humanité, т. XVIII.
**) Laurent. — Op. cit., т. XV.
***) Sorel. — L'Europe et la Revolution française.
****) Mirabeau. — Lettre à Frédéric-Guillaume.

подмѣняетъ состояніемъ вулкана предъ изверженіемъ. Одни толкаются на кровавый путь реванша, другіе лишь аггресивными мѣрами способны охранять неправильно добытое. Авторъ клеймитъ завоеванія, какъ простую, при томъ еще безплодную кражу (des vols infructueux), и полагаетъ необходимымъ навсегда запретить ихъ, путемъ общепринятаго въ международныхъ отношеніяхъ, основного и нерушимаго закона *).

А въ 1790 году Учредительное Собраніе уже ставитъ вопросъ на практическую почву. Въ связи съ докладомъ министра Монморэна о вооруженіяхъ Англіи, въ дебатахъ членовъ Собранія закладываются основы новой политики возрожденной Франціи („les règles immuables, qui vont diriger la diplomatie de la France régénérée"). — Франція хочетъ мира прочнаго и устойчиваго: она никогда не помыслитъ о расширеніи собственной территоріи, но не позволитъ и другимъ вступить на этотъ путь. „Пусть всѣ народы станутъ свободны, какъ мы, и войны больше не будетъ",— восклицаетъ Вольнэй. Естественно, что Собраніе съ открытой душой пошло навстрѣчу предложенію Петіона объявить въ рѣшительной формѣ объ отказѣ Франціи навсегда отъ всякихъ завоеваній и ея готовности свои нынѣшнія границы разсматривать, какъ извѣчныя.

Въ этомъ отношеніи исключительный интересъ представляетъ декларація Собранія ко всѣмъ народамъ, написанная Кондорсэ. Въ ней съ ясностью и твердостью находимъ мы изложенными основныя начала новаго международнаго права. Между прочимъ, слѣдующее: „Французская республика рѣшительно отклоняетъ какія бы то ни было аннексіи, кромѣ случаевъ свободно выраженнаго о томъ желанія большинства жителей территоріи... Французскій народъ торжественно отказывается отъ завоевательныхъ войнъ и никогда впредь не употребитъ своей силы на подавленіе свободы другихъ народовъ". Послѣднее постановленіе, въ формѣ государственнаго закона, было включено впослѣдствіи въ Конституцію 1791 г. **).

Пересмотрѣла великая французская революція и другой

*) Holbach. — Ethocratie ou le Gouvernement fondé sur la morale.

**) Des rapports de la nation française avec les nations etrangères—titre VI.

большой вопросъ международныхъ отношеній: право объявленія войны и мира. Дотолѣ безспорная прерогатива монарха, не подвергнутая сомнѣнію ни однимъ изъ такихъ провозвѣстниковъ правового государства, какъ Монтескье и Локкъ, она вдругъ рѣзко теряетъ почву. Кто не знаетъ знаменитой фразы Демулэна въ Національномъ Собраніи: „Это нашему собранію, это народу, а не династіи принадлежитъ право рѣшать войну или миръ, потому что это насъ, а не династію, калѣчатъ и убиваютъ". „Надѣлить короля правомъ войны и мира,—говорилъ Шабру,—это то же, что бросить конституцію къ его ногамъ и сказать ему, какъ Богу: да будетъ воля твоя" *).

Новый взглядъ нашелъ тщательную обработку въ особой декларацiи Вольнэя. Предлагая ея текстъ Собранію, философъ обрисовалъ, какое печальное зрѣлище чванства и глубокой народной нищеты представляла дотолѣ Европа. Она считалась только съ интересами династіи; націи имѣли для нея только второстепенное значеніе. Государи владѣли своими имперіями, какъ помѣстьями. Въ приданое поступали народы, точно стада овецъ. Ради забавы правителей разоряли цѣлыя страны. Частными договорами народы лишались своихъ естественныхъ правъ. Миръ человѣчества зависѣлъ отъ плеврита, отъ паденія съ лошади.

Вы призваны положить конецъ такому печальному порядку вещей, — звалъ Вольнэй свой народъ, — вы не допустите, чтобы милліоны людей были игрушкою въ рукахъ немногихъ. Вы вернете націямъ ихъ достоинство и права. Рѣшеніе, какое вы примете сегодня, сдѣлается исходнымъ моментомъ новой эры. Сегодняшній день есть день вашего торжественнаго входа въ политику. Въ высшей степени важно, чтобы во внушительной формѣ вы выразили то, чего могутъ ждать отъ вашихъ принциповъ и отъ васъ самихъ всѣ народы.

За этимъ слѣдовала самая декларація. „Національное Собраніе, желая заявить о тѣхъ началахъ, которыя впредь будутъ руководить его внѣшними сношеніями, торжественно объявляетъ: 1) что оно смотритъ на человѣческій родъ, какъ на единое цѣ-

*) Ковалевскій. — Происхожденіе современной демократіи—т. 2-ой.

лое, какъ на сообщество, цѣль котораго есть миръ и счастье всѣхъ и каждаго изъ его сочленовъ; 2) въ этомъ великомъ сообществѣ народы и государства разсматриваются, какъ частные индивиды и, подобно имъ, должны пользоваться тѣми же естественными правами и подчиняться тѣмъ же правиламъ справедливости, что и частныя лица; 3) поэтому ни одинъ народъ не можетъ овладѣть собственностью другого, лишить его свободы и естественныхъ преимуществъ; 4) война, предпринятая съ цѣлью, чуждой защитѣ права, является актомъ угнетенія. Всякое государственное сообщество заинтересовано въ ея прекращеніи, такъ какъ вооруженное занятіе одного государства другимъ грозитъ свободѣ и безопасности всѣхъ".

Національное Собраніе постановило включить въ конституцію свое рѣшеніе: „французская нація отказывается отъ всякой войны, задачей которой было бы расширеніе ея границъ" *). И, какъ результатъ этого,—включенный въ конституцію 1791 г. параграфъ: „Война не можетъ быть рѣшена иначе, какъ декретомъ законодательнаго органа". Но эволюція не остановилась и на этомъ. Якобинская конституція 1793 г. объявленіе войны относитъ уже не къ декретамъ, но къ закономъ, почему такія объявленія должны ждать 40 дней, въ теченіе которыхъ можно требовать передачи ихъ на референдумъ.

Не менѣе радикально разрѣшала великая революція позапрошлаго вѣка и вопросъ о дипломатіи. Сорвать покровъ тайны, окутывающей международную политику, было первымъ ея требованіемъ. Народы не заговорщики, и внѣшнія отношенія ихъ должны стать такъ же ясны и открыты для всѣхъ, какъ и ихъ внутри-государственная политика,—встрѣчаемъ мы рѣшительное заявленіе. Революціонеры той эпохи призывали: „Однимъ изъ средствъ обезпечить человѣчеству всѣ выгоды революціи и дать разительный примѣръ народамъ,—примѣръ, доселѣ неизвѣстный исторіи,—долженъ быть отказъ отъ всѣхъ старинныхъ хитросплетеній дипломатіи. Вѣрность данному слову и честность будутъ отнынѣ руководить нашей политикой; мы сознаемъ, что

*) Засѣданіе Національнаго Собранія 18 мая 1790 г.

народамъ такъ же не дозволено обманывать другъ друга, какъ и частнымъ лицамъ“ *).

Такъ пунктъ за пунктомъ въ идеологіи международныхъ отношеній французская буржуазная революція предвосхитила всѣ положенія, которыя русская революція почувствовала с в о и м ъ откровеніемъ.

Но у глашатаевъ самобытности этой стороны нашей революціи есть еще прибѣжище. Французская революція шла подъ знакомъ патріотизма. Наша, щедро обвѣянная духомъ Интернаціонала, усмотрѣла въ патріотизмѣ препятствіе для осуществленія міровыхъ заданій и отбросила его, какъ пройденный этапъ, какъ пожившій себя предразсудокъ буржуазнаго уклада. Всѣ помнятъ, что въ дни наиболѣе рьянаго насажденія соціализма на невоспріимчивую отечественную почву самый терминъ патріотизма сталъ одіознымъ. А что и по существу убѣжденіе это какъ будто отвѣчало настроенію широкихъ массъ, не явствовало ли изъ того, что у насъ цѣлое теченіе соціалистической мысли, зааттестованное, какъ „соціалъ-патріотическое“, было обречено на одиночество, хотя наклейка эта чуть не единственно исчерпывала содержаніе его критики.

Но развѣ не то же въ извѣстный моментъ происходило и во Франціи, и развѣ ея революціонеры съ такимъ же усердіемъ не развѣнчивали патріотизма, лишь, чуждые шаблона, иначе живописуя это.

— Слишкомъ долго чувство патріотизма было слѣпой привязанностью къ углу, гдѣ ты родился, къ почвѣ, что тебя вскормила, привязанностью, на алтарь которой приносилось благо и счастье другихъ народовъ,—громили они.—Это—патріотизмъ, который твердилъ французу, указывая на англичанина, англичанину, указывая на француза: вотъ твой врагъ; интересъ твоего отечества приказываетъ тебѣ его ненавидѣть. Это подъ его знаменемъ народы Европы слѣпо обрушивались другъ на друга въ кровавыхъ схваткахъ. Но не намъ, уяснившимъ призваніе человѣчества, не намъ, понявшимъ взаимность интересовъ, общность узъ и нерушимость національныхъ правъ, не намъ культивировать

*) Изъ рѣчи П е т і о н а въ Національномъ Собраніи.

это чувство. Въ немъ не добродѣтель, но жесточайшій порокъ. Не въ униженіи или гибели другихъ народовъ полагаемъ мы наше благо, нашъ кровный интересъ. Мы не знаемъ болѣе чувства, которое диктуетъ къ людямъ ненависть только потому, что они не родились нашими соотечественниками. Идетъ уже время, когда свободные народы сольются въ единомъ союзѣ и патріотизмъ (самое слово станетъ неизвѣстнымъ — ce mot deviendra ignoré) будетъ ничѣмъ инымъ, какъ любовью къ человѣчеству *).

Могутъ возразить, что въ ту эпоху слово „патріотизмъ", не потерпѣвъ измѣненій въ существѣ, лишь замѣнилось новымъ: національное чувство—l'esprit national. Но вотъ какъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ чернитъ это чувство Бриссо. Онъ пишетъ въ 1791 году: „національное чувство ведетъ прямо къ эгоизму, къ рабству (l'esprit national mène droit à l'égoisme et à l'esclavage). Отечество истиннаго человѣка это—вселенная". Чтобы закрѣпить новый взглядъ, Законодательное Собраніе особымъ декретомъ включаетъ въ число гражданъ Французской Республики рядъ иностранныхъ ученыхъ и политическихъ дѣятелей. Избранный членомъ Національнаго Конвента, Томасъ Пэнъ въ своихъ знаменитыхъ письмахъ къ французскому народу пишетъ: „я чувствую, какъ ширится мое счастье отъ вида падающихъ барьеровъ, которые такъ долго ограничивали патріотизмъ, привязывая его къ опредѣленнымъ кусочкамъ земли, прикрѣпляя къ почвѣ, точно какое-нибудь растеніе, высокое званіе гражданина".

Французскіе революціонеры видѣли предъ собой задачу мірового масштаба (cette république que l'humanité a chargée de sa cause et qui doit sauver l'univers), и Франція была для нихъ лишь вдохновительницей ея. Но бережное отношеніе къ революціи, но помощь Франціи со стороны всѣхъ народовъ представлялась имъ естественной обязанностью, въ виду общечеловѣческаго значенія ея домоганій. Существовала твердая увѣренность, что на тотъ-же путь будутъ увлечены всѣ другіе народы (séduisons tous les peuples par un invincible attrait). И съ искренней вѣрой восклицаетъ Сенъ-Жюстъ: „раскается Европа за то, что

*) Laurent. — Etudes sur l'histoire de l'humanité — т. XVIII.

проливала кровь народа, который былъ благодѣтелемъ человѣчества (qui fut le bienfaiteur de l'humanité)".

Лишенные французской экспрессіи, по существу были тѣ же и увѣренность россійскихъ революціонеровъ, что удастся увлечь на свой путь всѣ народы, и ихъ настойчивыя требованія поддержки. Аналогичной была и та цѣль, во имя которой въ концѣ позапрошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія враждующіе народы призывались, откинувъ всѣ распри, спаять объединенныя, мощныя усилія. Французская революція опредѣляла ее, какъ международную организацію міра (système universel, по опредѣленію Фошэ), которая замиритъ народы и поразитъ страшный людской бичъ—войну*). Русская революція назвала ее демократическимъ миромъ, но это было то же стремленіе добиться въ международныхъ отношеніяхъ извѣстныхъ гарантій, на мѣстѣ господства шального случая установить сколько-нибудь стойкій порядокъ.

И если россійская революція залогъ успѣха на этомъ пути видѣла въ естественной солидарности рабочаго класса всѣхъ странъ, то революція французская свои пылкія надежды возлагала на солидарность другого молодого класса, который пришелъ на смѣну воинственнымъ и грубымъ феодаламъ. Занятіе промышленностью и торговлей, полагали тогда, пришедшее на смѣну занятія военнымъ ремесломъ, взаимное насильство смѣнили тѣсно переплетенной связью общихъ интересовъ, общей взаимозависимостью. Чувство космополитизма вытѣснило ненависть гражданина къ иностранцу**).

Такъ повторилися слова. Намъ скажутъ: разнятся дѣла. Къ сожалѣнію, это такъ. Не признать этого трудно. Да, разнятся, но не столько, сколько психологія одного класса отъ другого, интернаціональное чувство отъ націонализма, но какъ разнится сила отъ безсилія, стальная логика отъ немощной парранои. Революціонеры Франціи понимали, что оставить страну вооруженной лишь идеями противъ монархической коалиціи во все-

*) Laurent.—Etudes, t. XV.

**) Discussions au Tribunat sur le droit d'aubaine (Laurent.—Etudes).

оружіи силы,—значило бросить на колѣни предъ императорскимъ жезломъ и страну и свободу.

„Я спрашиваю себя,—восклицалъ Мирабо:—если мы внезапно измѣнимъ нашу внѣшнюю политику, побудимъ ли мы этимъ другіе народы сдѣлать то же самое? До тѣхъ же поръ новая эра международныхъ отношеній—только мечта, причемъ мечта смертельно опасная, если она приведетъ къ обезсиленію революціонной Франціи за счетъ реакціонной Европы".

Что измѣнилося съ тѣхъ поръ? И развѣ ограничено временемъ утвержденіе Вольтера, что разумъ всегда кончаетъ тѣмъ, что обнаруживаетъ свою правоту. Тѣ, кто подъ обманными знаменами привели къ катастрофѣ наше государство, одновременно влекли къ катастрофѣ и революцію, за которую столь ратовали. Такимъ образомъ, потерянная историческая перспектива мстила за себя. Но было бы невѣрно всю отвѣтственность за это возлагать на однихъ большевиковъ. Ошибка имѣла свою исторію. Ее возглавляетъ пресловутый „Циммервальдъ". Дотолѣ невѣдомый ничтожный городокъ Швейцаріи, пріютившій соціалистическую конференцію, слилъ свое имя съ рожденной на конференціи убогой теоріей.

II.

Идеи Циммервальда и уроки жизни.

Потрясающая міровая катастрофа застала врасплохъ соціалистическіе круги. Въ связи съ непрекращающимся ростомъ вооруженій возможность столкновенія, конечно, учитывалась. Неоднократно вопросъ объ этомъ возникалъ и на очередныхъ соціалистическихъ съѣздахъ. Но онъ мало въ чемъ измѣнялъ обычный ходъ занятій съѣздовъ, и того меньше отражался на укоренившейся практикѣ внутри-національной, политической борьбы. Соціалисты ревниво отстаивали свой голосъ, когда дѣло шло о мелкихъ полицейскихъ нормахъ; они оставляли нетронутымъ порядокъ, при которомъ важнѣйшіе акты, опредѣлявшіе подчасъ жизнь и смерть народа, шли мимо ихъ компетенціи. Малозначущія частности въ рѣшеніи вопросовъ муниципальнаго хозяйства фактически больше занимали вниманіе, нежели отвѣтственнѣйшіе государственные шаги.

Парламентскія сферы не только мирились съ ничтожностью своихъ функцій во всемъ, что касалось внѣшней политики; онѣ весьма равнодушно относились къ выполненію своихъ обязанностей въ этой области и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда ихъ призывалъ къ тому законъ. Вспомнить только, что французскій парламентъ, рѣшеніе котораго требовалось для предполагавшагося въ 1886 году разрыва съ Германіей, счелъ возможнымъ, расходясь на вакаціи, свою прерогативу переуступить небольшой комиссіи. Той же инертности обязана французская палата атро-

фіей одного изъ несомнѣнныхъ своихъ правомочій—принятія отвѣтственности за рѣшенія колоніальныхъ военныхъ экспедицій.

Такимъ образомъ, въ то самое время, какъ въ отношеніяхъ внутри-государственнаго характера правовыя формы строго и неуклонно подчиняли себѣ жизнь, нормировка внѣшне государственныхъ функцій оставалась на вполнѣ примитивномъ уровнѣ. Разъ усвоенныя положенія не только избѣжали развитія въ поступательномъ направленіи, но если и претерпѣвали измѣненія, то скорѣе въ сторону бо́льшаго суженія правъ законодательныхъ инстанцій. Парламентъ стоялъ въ сторонѣ отъ всего процесса дипломатической работы. Отъ него скрывалось содержаніе переговоровъ, заключающая ихъ переписка, условія, предложенія. Несостоятельный въ чемъ либо измѣнить характеръ иностранныхъ сношеній, направлять ихъ, парламентъ нормально знакомился лишь съ законченнымъ итогомъ дипломатической работы. Впрочемъ, и это не всегда. Содержаніе такъ называемыхъ союзныхъ договоровъ составляло строгую тайну порою на многіе десятки лѣтъ. Исполнительная власть пользовала безраздѣльное право признать или не признать новое правительство, прекратить дѣйствіе политическаго союза, заключить новый, мѣнять оріентаціи, зоны вліянія. Законодательному органу во всѣхъ этихъ случаяхъ оставалось лишь выраженіе довѣрія или недовѣрія, да еще право запроса. Однако, даже прямое неудовольствіе правительственными дѣйствіями, если подчасъ сказывалось въ перемѣнахъ по министерству, ни въ чемъ не отражалось обыкновенно на разъ принятомъ направленіи внѣшней политики. Франко-русскій союзъ крѣпъ, не взирая на явную непріязнь къ нему въ первые годы парламентскихъ круговъ. Мало того, для ублаженія союзной автократіи правителями республиканской Франціи, тайкомъ отъ парламента, была принесена не одна моральная и правовая жертва. Стоитъ вспомнить дѣйствія во Франціи знаменитой русской охранки.

Еще меньшее значеніе для осуществленія контроля представляло право парламентскаго запроса. Противъ этого законнаго права министерство иностраннаго вѣдомства прочно забронировалось больше практикой созданнымъ преимуществомъ—отказывать въ отвѣтѣ. Подъ предлогомъ соображеній государственной

безопасности, интересовъ государства, руководители иностранной политики, не въ примѣръ всѣмъ другимъ, нерѣдко оставляли относящіеся до нихъ запросы безъ всякаго удовлетворенія. Въ такой конституціонной странѣ, какъ Англія, гдѣ всемогущество парламента вошло въ поговорку, запросъ о персидскихъ дѣлахъ 6-го іюня 1912 года парализуется холоднымъ указаніемъ Грея, что „ничего опредѣленнаго“ по этому поводу онъ сообщить парламенту не можетъ.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ законодательнаго творчества извѣстное расширеніе правъ законодательствующей власти является часто плодомъ одной только парламентской практики. Иначе во всемъ, что касается вліянія парламента въ международныхъ отношеніяхъ. Уполномоченная власть здѣсь неусыпно на стражѣ своихъ прерогативъ и ихъ исключительности.

Когда въ концѣ 1900 года изъ среды швейцарскаго національнаго совѣта раздалось предложеніе обратиться къ англійской палатѣ, и одновременно къ другимъ европейскимъ парламентамъ, съ призывомъ передать трансваальскій конфликтъ на разсмотрѣніе третейскаго суда, — это произвело впечатлѣніе безтактности. Сами авторы предложенія отъ него отказались, убѣжденные доводами относительно неконституціонности. А люди дипломатическаго опыта рѣзко осудили эту попытку „создать практику, предоставляющую парламенту вести свою иностранную политику“, какъ путь, способный „создать полную анархію и толкнуть государство къ гибели“ *).

238423

Не менѣе характерно поведеніе англійскаго правительства въ вопросѣ объ уступкѣ Германіи острова Гельголанда. Хотя согласіе парламента было поставлено условіемъ договора и условіе это получило выполненіе, но официальный представитель исполнительной власти — Гладстонъ — сдѣлалъ всѣ усилія, чтобы отнять у случая характеръ прецедента. Высказавъ свое рѣшительное сомнѣніе въ конституціонности примѣненной процедуры, онъ подтвердилъ, что всякая уступка территоріи составляетъ собственно королевскую прерогативу, что обращеніе къ парламенту

*) Barthélemy. — Le rôle du pouvoir exécutif dans les républiques modernes.

БИБЛИОТЕКА

на этотъ разъ было лишь актомъ свободной воли короны, посему никакого ограниченія для ея правъ влечь не можетъ, такъ же, какъ безсильно создать новое право для палатъ *).

Столь же ревниво отстаивались подобныя полномочія за исполнительной властью во Франціи, гдѣ содержаніе президентскаго „pouvoir réglementaire" нерѣдко получало несоотвѣтствующее смыслу конституціи, расширительное толкованіе. Любопытно, что парламенту не были представлены гаагскія конвенціи. Такимъ образомъ, строгая изоляція вопросовъ внѣшней политики лишь усиливалась въ то время, какъ жизненное значеніе ихъ для государствъ и народовъ не переставало возрастать.

Разразившееся бѣдствіе міровой войны, ея неслыханные размѣры, вся невмѣстимость ея ужаса застали человѣчество пассивнымъ, немощнымъ, безсильнымъ. Изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ созидало оно свое благополучіе, укрѣпляло устои своего существованія, на мѣстѣ дичи и произвола закладывало прекрасное зданіе строго правового государства. И чѣмъ бо́льшія массы втягивались въ политическое и правовое строительство, чѣмъ больше людей становилось участниками собственныхъ судебъ, тѣмъ крѣпче была увѣренность, тѣмъ ярче были надежды. Вмѣстѣ съ активностью росло развитіе, развитіе питало культурность, культурность созидала цѣнности, неисчислимыя моральныя и физическія цѣнности; а множась, онѣ поддерживали спасительную вѣру, что не минетъ тотъ часъ, когда не станетъ больше избранныхъ, когда щедрая жизнь равно одѣлитъ и званыхъ, и незваныхъ. И вдругъ, жестокій смерчъ, налетѣвъ, снесъ все: уничтожилъ, исковеркалъ, изломалъ. Возвративъ народы къ эпохѣ доподлинной дикости, когда правъ былъ тотъ, кто былъ сильнѣе, сильнѣе тотъ, кто не имѣлъ въ сердцѣ жалости, онъ, казалось, стремился къ одному: не оставить камня на камнѣ отъ всѣхъ святынь, отъ всего, что лелѣялось и воспитывалось столѣтіями.

Право, культура, этика,—что сталося съ ними? Что сталось съ національнымъ правомъ, — правомъ страны сербовъ, съ несравненнымъ во многихъ отношеніяхъ національнымъ правомъ Бельгіи? Ихъ готово было изгнать, стереть то своеобразное право,

*) С. Котляревскій. — Правовое государство и внѣшняя политика.

которое германскій профессоръ Оствальдъ, къ свѣдѣнію наивныхъ народовъ, растолковалъ въ началѣ войны. „Право есть лишь результатъ борьбы, — писалъ онъ, — оно отсутствуетъ, покуда борьба длится; оно рождается въ моментъ, когда одинъ изъ борющихся поверженъ на землю, и его положеніе у ногъ побѣдителя, смирившагося, во всемъ покорнаго осилившей волѣ,—вотъ содержаніе права“ *).

Было отъ чего прійти въ отчаянье, было отъ чего усумниться: неотступные труды — кровь и мозгъ многихъ поколѣній — не въ пустую ли затрачены, не оказалось ли зданіе лишеннымъ фундамента, красивая оболочка прикрывшей гнилую сердцевину. Встревоженный умъ искалъ выхода, спасенія. Естественно, для нынѣшней жесточайшей изъ войнъ непрестанное сознаніе необходимости коренного переустройства существующихъ международныхъ отношеній. Оно одинаково было свойственно коллективамъ, какъ и той бѣднягѣ-крестьянкѣ, женѣ запаснаго, о которой упоминаетъ въ своей книгѣ профессоръ Мило. „Я знаю, что не Франція хотѣла войны, — говорила эта простушка, — но нужно „устроиться“ теперь такъ, чтобы „подобное“ не могло повториться снова“ **). Та же жажда диктовала прекрасное посланіе Вильсона и первый на зарѣ революціи призывъ къ народамъ россійской демократіи. Что такъ больше не можетъ продолжаться, что человѣчество идетъ къ самоубійству, что между яростью шквала, движимаго слѣпыми силами природы, и военной стихіей, обусловленной участіемъ людей, должно найтись различіе, — становилось очевидно. И всѣ, и каждый искали рѣшенія. Мудрено ли, что всѣхъ тревожнѣе его искали соціалисты. Они всѣ полагали въ неустанномъ развитіи производительныхъ силъ, и стали свидѣтелями ихъ безудержнаго разрушенія; въ международномъ единеніи класса они ощущали живую душу своего движенія, и видѣли ее разорванной въ клочья.

Жестокость испытанія не помѣшала соціалистамъ подлинно научной мысли безошибочно и безъ колебаній опредѣлить свое мѣсто въ возникшей борьбѣ. Въ этотъ часъ неслыханной кро-

*) E. Milhaud. — La société des nations.
**) E. Milhaud. — La société des nations.

вавой трагедіи не слово, но дѣйствіе, выкованное острымъ анализомъ дѣйствительности, подсказало имъ глубоко продуманное ученіе. Фигуры Плеханова, Гэда, Энглези живой защитой своего знамени останутся въ исторіи.

Но были и другіе, которые не дозрѣли до движущейся жизни, которые живой идеалъ обезкровили, обкромсали, чтобы онъ пришелся ближе къ сухой и застывшей догмѣ. Эти не хотѣли знать ни фактовъ, ни времени, и во всемъ исходили изъ собственныхъ боли, негодованія, растерянности. Отвергнувъ раздосадовавшую ихъ жизнь, они замкнулись въ искусственно построенное подобіе жизни. Разрушенный Интернаціоналъ былъ торжественно скрѣпленъ ими въ Циммервальдѣ, и вторично освященъ въ Кинталѣ. Этому не помѣшали окровавленныя поля Бельгіи и Франціи, не помѣшало и то, что лютая, ожесточенная борьба, бросившая другъ на друга рабочихъ разныхъ странъ, еще длилась. Война въ ихъ глазахъ была только адовымъ наважденіемъ буржуазіи всѣхъ странъ, все равно, какъ пролетаріатъ всѣхъ странъ одинаково безусловно ея жертвой; имперіалистическія стремленія одинаково свойственны господствующимъ классамъ всѣхъ странъ, какъ сулящія имъ одинаковыя выгоды, и такъ же чужды рабочимъ всѣхъ странъ, какъ одинаково поражающія всюду ихъ интересы.

Соблазнительная простотою формула не оставляла мѣста сомнѣніямъ. Но, какъ показалъ еще Гегель, односторонній разсудокъ, спасаясь отъ противорѣчій, впадаетъ въ противорѣчіе съ противорѣчивой дѣйствительностью. Дѣйствительность лишила насъ сладостнаго зрѣлища безкорыстнаго германскаго пролетаріата, пролетаріата — жертвы своей и всесвѣтной буржуазіи. Но показала его съ увлеченіемъ попиравшаго чужія земли, влекомаго грубо экономическимъ интересомъ ближайшей цѣли, отворачивающагося отъ прежнихъ идеаловъ. Въ теченіе всей войны его настроеніе выражали писанія тѣхъ идейныхъ вождей, которые все свое искусство положили, чтобы оправдать и нарушеніе нейтралитета Бельгіи, и колоніальныя авантюры, и пренебреженіе къ независимости малыхъ народовъ.

Мы читали у нихъ: „населеніе Германіи стало слишкомъ многочисленнымъ, чтобы оно могло добывать себѣ блага изъ на-

ціонально-ограниченнаго хозяйства... Необходимо поэтому стремиться имѣть опору и укрѣпляться и внѣ своихъ государственныхъ границъ... Какъ можемъ мы подкрѣпить нашу борьбу за политическую власть, если мы будемъ отрицать необходимость колоніальнаго хозяйства и отказываться отъ выполненія его заповѣдей" *).

А иные, въ противоположность всѣмъ прежнимъ соціалистическимъ традиціямъ, даже полагали, что „колоніально-политическое воздержаніе соціалъ-демократіи было бы нелѣпостью. Мы должны не только принимать въ будущемъ активное участіе въ разрѣшеніи колоніальной проблемы, но до извѣстной степени быть носителями истинной колоніальной политики" **). Впрочемъ, это рѣшеніе не удивляло насъ, такъ какъ, согласно тогдашнему убѣжденію этихъ соціалистовъ, „колоніальное хозяйство стало физической основой пролетарскаго существованія" ***). Одновременно и, такъ сказать, въ будущій счетъ отпускались феодальному германскому правительству возможныя прегрѣшенія его въ отношеніи покореннаго населенія. „Рѣшительное признаніе гуманности въ отношеніи туземцевъ не должно заставить насъ отказаться отъ продѣлыванія надъ ними порядочной воспитательной работы... Формула о равенствѣ всего того, что носитъ человѣческій обликъ, конечно, благородна и великодушна",— видѣли себя вынужденными согласиться нѣмецкіе соціалисты,—„но,— находили они, — результаты тысячелѣтняго отсутствія антропологическаго развитія не могутъ быть уничтожены въ теченіе одного поколѣнія. Необходимое экономическое завоеваніе первобытныхъ странъ столь же невозможно безъ покушеній на „права" и „свободы" ихъ населенія, какъ и воспитаніе ребенка безъ принудительныхъ мѣръ и дисциплины" ****).

Хорошо отстаивавшіе право германскаго пролетаріата защищать свое отечество безъ оговорокъ: „если бы даже германское

---

*) А. Виннингъ. — Колоніи и рабочіе. „Sozialistische Monatshefte". Цитир. по сводкѣ В. Левицкаго.

**) „Sozialistische Monatshefte" за 1916 годъ № 5.

***) Квессель.—Война, какъ политическій воспитатель.—„Sozialistische Monatshefte" за 1915 годъ № 5.

****) А. Виннингъ.—Колоніи и рабочіе.

правительство было цѣликомъ виновно въ провоцированіи войны для порабощенія Европы, и тогда мы не могли бы поступить иначе, чѣмъ мы поступили“ *), — эти соціалисты легко, однако, пресдолѣвали другіе національные организмы. — „Идея чистаго національнаго государства стала теперь абсурдомъ. Только болѣе крупныя государственныя образованія имѣютъ шансы сохраниться“ **). „Національныя государства въ экономическомъ отношеніи превратятся въ болѣе крупныя имперіи, и ихъ экономическая политика благодаря этому поднимется на высшую ступень“ ***).

Съ этой стороны, для нѣмецкихъ соціалистовъ возможнымъ представлялось установленіе для нѣкоторыхъ государствъ особаго „средняго состоянія между полной государственной независимостью и вліяніемъ могущественнаго сосѣда“. Такой судьбѣ они готовы были обречь Сербію. „Сербія не должна стать частью австрійскихъ владѣній, но можно себѣ представить, что ей будутъ поставлены предѣлы въ отношеніи ея внѣшней политики, въ правѣ заключать союзы, въ желѣзнодорожной и торговой политикѣ“ ****). Не миловалась также Бельгія: „Можно стремиться безъ аннексій поставить Бельгію въ такое положеніе, чтобы она не могла больше, подъ прикрытіемъ нейтралитета, быть орудіемъ враждебной Германіи Англіи, чтобы она тѣснѣе связалась съ нѣмецкими интересами и освободилась отъ вліянія англійскихъ“ *****). Такъ изощрялись идеологи рабочаго класса Германіи во время міровой войны.

Но, глухіе къ окружающему, схоластики-циммервальдисты не нарушали цѣлостности своей теоріи: точно декораціи въ театрѣ стояли искусственно разставленные одинъ противъ другого два класса въ міровомъ масштабѣ: одинъ — виновникъ войны и злостный насильникъ, другой—его невинная жертва. Все, что принесла съ собой война, не существовало для этихъ людей. Не существовали и многочисленные, рожденные ею, настойчивые

*) В. Гейне. — Германская соціалъ-демократія и интернаціоналъ.
**) В. Гейне. — Старый и новый интернаціоналъ.
***) Гуго Пэчъ. — Имперія и рабочіе.
****) М. Шиппель. — Мысли о мирѣ въ соціалъ-демократіи.
*****) Ibid.

вопросы, — вопросы международныхъ отношеній, ихъ будущаго, необходимыхъ гарантій, выборъ средствъ и методовъ въ каждый текущій моментъ для согласованія ихъ съ поставленными цѣлями. Всѣхъ ихъ поглотило то универсальное средство, въ которое превратился вырванный изъ дѣйствительной обстановки идеалъ соціалистическаго движенія. Его плохо разсуждавшіе адепты уже не наличіе условій, необходимыхъ для его реализаціи, но субъективныя переживанія исключительно принимали за рѣшающій моментъ.

Циммервальдская конференція въ „Окружномъ посланіи" urbi et orbi оповѣщала, что единственнымъ выходомъ изъ жестокой бойни можетъ быть только „революціонное вмѣшательство международнаго пролетаріата". „Революціонное вмѣшательство" международнаго пролетаріата предполагало и одновременную смѣну соціальной формаціи. Насколько, въ дѣйствительности, пролетаріатъ Россіи, къ примѣру, оказался способнымъ выполнить высокую миссію хотя бы въ части, мы уже убѣдились. Нѣтъ никакихъ указаній, почерпнутыхъ изъ объективнаго процесса общественнаго развитія, которыя позволяли бы ждать иного отъ населенія полуземледѣльческой Австріи, или хранить иллюзіи въ отношеніи пролетаріата Турціи или мало развитой Италіи.

Но утопическое мышленіе не знаетъ объективныхъ указаній. Со всею присущей ему ограниченностью оно влечется своимъ миражемъ, ничему не учась у жизни, ничего не давая ей. Циммервальдисты, быть можетъ, въ свое время умѣли усвоить, въ какомъ отношеніи къ ихъ программѣ стоитъ забастовка въ мелкой портняжьей мастерской, и знали, какъ использовать ее, въ качествѣ орудія своей политической борьбы, но они не постигли отношенія къ ихъ программѣ великаго мірового событія, и не поняли, какое мѣсто ему предоставить въ своей политикѣ. Носители освободительной идеи,—они не разглядѣли никакого ея признака въ борьбѣ Бельгіи и Сербіи за свое право, свою землю, свою культуру. Для этого имъ пришлось, какъ негодную ветошь, отбросить понятіе отечества.

Пролетаріатъ не имѣетъ отечества,—запротоколировали они, и этимъ думали вычеркнуть изъ ея среды ту историческую группу, которая въ вѣкахъ совмѣстнаго развитія сознала свою

связь, свое единство. Не стало больше преступленія въ насильничествѣ противъ свободы и независимости этого отечества. Не стало и необходимости для пролетаріата отстаивать свое свободное національное существованіе. И нападающіе, и обороняющіеся вызывали одинаковое осужденіе, одинаково объявлялись измѣнниками пролетарскаго дѣла.

Правда, величайшій изъ современныхъ намъ миролюбцевъ, соціалистъ Жоресъ полагалъ иначе о пролетарскомъ дѣлѣ. Онъ полагалъ, что „никогда пролетаріатъ, который откажется отъ защиты національной независимости и, тѣмъ самымъ, отъ защиты своего собственнаго свободнаго развитія, не будетъ имѣть силы для того, чтобы побѣдить капитализмъ; и если бы къ игу капитала онъ безъ сопротивленія взялъ на свои плечи еще иго завоевателя, онъ никогда бы не испыталъ искушенія поднять свою голову“ *). Но тѣмъ и отличается истинный миролюбецъ отъ миролюбцевъ типа циммервальдиста, что онъ не голый фактъ войны и его ужасы беретъ за рѣшающій критерій, но соображеніе политической цѣлесообразности, почему и самую войну можетъ использовать, какъ средство къ своей цѣли. Въ дѣйствительности, не одна война въ исторіи народовъ уже послужила дѣлу мира лучше всякихъ мирныхъ конференцій и мирныхъ резолюцій. Такой особенно могла стать настоящая война, если бы не цѣликомъ задерживающія усилія циммервальдистовъ, и особенно циммервальдистовъ россійскихъ.

Для нихъ явленіе не имѣло сторонъ. Одинаково отрицательное, отовсюду, какъ ни разсматривай его, окрашенное въ безысходно ровный, мрачный цвѣтъ, слѣпое порожденіе съ какой-то дьявольской равномѣрностью дѣйствующихъ имперіалистическихъ силъ, оно не предоставляло никакого выбора. „При всякомъ пораженіи и при всякой побѣдѣ, — находила циммервальдская конференція (въ томъ же „Окружномъ посланіи“),—мы будемъ свидѣтелями пораженія демократіи и соціализма, обостренія интернаціональныхъ противорѣчій“. Казалось, разъ такъ, разъ жестокое зло послѣдствій войны представлялось неминуемымъ,—все равно, каковы бы ни были условія, на которыхъ война закончится, недо-

*) Жанъ Жоресъ. — La nouvelle armée.

пустимой безсмыслицей становилось ея продолженіе. Казалось, оставалось одно: равная борьба на оба фронта, борьба противъ войны, какъ таковой, за миръ во что бы то ни стало.

Но старая программа, старыя слова еще обязывали. Не нашедшія себѣ примѣненія въ величайшемъ изъ жизненныхъ событій, они не вполнѣ отзвучали въ ушахъ тѣхъ, кто много, хоть и всуе, повторялъ ихъ. „Мы не можемъ оспаривать ни принциповъ, положенныхъ французскими соціалистами въ основу ихъ военныхъ цѣлей, ни права на ихъ формулировку, не начавъ неожиданно отвергать того, что въ теченіе десятилѣтій мы признавали",—писалъ Эдуардъ Бернштейнъ *). Но едва закончивъ справедливое умозаключеніе, онъ охваченъ слабостью: насколько эти цѣли соотвѣтствуютъ цѣнѣ ихъ достиженія, не слишкомъ ли великъ ужасъ самой войны, непоправимъ вредъ, который она наноситъ обѣимъ сторонамъ.

Вынужденной данью тому, что въ теченіе десятилѣтій признавалось, является рожденная въ Циммервальдѣ, какъ deus ex machina, своя программа мира: безъ аннексій, контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народовъ. Конечно, требованіе права національнаго самоопредѣленія звучитъ не слишкомъ убѣдительно тамъ, гдѣ, какъ буржуазная категорія, презирается понятіе отечества. И самое уваженіе къ національному признаку не мало поражаетъ своей внезапностью со стороны тѣхъ, кто твердо, казалось, рѣшилъ, что „нельзя стоять одновременно на національной и интернаціональной точкѣ зрѣнія, что на дѣлѣ нужно выбирать между одной и другой" **). Запретъ же аннексій, столь категорическій: „никакихъ аннексій ни открытыхъ, ни скрытыхъ",—несомнѣнно, нуждался въ извѣстной оговоркѣ, чтобы не стать въ неодолимое противорѣчіе съ тѣмъ же правомъ на самоопредѣленіе.

Но не столько занимательно взаимопротиворѣчіе частей мирной программы циммервальдистовъ. Привлекаетъ вниманіе рѣшительное противорѣчіе самаго существованія такой программы

*) Эд. Бернштейнъ.—Жанъ Жоресъ—интернаціоналистъ и патріотъ.—„Die Neue Zeit".

**) Заключеніе предварительнаго совѣщанія въ Бернѣ.

ихъ основнымъ взглядамъ. Если, какъ провозглашалъ циммервальдскій манифестъ, „война раскрыла подлинную сущность капитализма, ставшаго несовмѣстимымъ съ элементарнѣйшими условіями человѣческаго общежитія“, то неужели же способна была еще что-то спасти ихъ невинная формула мира. И стоила ли послѣдняя хоть какихъ-нибудь настояній, если въ ихъ результатѣ была бы отсрочка мира,—мира, борьбу за который циммервальдскій манифестъ объявилъ борьбой за свободу, за братство народовъ, за соціализмъ. Впрочемъ, послѣднее противорѣчіе существовало только на бумагѣ. На самомъ дѣлѣ, не было такого пункта въ его мирной программѣ, отъ котораго циммервальдистъ не отказался бы охотно и спокойно, во имя одного только прекращенія кровопролитія. Мы это ясно увидѣли на примѣрѣ россійскихъ циммервальдистовъ. Гонимые ужасомъ войны, какъ безпросвѣтнаго зла, въ своемъ стремленіи уйти отъ него, не медля ни минуты, они поневолѣ были слѣпы къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ это оказывалось возможно. Между тѣмъ, не отъ этихъ ли условій въ первую голову зависѣло и то, насколько прочно могло быть поражено напугавшее ихъ зло: покончатъ ли народы съ войною на сколько-нибудь продолжительное время, или страшный призракъ ея легко можетъ стать и дѣломъ завтрашняго дня. Обычная ошибка тѣхъ, кто въ отношеніи жизненныхъ явленій усваиваетъ себѣ абсолютную точку зрѣнія, не считаясь съ конкретной обстановкой, не умѣя извлечь изъ нея урока. Она типична для утопистовъ всѣхъ школъ и временъ. Ничего не измѣняя въ живой жизни, безспльные навязать ей свою неподвижную идею, они кончаютъ всегда одинаково:—путь, кажущійся имъ самымъ близкимъ, приводитъ ихъ въ сторону, прямо противолежащую ихъ стремленіямъ, а прекрасный идеалъ, едва овладѣешь имъ, тускнѣетъ и гаснетъ, теряя всѣ свои манящія свойства. Таково волшебство вѣчно подвижной, измѣнчивой жизни въ ея игрѣ съ застывшими утопіями.

III.

Циммервальдская теорія на опытѣ россійской практики.

Случаю было угодно произвести испытаніе жизнью жалкой циммервальдской догмѣ. Всѣмъ извѣстно, какъ напряженно и страстно утописты разныхъ странъ мечтали о свободѣ практическаго выполненія своихъ идеаловъ. Стоитъ только, вѣрили они, получить такую среду, гдѣ безъ помѣхъ и затрудненій произвести необходимый опытъ,—и человѣчество будетъ осчастливлено. Но мечта смѣняла мечту, благородные умы угасали, и искусственная среда не являлась. Такъ было испоконъ вѣковъ. Но никогда еще не бывало, чтобы огромная страна, изъ конца въ конецъ, со всѣми ея богатствами, съ многомилліоннымъ населеніемъ, была отдана для искусственныхъ опытовъ людямъ, охваченнымъ, какъ маніей, изступленной вѣрой въ формулы. Такъ случилось съ Россіей въ области ея внѣшнихъ отношеній, еще до большевиковъ, когда у власти въ ней стали циммервальдисты.

Условія россійской революціонной дѣятельности создавали во всѣ времена особенную склонность къ утопіямъ. Узкая кружковщина, оторванность отъ реальной политической жизни и фанатизмъ нашихъ революціонныхъ круговъ питали, по преимуществу, утопическій соціализмъ. Вотъ почему въ ихъ средѣ особенно пышно разросся цвѣтъ циммервальдъ-кинтальскаго измышленія. Если не считать немногихъ вольныхъ или невольныхъ пособниковъ Германіи, ряды приверженцевъ этого ученія заполнили, главнымъ образомъ, наши отечественные соціалисты. Для

характеристики ихъ способности направить политику страны согласно съ своею цѣлью, обратимся къ долгимъ мѣсяцамъ съ конца февраля 1917 года.

Съ почти чудесной стремительностью развернувшіяся событія въ трудный для родины часъ смели всѣ старые устои, и поставили ее передъ необходимостью строить новыя формы государственнаго существованія. Строить пришлось въ условіяхъ небывалаго напряженія всѣхъ силъ страны, подъ наведенными жерлами пушекъ, когда вопросы внѣшней политики такъ усложнили, такъ тѣсно переплели вопросы внутреннихъ отношеній, что представлялось немыслимымъ, внѣ неразрывной связи, разрѣшеніе ни тѣхъ, ни другихъ. Жизнь нагромождала задачи за задачами, каждый день приносилъ новыя ситуаціи и требовалъ рѣшеній незамедлительныхъ, прямыхъ. Отъ этихъ рѣшеній, отъ ихъ своевременности, ихъ категорической ясности зависѣла судьба возрождавшагося народа. Но оказавшіеся въ господахъ положенія безпомощные схоластики чувствовали, казалось, меньшую отвѣтственность передъ живымъ народомъ, чѣмъ передъ суровыми догматами своего ученія. Пришедшее изъ Циммервальда, во имя Маркса, но на самомъ дѣлѣ вопреки всему, что говорилъ и чему обучалъ Марксъ *), оно борьбу за миръ безпрекословную, не знающую уступокъ, заключило своею сущностью.

Грозный моментъ русской исторіи потребовалъ сплоченія всѣхъ силъ, но россійскіе циммервальдисты не предали буквы. —Соціалисты могутъ войти лишь въ правительство мира,—установили они, и пренебрегли первымъ составомъ правительства осво-

*) Взявшій пониманіе движущихъ силъ исторіи за основу своего ученія, Марксъ былъ болѣе всего чуждъ абсолютному пасифизму. Напротивъ, въ каждой войнѣ онъ различалъ виновную и невиновную сторону, и, въ зависимости отъ этого, распредѣлялъ свои симпатіи и сочувствіе въ борьбѣ. Болѣе того, ему случалось горячо желать возникновенія новой войны, если онъ считалъ ее отвѣчающей интересамъ демократіи. Такъ, въ 1849 г., послѣ подавленія венгерской революціи русскими войсками, онъ мечтаетъ о военномъ разгромѣ деспотической Россіи революціонной Германіей. Напротивъ, черезъ нѣкоторое время, когда въ Германіи погасли послѣднія искры революціоннаго огня, а въ Россіи стали сказываться нѣкоторые признаки грядущаго сдвига, Марксъ рѣшительно мѣняетъ свой взглядъ. Онъ не тщился учить жизнь, но усердно у жизни учился.

божденной страны. Керенскій вошелъ въ него, вопреки общему рѣшенію, упорно числясь „заложникомъ“ демократіи. Послѣдняя оставила за собой преимущество „свободной критики“, которая при всѣхъ предоставленныхъ ей фактической властью средствахъ, скоро превратилась въ ничѣмъ не стѣсненное публичное шельмованіе. Когда же такая критика дала свои плоды въ дезорганизаціи и безъ того не слишкомъ устойчивой арміи, а власть, недостаточно поддержанная, стала склоняться къ прямому безвластію, и страна, впервые съ начала революціи, глянула въ пропасть, циммервальдисты пошли въ правительство. Сдѣлано это было послѣ жестокаго колебанія и съ рѣшеніемъ продолжать не менѣе энергичную борьбу за миръ. Сначала, естественно, это былъ миръ, во всемъ отвѣчающій разработаннымъ въ Циммервальдѣ условіямъ. Офиціозный органъ россійской демократіи „Извѣстія Центральнаго Исполнительнаго Комитета совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ“, перепечатывая воззваніе „къ демократіи всего міра“, пишетъ: „Миръ безъ аннексій и контрибуцій, при признаніи права націй на самоопредѣленіе,— провозгласила россійская демократія и сдѣлала этотъ лозунгъ офиціальной формулой внѣшней политики россійской республики вопреки имперіалистическимъ кругамъ россійской буржуазіи“.

Мы видимъ, что борьба за миръ въ пониманіи циммервальдистовъ была одновременной борьбой съ имперіализмомъ буржуазіи, хотя въ примѣненіи къ россійской буржуазіи въ ту пору пресловутый имперіализмъ былъ только фантомомъ. Отъ этого не ослабѣвала энергія бойцовъ. И въ повременной прессѣ, въ литературѣ всѣхъ видовъ, и въ рѣчахъ на собраніяхъ, въ тылу и въ арміи, и въ принимаемыхъ резолюціяхъ,—повсюду одинаково, безъ малѣйшаго послабленія, основнымъ мотивомъ проходитъ рѣзкое осужденіе буржуазіи. Это ея „тайныя козни“ *) препятствуютъ прекращенію мірового кровопролитія, это „страхъ передъ демократическимъ міромъ правящихъ классовъ рѣзко противодѣйствуетъ стремленію рабочихъ“ **), такъ какъ не вы-

*) Изъ резолюціи Ц. И. К. Сов. р. и с. деп.

**) Изъ привѣтствія Ц. И. К. Сов. р. и с. деп. съѣзду французск. соціал. въ Бордо (№ 182 „Извѣстій“).

зываетъ болѣе сомнѣній, что „имперіалисты всѣхъ странъ способны однимъ только насиліемъ рѣшать спорные вопросы международной политики“ *). Напротивъ, неодолимой силой магнита влекло къ себѣ то положеніе, что „въ то время, какъ повсюду торжествуетъ ненависть, рабочій классъ не отказался отъ своего идеала братства всего человѣчества“ **). Устояла эта сила противъ разочарованія, доставленнаго россійской демократіи отвѣтомъ германскихъ соціалистовъ на ихъ первое обращеніе о мирѣ. Устояла она и противъ послѣдовавшаго затѣмъ стального натиска германской арміи на предѣлы революціонной страны. Попрежнему, уже въ виду угрозы рокового разгрома, россійская демократія, точнѣе — присвоившіе себѣ ея имя россійскіе циммервальдисты продолжали свою политику „уравнительнаго“ третированія буржуазіи всѣхъ странъ, за счетъ превознесенія рабочаго интернаціонала. И даже, нерѣдко, какъ дань опасенію шовинизма, бо́льшее снисхожденіе получала буржуазія не союзныхъ, но враждебныхъ намъ странъ. Этому способствовало и то обстоятельство, что центральныя правительства съ бо́льшею готовностью предоставили своимъ соціалистамъ паспорта для поѣздки въ Стокгольмъ.

Правда, въ то время уже достаточно выяснилось, что стокгольмская конференція стала не столько путемъ къ миру, сколько какимъ-то отвлеченнымъ символомъ мира. А усиленная борьба за ея осуществленіе лишь отвлекала силы отъ тѣхъ способовъ достиженія демократическаго мира, которые еще оставались единственно дѣйствительными. Не мало поучительнаго матеріала въ этомъ отношеніи представилъ докладъ Центральному Исполнительному Комитету Совѣта его заграничной делегаціи. А ужъ ее ли можно было обвинить въ недостаточномъ почтеніи къ лозунгу—„Стокгольмъ“. Объѣздившая союзныя страны для агитаціи за скорѣйшій созывъ конференціи, она повѣдала, какъ много дѣло демократическаго мира зависитъ отъ положенія русскаго военнаго фронта, какимъ предательскимъ для него явилось іюль-

*) Резолюція Ц. И. К. Сов. р. и с. деп. по докладу Розанова (№ 138 „Извѣстій“).

**) Изъ манифеста организаціоннаго комитета стокгольмской конференціи.

ское пораженіе. Не должна была, казалось, пройти мимо вниманія и доведенная до нашего свѣдѣнія резолюція германскаго меньшинства, аттестовавшая шейдемановцевъ, какъ партію, работающую для мира лишь въ согласіи съ германскимъ правительствомъ и въ духѣ нѣмецкаго милитаризма, и предупреждавшая нашу демократію, что шейдемановцы со стокгольмской конференціи будутъ шифрованными депешами извѣщать свое правительство о каждомъ неосторожно оброненномъ словѣ.

Но въ дѣйствительности было иначе: циммервальдисты твердили, что стокгольмская конференція — это единственный „яркій маякъ, къ которому устремлены взоры изстрадавшихся народовъ“ *). И такимъ образомъ клика прусскаго юнкерства съ Вильгельмомъ и Гинденбургомъ попадала въ положеніе наиболѣе благопріятствуемое россійской революціей. Весь нажимъ обрушился на союзныя страны. „Принудить союзныя правительства“, „предписать союзнымъ правительствамъ“, „имперіалистическіе хищники союзныхъ странъ“, — таковъ былъ жаргонъ по преимуществу. И даже въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда германскіе полки уже грозили Петрограду, официозъ нашихъ меньшевистско-эсеровскихъ правителей, „Извѣстія“, писалъ: „Отказавшись давно за себя отъ всякихъ захватныхъ цѣлей, мы можемъ бороться вмѣстѣ съ нашими союзниками только за такія справедливыя требованія, которыя вытекаютъ изъ принциповъ нашей революціи“ **). Въ другой же руководящей статьѣ—„Внѣшняя политика“—тотъ же органъ ***), изложивъ категорическія требованія свои къ союзнымъ правительствамъ, заключаетъ: „Вотъ конкретная задача нашей внѣшней политики“. И если на мигъ „Извѣстія“ задаются вопросомъ, признаютъ ли союзники нашъ образъ дѣйствій въ борьбѣ за миръ правильнымъ, пойдутъ ли они за нами, то лишь затѣмъ, чтобы съ самоувѣренностью воскликнуть: „пойдутъ, когда увидятъ, что россійская демократія твердо идетъ по своему пути“ ****). Тогда же въ спеціальной резолюціи

*) „Извѣстія Ц. И. К.“ отъ 10 сентября 1917 г. „Война и миръ“.

**) „Извѣстія“ 7 октября 1917 г. „Внѣшняя политика и революціонная демократія“.

***) „Извѣстія“ 21 октября 1917 г. № 203.

****) „Извѣстія“ № 183.

Центральнаго Исполнительнаго Комитета о войнѣ и мирѣ мы встрѣчаемъ строжайшій наказъ русской делегаціи „настаивать передъ союзными правительствами на уничтоженіи всѣхъ препятствій, мѣшающихъ созыву стокгольмской конференціи“ *).

Такая строгость всего больше нравилась австрійской и германской прессѣ. Австрійская газета „Arbeiter Zeitung“ разражается слѣдующей статьей **): „Пролетаріи больше всего ненавидятъ насиліе, и можетъ случиться, что этотъ наглый и самоувѣренный отказъ откроетъ имъ глаза на то, чего достигаютъ соціалисты, становясь въ зависимость отъ правительствъ. Отказъ въ паспортахъ есть наглый вызовъ, и отвѣтъ легко можетъ получиться таковъ, что рабочіе примутъ вызовъ и энергично изолируются отъ того „святого единенія“, въ которомъ ихъ хотѣли замкнуть. Вѣдь ясно и не подлежитъ сомнѣнію, — находитъ газета, — что соціалисты не могутъ оставить безъ отвѣта такого рода насиліе, и что они достаточно сильны, чтобы принудить къ уступкамъ. Это ясно и, по всей вѣроятности, извѣстно господамъ Ллойдъ-Джорджу и Рибо. Они разсчитываютъ на то, что одуряющій лозунгъ „единства“ еще не потерялъ своей силы. Но это — сомнительно“.

Такъ писалъ офиціозъ австрійскаго соціалъ-демократическаго большинства для враждебныхъ странъ, храня иной рецептъ для внутренняго употребленія. Извѣстный манифестъ австрійскаго меньшинства характеризовалъ поведеніе партійныхъ вожаковъ слѣдующимъ образомъ: „они стали на сторону господствующихъ классовъ, закрыли глаза на все, что происходитъ въ странѣ, позволили себя одурачить черно-желтымъ военнымъ кликушествомъ, охотно борются съ деспотизмомъ внѣ Австріи, игнорируя таковой внутри“. Каковъ былъ режимъ, воцарившійся внутри, — яркую картину даетъ тотъ же соціалистическій манифестъ. „Конституція окончательно отмѣнена, палачи безпрепятственно дѣлаютъ свое кровавое дѣло. Судебныя убійства стали повседневнымъ явленіемъ. Мы не приводимъ цѣлаго ряда фактовъ изъ жизни чеховъ, когда людей десятками и сотнями вѣшали изъ-за

*) „Извѣстія“ № 191.

**) Перепечатана въ „Извѣстіяхъ“ № 183.

того, что у нихъ было найдено воззваніе русскаго верховнаго главнокомандующаго... Соціалъ-демократъ Лангеръ изъ Фрейвальдау переписалъ, отпечаталъ на гектографѣ, и роздалъ нѣсколькимъ своимъ знакомымъ воспѣвающее миръ стихотвореніе, безпрепятственно напечатанное въ буржуазной прессѣ. За это онъ былъ приговоренъ къ повѣшенію, но впослѣдствіи смертная казнь была ему замѣнена 5-лѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ. Ярость, съ какой власти набрасываются на каждое печатное слово, сочетается съ угрозами ввергнуть въ тюрьму или отправить на висѣлицу... Въ случаѣ, если бы теперешніе вершители судебъ Австріи вышли побѣдителями изъ этой войны, — дѣлалъ рѣшительное заключеніе манифестъ, — въ странѣ начался бы періодъ такого ужаса, какого Австрія еще не переживала“ *).

Но соціалистическое германское и австрійское большинство хранило, видимо, иное мнѣніе. Даже строгости цензуры находили въ немъ своихъ защитниковъ. Такъ Шиппель, полагая одно время, что говорить о мирѣ еще преждевременно, писалъ: „цензура въ данномъ случаѣ имѣетъ ту хорошую сторону, что сдерживаетъ неясныя и по своему вліянію на заграницу не всегда безопасныя разсужденія на эту тему“. Разумѣется, такое оправданіе получала лишь собственная цензура. Въ отношеніи союзныхъ правительствъ, мы видѣли, эти соціалисты не забыли партійныхъ предписаній. Приходилось ли удивляться, что имперскіе правители съ такой готовностью выдали паспорта для стокгольмской конференціи: они разсчитывали имѣть на ней хорошихъ довѣренныхъ.

Между тѣмъ, россійскіе циммервальдисты, при добровольной поддержкѣ изъ центральныхъ имперій, старались расшатать „святое единеніе“ въ союзныхъ странахъ, съ еще бо́льшимъ рвеніемъ дѣлая то же дѣло у себя. Особенно поражаетъ это рвеніе наканунѣ овладѣнія большевиками властью, въ октябрѣ. Знаменитый наказъ Скобелеву составлялъ тогда центральное мѣсто нашей нехитрой внѣшней политики. Естественно, что онъ оказывалъ наибольшее вліяніе и на внутреннюю политику. Защищая наказъ отъ его критики, „Извѣстія“ писали: „Въ бур-

*) „Русскія Вѣдомости“ 1915 г.

жуазной прессѣ все еще не прекратилась ругань по адресу Ц. И. К. за инструкцію, данную имъ тов. Скобелеву, какъ делегату на парижскую конференцію" *). И въ другой статьѣ: „Въ наше время дипломатія ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть прерогативой буржуазіи и ея довѣренныхъ людей **). И, наконецъ, въ редакціонной статьѣ, толкующей назначеніе собственнаго представительства, „Извѣстія" замѣчали еще рѣшительнѣе: „не довѣряя профессіональнымъ дипломатамъ, которые всѣ безъ исключенія принадлежатъ къ буржазнымъ классамъ и находятся подъ вліяніемъ буржуазіи болѣе, чѣмъ подъ вліяніемъ демократіи..." ***).

Создавалось впечатлѣніе, что въ то время дискредитированіе нашего правительства, самое неуклонное и безпощадное въ глазахъ арміи, въ глазахъ всего народа было единственнымъ вѣрнымъ орудіемъ мира. Слово окончательно вытѣснило всякое дѣйствіе, всякое конкретное мѣропріятіе. А что такая политика вполнѣ сознательно получала одобреніе вождей очевидно изъ такой увѣренности „Извѣстій": „Вмѣшательство русской демократіи приноситъ свои полезные плоды, что бы ни говорила буржуазная пресса. Чтобы эти плоды зрѣли скорѣе, нужно проводить линію демократическаго мира настойчивѣе. Для этого у демократіи открывается новая возможность въ Совѣтѣ Республики. Съ его трибуны вопросъ о мирѣ будетъ еще болѣе освѣщенъ въ ближайшіе дни" ****).

И, надо сказать правду, трибуна Совѣта Республики была использована за совѣсть. Достаточно вспомнить все то, что разыгрывалось въ Совѣтѣ, и читать отраженіе этого въ официозныхъ „Извѣстіяхъ". Тогда, когда уже съ несомнѣнностью обозначился призракъ Брестскаго позора, когда и слѣпому могло стать видно, что только величайшими усиліями всѣхъ классовъ страны, только невиданнымъ подъемомъ общаго единенія еще можно было что-то спасать, мы стояли передъ развалomъ, передъ

*) „Извѣстія" отъ 15 окт. № 198, „Гласность условій мира".
**) „Извѣстія" отъ 11 окт. № 194, „Цѣли войны".
***) „Извѣстія" отъ 28 сент. № 183, „Пересмотръ договоровъ".
****) „Извѣстія" отъ 15 окт. № 198.

искусственно разжигаемой рознью, передъ почти недобросовѣстнымъ складываньемъ вины съ своихъ плечъ. — „Министръ говоритъ, что война не будетъ длиться вѣчно, — пишутъ „Извѣстія“ *), — что миръ будетъ заключенъ и миръ не позорный. Но всего этого мало. Народъ хочетъ знать, сколько еще придется страдать ему въ борьбѣ за справедливый миръ, что такому миру препятствуетъ, и что правительство дѣлаетъ, чтобы его ускорить. На эти вопросы, идущіе изъ самой глубины народа, и особенно арміи, яснаго и прямого отвѣта въ рѣчи министра не было... Стереть въ порошокъ всю Германію и весь нѣмецкій народъ мы не можемъ и не хотимъ. Такихъ идіотскихъ цѣлей мы никогда не преслѣдовали. Мы не добиваемся и того, чтобы весь нѣмецкій народъ упалъ передъ нами на колѣни и умолялъ о мирѣ во что бы то ни стало“. Писалось это отвѣтственнымъ органомъ въ то время, когда нѣмцы уже захватили Даго и Эзель, взяли Ирбенскій проливъ. Послѣднее не мѣшало „Извѣстіямъ“ серьезно радоваться, что „наказъ товарищу Скобелеву“ породилъ множество откликовъ изъ арміи. Газета приводитъ эти отклики. Всѣ они сводятся къ требованію скорѣйшаго заключенія мира, путемъ давленія на союзныя правительства, и содержатъ указанія Временному Правительству „слушаться наказа демократіи“. Удовлетворенныя „Извѣстія“ предпосылаютъ этимъ откликамъ слѣдующее замѣчаніе: „таковы демократическіе комментаріи къ рѣчамъ о внѣшней политикѣ въ Совѣтѣ Республики“ **). Мы знаемъ, что въ этихъ рѣчахъ Скобелевъ не поколебался возразить министру иностранныхъ дѣлъ, что совершенно напрасно онъ неуспѣшность своей работы связываетъ съ положеніемъ на фронтѣ, такъ какъ дѣятельность министерства иностранныхъ дѣлъ ни въ какомъ отношеніи „не должна быть связана съ стратегическимъ положеніемъ на фронтѣ“ ***). А Данъ утверждалъ, что критика „Наказа“—это „только предлогъ для затягиванія войны“ ****).

*) Передовая отъ 17 окт. № 199.

**) „Извѣстія“ отъ 22 окт. № 204, „Революціонная демократія о внѣшней политикѣ“.

***) „Извѣстія“ отъ 24 окт. № 205—Рѣчь Скобелева въ Совѣтѣ Республики.

****) Тамъ же—Рѣчь Дана.

И за всѣмъ этимъ, нужно ли говорить, стояла расшатанная, все больше слабѣвшая, армія. Естественно, что почти злостной насмѣшкой звучитъ редакціонная статья „Извѣстій“ отъ 24 октября „Что нужно для мира?“. Въ ней и указаніе, что Временное Правительство только тогда можетъ успѣшно вести переговоры о мирѣ, если его поддержитъ вся страна, и та простая мысль, что о мирѣ нужно не только говорить, для него нужно что-то дѣлать, и что это „дѣло“ стоитъ въ непосредственной связи съ боеспособностью нашей арміи. Но ни эта статья, ни пара другихъ, съ нею сходныхъ, ни утвержденіе, къ примѣру, Дана, что „мы, соціалъ-демократы меньшевики, всегда понимали необходимость поддерживать боеспособность нашей арміи“ *), ни въ какой рѣшительно связи со всею дѣятельностью такъ называемыхъ меньшевиковъ не находится. Напротивъ, кричащимъ противорѣчіемъ на фонѣ этой дѣятельности является всякое напоминаніе объ оборонѣ страны, о поддержкѣ фронта. И точно для шуточной иллюстраціи такого противорѣчія сдѣланъ въ рѣчи Дана выпадъ въ эту сторону послѣ настойчиваго его разъясненія, что „настоящая война не есть народная война, что наше участіе въ ней было преступленіемъ царизма, а наша революція — это революція противъ войны за скорѣйшій миръ“. Это ли называлось поддержкой боевой готовности нашей арміи? Было сдѣлано все, что только было во власти искуснаго слова и пылкаго темперамента, чтобы обезкровить, вынуть душу изъ того дѣла, за которое посылались умирать немудреные сѣрые люди. И если меньшевики „понимали“, что армію нужно сохранить стойкой,— то вина ихъ, подготовившихъ все для „большевизма“, тѣмъ непростительнѣе,— и только.

Но обратимся къ самому „Наказу Скобелева“. Не вполнѣ безъ основанія этотъ документъ однимъ профессоромъ международнаго права былъ окрещенъ „Филькиной грамотой“. На самомъ дѣлѣ, онъ былъ такъ понятнымъ логическимъ выводомъ изъ всей концепціи циммервальдскихъ идей. Какъ неожиданнымъ, чужимъ придаткомъ, поражала насъ условность мира въ построеніи Циммервальда, такъ нормальнымъ представляется, что на дѣлѣ цим-

*) Рѣчь Дана въ Совѣтѣ Республики.

мервальдисты, твердящіе объ обязательной программѣ, кончили отказомъ отъ всякой программы. Конечно, они не могли не понимать, что только извѣстныя условія мира позволяли говорить о „принципахъ, провозглашенныхъ русской революціей“ *), позволяли самую квалификацію мира „демократическимъ“. „Россійская революція, усилившая во всемъ мірѣ борьбу за демократическій миръ“, — писалъ Ц. И. К. Совѣтовъ **) въ телеграммѣ, привѣтствующей конгрессъ французскихъ соціалистовъ. Въ совершенно категорической формѣ эту мысль встрѣчаемъ въ „Извѣстіяхъ“: ...необходимо „будущимъ условіямъ мира придать тотъ демократическій характеръ, который только можетъ сдѣлать этотъ миръ прочнымъ и справедливымъ“ ***).

Циммервальдистъ не могъ не понимать этого, но въ своемъ непріятіи имперіалистической войны, онъ влекся къ миру, во что бы то ни стало, ради самыхъ его свойствъ въ себѣ. Удивительно ли, что наши глашатаи циммервальдовской вѣры, почуявъ трудность достиженія „демократическаго мира“, трудность, кстати сказать, не мало обязанную ихъ собственнымъ усиліямъ, пришли къ тому, что этотъ демократическій миръ предали. Ибо нельзя иначе квалифицировать наказъ Скобелеву и его защиту революціонной демократіей. Руководящая статья „Извѣстій“ назвала „частностями“ измѣненія, привнесенныя наказомъ въ первоначальную формулу мира. „Противникамъ демократіи,—настаивала она,—но отнюдь не ей самой, выгодно сейчасъ переносить споръ на отдѣльные частные вопросы, чтобы отклонить вниманіе отъ самаго главнаго предмета спора — это добиться скорѣйшаго заключенія мира“. И далѣе: „демократическое представительство въ Совѣтѣ позволило бы водить себя за носъ, если бы оно допустило потопить борьбу за миръ въ спорахъ о частностяхъ будущаго мирнаго договора“ ****). Всего изумительнѣе, что опредѣленіе „частности“, въ дѣйствительности, относилось

*) Изъ резолюціи по докладу Розанова.

**) „Извѣстія“ № 177.

***) „Извѣстія“ отъ 6 августа № 137.

****) „Извѣстія“ № 203, 21 окт. „Внѣшняя политика въ Совѣтѣ Республики“.

къ отреченію отъ основного революціоннаго принципа демократической программы мира, — права народовъ на самоопредѣленіе. „Наказъ“ признавалъ его для Россіи, но не смѣлъ болѣе требовать для Австріи. Великій принципъ, долженствовавшій мощью русской революціи покорить весь міръ, кончилъ тѣмъ, что безсильно поникъ у границы насильника-сосѣда. То, что, еще такъ недавно было ясно, „только и могло сдѣлать миръ прочнымъ и справедливымъ“, оказалось выброшеннымъ безъ остатка.

И этому была своя причина. „Извѣстія“ отлично разъясняютъ ее: „есть двѣ основныхъ линіи, — пишутъ они въ статьѣ по поводу Наказа, — одна изъ нихъ Милюковская: нужна только война, война и война. Другая точка зрѣнія, составляющая душу Наказа Скобелеву, состоитъ въ томъ, что народу нашему нуженъ миръ, миръ и миръ“ *).

Здѣсь мы имѣемъ логическое завершеніе циммервальдовскаго цикла идей.

Но что поражаетъ уже прямымъ недомысліемъ — это упорное цѣпляньe за отброшенный принципъ въ условіяхъ, которыя отъ него ничего, кромѣ голаго термина, не оставляли. А содержаніе лозунга „право націй на самоопредѣленіе“ рѣзко измѣнилось въ тотъ моментъ, когда онъ оказался такъ однобоко примѣненнымъ. Политическія науки, извѣстно, не терпятъ безусловнаго, безпощаднаго примѣненія принциповъ къ практической жизни. То, что можетъ быть благомъ въ одномъ случаѣ, въ другомъ становится его рѣзкой противоположностью, и обратно. Особенно ярко способность эта проступаетъ въ сферѣ правовой, и тѣмъ болѣе международно-правовой. Здѣсь условіе взаимности является основой, которая закладываетъ самое бытіе права. Лишь обязательное для обѣихъ сторонъ, обѣ стороны взаимно ограничивающее, извѣстное положеніе можетъ разсчитывать на признаніе его правовымъ.

Принципъ національнаго самоопредѣленія, примѣненный внѣ этого обязательнаго условія, неравномѣрно ко всѣмъ договаривающимся, противорѣчилъ своему существенному заданію. Вмѣсто созданія новаго фундамента упорядоченной международной орга-

*) „Извѣстія“ отъ 21 окт. № 203.

низаціи, онъ усиливалъ безправіе и анархію, облегчалъ въ отношеніяхъ народовъ насиліе и беззаконіе. Что значило самоопредѣленіе націй, отведенное въ границы Россійскаго государства: Литва и Латвія, русская Польша,—крошечные островки на виду у хищническаго сосѣда, вооруженнаго до зубовъ и глубоко презирающаго всѣ права націй, неспособныя закрѣпиться силою? Естественно, что по новому усвоенное право самоопредѣленія превратилось въ личный подарокъ германскимъ имперіалистамъ. Ихъ рептильная пресса не стѣснялась такъ именно называть его (als besonderes Gecshenk).

Но наши циммервальдисты до конца упорствовали въ отстаиваніи исключительной значительности своей позиціи. „Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ,—пишетъ редакція „Извѣстій“ *),—говоритъ, что онъ согласенъ съ нашей формулой мира, но при условіи, чтобы она примѣнялась съ обѣихъ сторонъ. Но вѣдь право самоопредѣленія это—благо, а не кара“, пробуетъ заняться софистикой официозъ: „мы принимаемъ это благо для себя, потому что мы его сознали, но вколотить его насильно въ чужую голову мы не можемъ, и мы не думаемъ, чтобы истина распространялась такимъ образомъ. Продолжать войну до тѣхъ поръ, пока всѣ народы Австро-Венгріи не будутъ удовлетворены, — значитъ, затягивать войну на неопредѣленно долгое время... Кромѣ того, у насъ довольно собственныхъ освободительныхъ задачъ. Удовольствуемся тѣмъ, что осуществимъ самоопредѣленіе у себя. Но не будемъ говорить, что мы не перестанемъ воевать, пока не освободимъ всего міра. Такая задача намъ не по плечу“.

Такъ внезапно міровая задача россійской революціи незадачливыми россійскими политиками была сдана въ архивъ. Совершилось это даже безъ естественнаго, казалось бы, чувства неловкости. По крайней мѣрѣ, вліятельный руководитель нашей политики въ то время не усумнился съ трибуны Совѣта Республики обратиться къ угнетеннымъ народамъ въ такомъ духѣ: „Мы призываемъ всѣ угнетенныя національности освобождаться своими собственными силами“.

Забыто было, точно стерто, прекрасное начало революціи и

*) Передовая въ № 203 „Извѣстій“.

проливающіе несказанный свѣтъ призывы къ народамъ „почувствовать въ Русской Революціи свою надежду и опору“. Но капитулировавшіе по всѣмъ пунктамъ выученики Циммервальда еще бодрились, силясь вздернуть ввысь свое знамя. Въ безнадежномъ тупикѣ, куда была ими загнана внѣшняя политика Россіи, они утѣшались „имѣющимся еще у насъ неиспользованнымъ колоссальнымъ плюсомъ, заключающимся въ моральномъ вѣсѣ нашей революціи“, и тѣмъ, что „народы, желающіе сами рѣшать свои судьбы, все болѣе и болѣе видятъ своего знаменосца въ русской революціи“ *).

Не хотѣвшіе слышать, не слышали. Но въ то время „народы, желающіе сами рѣшать свои судьбы“, уже видѣли въ русской революціи не своего знаменосца, но своего предателя. Напомню негодующее обращеніе въ Центральный Исполнительный Комитетъ Союза поляковъ. Это — протестъ противъ „двойственной, неискренней политики Ц. И. К., который послѣ декларації 13-го марта, провозгласившей возстановленіе растерзанной на три части Польши, нынѣ въ Наказѣ Скобелеву нашелъ возможнымъ оставленіе польскихъ областей въ рукахъ германской и австрійской имперіи“ **). Хотя и болѣе сдержанная, но полна горечи „Докладная записка“ Чешско-Словацкаго Національнаго Совѣта. „Наше смущеніе, — излагаетъ она, — вызвано прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что Наказъ русской демократіи, не упоминая о правахъ на самоопредѣленіе подъяремныхъ народовъ габсбургской монархіи, какъ будто бы является молчаливымъ одобреніемъ той системы національнаго и классоваго насилія, на которой зиждется современный австро-венгерскій дуализмъ“ ***).

Моральный авторитетъ русской революціи не могъ существовать самъ по себѣ. Онъ былъ неразрывно связанъ съ ея освободительнымъ характеромъ. Вспомнимъ прекрасное сужденіе Каутскаго: „... скорый миръ крайне необходимъ для успѣха русской революціи, но для послѣдней былъ бы смертью всякій иной

*) „Извѣстія“ № 203 „Въ Совѣтѣ Республики“.

**) „Извѣстія“ отъ 20 окт. № 202.

***) „Единство“, № 168 (20 октября). Изъ статьи Г. В. Плеханова: „Телеграмма проф. Массарика“.

миръ, кромѣ провозглашеннаго ею мира, безъ аннексій, контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народовъ. Если война кончится насиліями надъ націями,—говоритъ онъ,—и это будетъ обусловлено тѣмъ, что русская революція въ рѣшающіе моменты помѣшала вмѣсто того, чтобы укрѣпить положеніе, тогда не только цѣли революціи, но и ея методы будутъ на долгое время дискредитированы въ глазахъ русскаго народа, и въ глазахъ всѣхъ остальныхъ народовъ" *).

Иначе могли думать только тѣ, для кого власть слова превозмогала его живой смыслъ, кто терминъ „революція" хранилъ и берегъ на мѣстѣ ея благотворящей сущности. Такъ думали безнадежные утописты, запутавшіеся въ простѣйшихъ вопросахъ практики. Метафизически рѣшая чисто тактическіе шаги, они, выступивъ во имя мира, на дѣлѣ войну продлили; ратуя за демократическій миръ, усердно помогали дѣлу имперіализма. Ими ли не сдѣлано было все, чтобы при взвѣшиваніи судебъ міра сбросить со счетовъ вѣсъ революціонной Россіи, чтобы уничтожить всякое значеніе ея голоса. Ихъ усиліями былъ пройденъ путь къ позору Бреста, равно какъ къ разочарованіямъ Версаля.

И если торжество прусскаго феодала не утвердилось въ Европѣ на долгіе годы, если въ Версалѣ, среди побѣднаго угара, еще раздавался голосъ въ пользу демократическихъ основъ мира, то этимъ мы обязаны не недостаточному усердію россійскихъ циммервальдистовъ, но обязаны тому новому фактору, который одновременно съ россійской революціей вошелъ въ борьбу изнемогавшихъ народовъ, вошелъ съ ясными, прямыми цѣлями и твердымъ рѣшеніемъ. Этимъ факторомъ было выступленіе на аренѣ міровой войны великой заокеанской Республики.

*) „Извѣстія" отъ 27 сент. № 182.

IV.

Политическая система американскаго континента.—Внутренняя связь доктрины Монроэ съ международно-правовымъ развитіемъ Америки.

Было время, когда руководители судебъ американскаго народа мечтали о томъ, чтобы огненный океанъ залегъ между Америкой и Старымъ Свѣтомъ.

Президентъ Вашингтонъ въ прощальномъ посланіи къ гражданамъ убѣждалъ ихъ, какъ „основного правила поведенія", держаться принципа: какъ можно меньше политическихъ связей съ Европой, какъ можно дальше отъ всѣхъ ея дѣлъ. Президентъ Джефферсонъ радовался, что „недалекъ уже тотъ день, когда мы проведемъ формально раздѣлительный меридіанъ по океану, отдѣляющему оба полушарія", и „по сію сторону этого меридіана никогда не будетъ слышно европейскихъ выстрѣловъ, а по ту сторону не услышатъ американскихъ".

Это было время, когда освобожденный къ новой жизни, молодой народъ былъ еще недостаточно силенъ, чтобы имѣть гордую увѣренность въ своей независимости, но уже достаточно проникнутъ любовью къ завоеванной свободѣ, чтобы не опасаться вліянія Европы.

Глухая, неизбывная реакція царила въ Европѣ въ ту пору. Ея освященнымъ выраженіемъ служила принятая на Вѣнскомъ конгрессѣ система легитимизма. Ею европейскіе суверены, почившіе на лаврахъ послѣ долгихъ лѣтъ борьбы съ мятежной Франціей, взаимно страховали другъ друга на будущее. Понятія

международнаго порядка, права въ этой системѣ были всецѣло замѣнены правомъ царствующихъ династій, ихъ преемственностью, незыблемостью существующихъ троновъ. Ихъ охрана соединенными усиліями составляла все содержаніе международно-правовыхъ отношеній, отчего вмѣшательство во внутреннія дѣла независимыхъ государствъ стало правиломъ во всѣхъ случаяхъ, когда опасность угрожала такъ называемому „историческому праву", въ сущности — монархическому принципу.

Этой дѣятельности Европы, вѣрнѣе, представлявшаго ее Священнаго Союза, всего болѣе страшилась юная республика Сѣверной Америки. И ей хотѣла она положить законный предѣлъ торжественно провозглашенной декларацiей президента Монроэ. Давшая жизнь извѣстной доктринѣ, которая въ теченіе почти столѣтія заправляла внѣшней политикой Соединенныхъ Штатовъ, эта декларація гласила:

„Политическая система европейскихъ союзныхъ державъ (т.-е. державъ, образовавшихъ Священный Союзъ) кореннымъ образомъ отличается отъ американской... Во имя искренности и сохраненія дружественныхъ отношеній между Соединенными Штатами и европейскими державами мы должны заявить, что всякая попытка со стороны послѣднихъ распространить свою систему на какую-нибудь часть нашего полушарія будетъ нами считаться опасной для нашего мира и нашей независимости. Мы не трогали и не будемъ трогать колоній или территорій, находящихся въ зависимости отъ какой либо европейской державы. Но мы не могли бы не видѣть проявленія недружелюбнаго отношенія къ Соединеннымъ Штатамъ въ попыткахъ со стороны какой бы то ни было европейской державы подчинить себѣ, или какимъ-нибудь инымъ способомъ опредѣлить судьбу правительствъ, которыя объявили себя самостоятельными, сохранили эту самостоятельность, и независимость которыхъ мы признали. По отношенію къ Европѣ наша политика остается прежней, именно — невмѣшательство... Но никто не повѣритъ, что наши южные братья, будучи предоставлены самимъ себѣ, добровольно подчинятся политической системѣ европейскихъ державъ (т.-е. Священнаго Союза). Поэтому въ такой же мѣрѣ невозможно, чтобы

мы равнодушно относились къ посягательству на нихъ въ какомъ бы то ни было видѣ".

Мечта о раздѣлительномъ меридіанѣ начинала получать реальную форму. Посланіе Монроэ, хотя исходящее отъ Соединенныхъ Штатовъ, говорило отъ лица всей Америки. Взамѣнъ обѣщанія никогда не касаться дѣлъ европейскихъ государствъ, Монроэ требовалъ невмѣшательства въ дѣла американскаго континента. Терпя по необходимости сосѣдство европейскаго господства въ существующихъ американскихъ колоніяхъ, Соединенные Штаты отнюдь не намѣрены были поощрять новыя поселенія.

„Части американскаго континента, — находимъ мы въ деклараціи,— не могутъ болѣе служить объектами колонизаціи для какихъ бы то ни было европейскихъ державъ, вслѣдствіе свободнаго и независимаго состоянія, котораго онѣ достигли". Естественно, что въ лицѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ освобождавшіяся отъ власти метрополіи колоніи находили ревностнаго защитника и покровителя. Самое посланіе президента Монроэ своимъ происхожденіемъ обязано такому акту покровительства. Дѣло шло объ отложившихся испанскихъ колоніяхъ въ Америкѣ, въ связи съ дѣятельностью Священнаго Союза въ Испаніи. Когда, на основаніи постановленія Веронскаго конгресса, уполномоченныя войска вошли въ эту страну, чтобы возстановить свергнутую династію Бурбоновъ, Соединенные Штаты справедливо обезпокоились: не будетъ ли сдѣлана попытка вернуть династіи ея утраченныя колоніи. Какъ предупрежденіе такой попытки, послѣдовала, ставшая исторической, декларація.

Одновременно, менѣе значительный, былъ и другой поводъ для нея, это — дипломатическій конфликтъ съ Россіей изъ-за поселенія у Берингова пролива *). Въ сопровождавшихъ инцидентъ переговорахъ, со стороны Соединенныхъ Штатовъ было сдѣлано указаніе, общій смыслъ котораго былъ затѣмъ повторенъ въ деклараціи Монроэ, а именно: „мы будемъ оспаривать право русскаго правительства на территоріальныя пріобрѣтенія въ этой части свѣта, и будемъ рѣшительно отстаивать принципъ, что

*) Martens, t. X. Supplem. au recueil des traités.

американскіе континенты не являются объектомъ для какихъ бы то ни было новыхъ европейскихъ колоній".

Такимъ образомъ, обстоятельства, послужившія непосредственной причиной къ провозглашенію доктрины Монроэ, точно отражаютъ ея основныя положенія: неприкосновенность политической системы и неприкосновенность территоріи Новаго Свѣта, а съ этой цѣлью — строгая демаркаціонная линія въ дѣлахъ Америки и Европы, взаимно гарантированное невмѣшательство.

Подъ сѣнью этой доктрины шло безпрепятственное развитіе свободной американской жизни, и текущія десятилѣтія, казалось, только укрѣпляли ея принципы.

Неоднократно, вслѣдъ за Монроэ, принципы его деклараціи повторялись съ все возрастающей настойчивостью. Интересно послѣдовавшее въ 40-хъ годахъ посланіе президента Полка. „Хотя мы убѣждены,—излагаетъ оно,—что нашъ образъ правленія является лучшимъ, мы никогда не пытались прибѣгать къ интригамъ, дипломатіи или насилію для того, чтобы его пропагандировать. Мы можемъ требовать, чтобы наша часть свѣта оставалась такимъ же образомъ свободной отъ европейскаго вмѣшательства. Народъ Соединенныхъ Штатовъ не можетъ поэтому равнодушно смотрѣть на стремленіе европейскихъ державъ вмѣшаться въ независимый образъ дѣйствія націй нашей части свѣта".

Что „народъ Соединенныхъ Штатовъ" былъ, въ самомъ дѣлѣ, единодушенъ со своими руководителями, доказываетъ его активность всякій разъ, когда угроза касалась политическихъ завѣтовъ, усвоенныхъ имъ еще ранѣе французской революціи. Такъ, въ отвѣтъ на объявленіе Мексики наслѣдственной имперіей, происшедшее подъ давленіемъ занявшихъ ее французскихъ войскъ, конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ принялъ слѣдующую резолюцію: „Политика Соединенныхъ Штатовъ противорѣчитъ признанію монархическаго правительства, образованнаго на развалинахъ республиканскаго правительства въ Америкѣ, подъ контролемъ европейской державы" *). Эту декларативную форму избрало народное негодованіе, не считаясь съ затрудненіемъ правительства, по рукамъ связаннаго въ то время войною съ Юж-

*) Haeberlin.—Die Geschichte der Monroedoctrin.

ными Штатами. Разумѣется, едва закончивъ войну, правительство поддержало резолюцію конгресса активными дѣйствіями.

То же произошло въ періодъ перваго возстанія Кубы, въ 60-хъ годахъ, когда палата депутатовъ въ Вашингтонѣ вотировала повстанцамъ выраженіе симпатіи народа Соединенныхъ Штатовъ въ „ихъ усиліяхъ добиться независимости и установить республиканскую форму правленія, которая гарантпруетъ свободу личную и политическое равенство всѣхъ гражданъ". Конгрессъ присовокуплялъ, что заранѣе предлагаетъ свое содѣйствіе президенту Соединенныхъ Штатовъ для признанія независимости возставшей колоніи.

Нѣкоторые авторы хотятъ усмотрѣть въ этомъ поведеніи конгресса примѣръ предосудительнаго (répréhensible) моральнаго вмѣшательства. Если согласиться, что возставшая часть не можетъ быть признана независимой до исхода борьбы, тогда мнѣніе это, быть можетъ, не лишено основанія. Но не найдемъ ли мы въ этомъ случаѣ „моральнаго вмѣшательства" зародышъ того большого принципа, которымъ въ современной намъ международной политикѣ Соединенныхъ Штатовъ посланіе Вильсона смѣнило посланіе Монроэ?

Однако, въ ту пору признаки вмѣшательства не шли далѣе колоніальныхъ владѣній Европы на западномъ континентѣ. Его диктовало руководящее пожеланіе доктрины Монроэ: Америка для Америки. Стремленіе освободиться отъ европейскаго сосѣдства на своемъ материкѣ побуждалось, какъ я уже указывала, двумя мотивами: боязнью политическаго гнета и территоріальныхъ покушеній. Съ полной яркостью то и другое встрѣчаемъ снова выраженнымъ въ инструкціи Ольнея, изданной въ поясненіе къ посланію Монроэ.

— Разстояніе въ 3.000 миль по океану,—поясняется въ ней,—дѣлаетъ всякій прочный политическій союзъ между европейскимъ и американскимъ государствомъ неестественнымъ и неудобнымъ. Но соображенія физическаго и географическаго свойства являются еще наименѣе серьезными затрудненіями для подобнаго союза... Европа въ цѣломъ организована на принципѣ монархизма, Америка же, наоборотъ, предана какъ разъ обратному принципу,—идеѣ, что всякій народъ обладаетъ неотъемлемымъ правомъ на

самоуправленіе, — и въ лицѣ Соединенныхъ Штатовъ дала міру очевидные и убѣдительные примѣръ и доказательство превосходства свободныхъ учрежденій, какъ съ точки зрѣнія національнаго могущества, такъ и личнаго благополучія... Интересы Европы, слѣдовательно, непримиримо отличны отъ интересовъ Америки, и всякій европейскій контроль надъ послѣдними въ одинаковой мѣрѣ вреденъ и предосудителенъ, — заключаетъ инструкція Ольнея.

Кромѣ того, она указываетъ, „какія пагубныя послѣдствія для Соединенныхъ Штатовъ“ могло бы имѣть допущеніе на свой континентъ европейскихъ державъ.—„Болѣе слабыя государства были бы скоро поглощены, и въ окончательномъ результатѣ вся Южная Америка была бы раздѣлена между различными европейскими государствами“, создавъ непрестанную угрозу Сѣверу. Въ связи съ этимъ Ольней, какъ бы предваряя будущее, заявляетъ въ своемъ посланіи, что прочная связь между европейской метрополіей и колоніями, отдѣленными отъ нея океаномъ, „неестественна и нецѣлесообразна“. Въ этомъ заявленіи, обращенномъ къ Англіи, странѣ, владѣвшей изрядной долей американскихъ колоній, политики видѣли значительный ростъ сознанія собственной силы у Соединенныхъ Штатовъ.

Вскорѣ возникаетъ направленное противъ великой республики обвиненіе въ имперіализмѣ, въ искаженіи, ради его цѣлей, первоначальнаго смысла доктрины Монроэ. Вмѣсто государства-протектора,—мотивируетъ обвиненіе,—Соединенные Штаты взяли роль господина, пользующаго слабость мелкихъ американскихъ государствъ, роль политическаго и экономическаго ихъ эксплоататора.

Такое мнѣніе завоевало прочную почву особенно въ послѣднія два десятилѣтія, почему многіе изслѣдователи утверждаютъ, что извѣстный афоризмъ: „Америка принадлежитъ американцамъ“, умѣстнѣе читать: „Америка принадлежитъ сѣвероамериканцамъ—янки“ *).

Къ сожалѣнію, только, въ подтвержденіе такого мнѣнія, всѣ согласные съ нимъ авторы приводятъ одни и тѣ же, не вполнѣ

*) Мартенсъ, Краузъ, Голубевъ, Руаръ де-Каръ, Листъ и другіе.

убѣждающія, доказательства: Соединенные Штаты вмѣшались въ чисто частныя дѣла Венецуэлы съ Англіей, Германіей и Италіей по неисполненію ею въ отношеніи послѣднихъ своихъ долговыхъ обязательствъ. Вмѣсто того, чтобы дать должникамъ возможность произвести блокаду Венецуэлы, Соединенные Штаты, хотя и признавшіе справедливость европейскихъ требованій, настояли на разрѣшеніи конфликта третейскимъ судомъ.

Если бы въ этомъ случаѣ недовольные политикой Штатовъ исходили изъ интересовъ только европейскихъ, толкуя ихъ, какъ неограниченную свободу использованія собственныхъ правъ, ихъ недовольство имѣло бы основаніе. Пусть обстоятельства, вызвавшія вступленіе Европы въ дѣла Америки, не были предусмотрѣны доктриною, какъ негодуютъ нѣкоторые ученые. Вѣрно, быть можетъ, и то, что у Соединенныхъ Штатовъ не было формальнаго юридическаго титула для прегражденія Европѣ возможности вести свои дѣла съ независимыми американскими державами. Но въ чемъ при этомъ усматривался элементъ эксплоатаціи этихъ послѣднихъ, — усвоить почти невозможно.

Аналогиченъ былъ случай съ республикой Санъ-Доминго, когда Соединеннымъ Штатамъ пришлось вмѣшаться въ веденіе финансовыхъ дѣлъ республики, чтобы помочь ей выйти изъ затрудненія по уплатѣ долга. Взявъ на себя гарантію по уплатѣ, Соединенные Штаты, конечно, произвольно устранили личность правомочнаго должника. Но развѣ это вмѣшательство, устранившее для крошечнаго Санъ-Доминго ужасы блокады, не подходитъ всего ближе къ политикѣ защиты и покровительства, принятой посланіемъ Монроэ? Или случалось когда-либо, чтобы суровыя репрессіи облегчали запутавшемуся должнику выходъ изъ положенія?

Указываютъ еще, что Соединенные Штаты вмѣшались въ личную сдѣлку Венецуэлы, пресѣкши намѣреніе республики продать Германіи принадлежащій ей островъ Маргариты. Въ то время германская имперія уже убиралась въ свою стальную щетину, и политика Штатовъ и на этотъ разъ оказалась только въ соотвѣтствіи со взятымъ ею на себя обязательствомъ. Вспомнить, какъ дорого дала бы Англія въ эту войну, чтобы исправить свою ошибку по уступкѣ Германіи острова Гельголанда.

Соединенные Штаты думали лишить Чили законныхъ плодовъ ея побѣдоносной войны, воспротивившись аннексіи. „Противно законамъ, долженствующимъ господствовать въ сношеніяхъ между образованными народами, — заявили они, — ставить, какъ conditio sine qua non мира, присоединеніе къ Чили владѣній, безспорно принадлежащихъ Перу".

Пусть и это нарушеніе правъ „независимой державы"—Чили—вызвано было побужденіями личной выгоды Соединенныхъ Штатовъ. Было бы наивно думать, что непосредственный интересъ могучей республики отсутствовалъ въ ея предпріятіяхъ. Но ни откуда не слѣдуетъ, что отъ того справедливость переставала быть справедливостью, свобода и право превращались въ деспотію и безправіе, а защита—въ эксплоатацію. Напротивъ, и то, и другое, и третье лишь тверже закрѣпляется, если почвой для нихъ служитъ не одно прекраснодушіе. Да и есть ли такое въ реальныхъ соотношеніяхъ?

Между тѣмъ, можно ли отрицать, интересамъ великой республики неизмѣнно оказывалось по пути съ интересами слабыхъ государствъ, по пути съ правомъ и свободой.

Жестоко винятъ Соединенные Штаты за безудержную экономическую эксплоатацію малыхъ американскихъ государствъ. Но всмотримся, какой характеръ носитъ эта эксплоатація.

Ими была отнята у испанцевъ Куба, къ каковому времени упреки въ грубомъ имперіализмѣ Соединенныхъ Штатовъ достигаютъ особенной остроты. Но едва смѣнивъ невѣжественную деспотическую власть испанскихъ наемниковъ, Соединенные Штаты, цѣною огромныхъ матеріальныхъ и физическихъ затратъ, повели энергическую борьбу съ опустошавшими край болѣзнями и антисанитаріей, подняли школьное дѣло, наладили культурную жизнь, ввели демократическія учрежденія. И какъ только усилія дали плоды, они осуществили неслыханное дотолѣ въ исторіи колонизаторства обѣщаніе предоставить острову независимость. 20-го мая 1903 г., отозвавъ послѣднія свои войска изъ Кубы, они дали ей мѣсто среди независимыхъ государствъ цивилизованнаго міра, сохранивъ за собою лишь право стоянки военнаго флота и право вмѣшательства въ случаѣ ухудшенія внутреннихъ порядковъ въ странѣ. Незадолго передъ тѣмъ населеніе утвердило конституцію,

разработанную спеціальными избранными для этого лицами, и воспроизводящую въ основахъ конституцію Соединенныхъ Штатовъ, а также выбрало перваго президента.

Къ 1915 году на островѣ, вмѣсто насчитывавшихся десятками школъ, уже имѣется ихъ — 2686 при населеніи въ $2^1/_2$ милліона жителей. Учениковъ въ нихъ—290 тысячъ. Средне-техническихъ школъ—6 съ 2087 учениками. Имѣется университетъ съ нѣсколькими факультетами, съ числомъ учащихся—1432 *).

Съ того же начинаетъ американское правительство, завладѣвъ Филиппинами: оно командируетъ на острова тысячи учителей для обученія туземцевъ, устанавливаетъ повсемѣстно на началахъ широкихъ избирательныхъ правъ муниципальное самоуправленіе, организуетъ правильное судопроизводство, озабочивается проведеніемъ удобныхъ путей сообщенія, сѣти желѣзныхъ дорогъ. Заставъ на островахъ единственную желѣзнодорожную линію, узкоколейку въ 120 миль, между Манилой и Дагутой, Соединенные Штаты за нѣсколько лѣтъ, къ 1914 году, доводятъ протяженность желѣзнодорожнаго пути до 614 миль, не считая готовыхъ къ открытію 212 миль и начатыхъ постройкой—108 миль. Общая протяженность шоссейныхъ и прочихъ дорогъ къ 1914 году достигла 5106 миль **).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, къ 1914 году при населеніи въ 9 милліоновъ Филиппины имѣли 4187 школъ съ полумилліономъ учениковъ въ нихъ, имѣли свѣтскій университетъ съ факультетами: медицинскимъ, юридическимъ, инженернымъ, гуманитарныхъ наукъ, земледѣлія и ветеринаріи, и Высшую академію искусствъ ***).

Французскіе изслѣдователи колоній ссылаются на Соединенные Штаты, какъ на примѣръ для колоніальной политики другихъ державъ, и они, конечно, совершенно правы. Она безконечно далека отъ той системы выжиманія выгоды изъ туземнаго населенія, съ наименьшими на него затратами, которая характерна для всѣхъ колоніальныхъ державъ, исключая Англіи, и обладаетъ нѣкоторыми чертами, преимущественными и предъ этой глубоко

*) The Statesman's Year-Book, 1916, p. 827.
**) The Statesman's Year-Book, 1916, p. 652.
***) The Statesman's Year-Book, 1916, p. 649.

культурной страной. Это—болѣе широкій размахъ, бо́льшая способность къ риску, отчего американцы нерѣдко вкладываютъ колоссальныя средства въ предпріятія, способныя окупить себя лишь современемъ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Присущей ихъ колонизаціи особенностью является грандіозное желѣзнодорожное и портовое строительство. Они не останавливаются передъ проведеніемъ великолѣпныхъ ширококолейныхъ магистралей съ наилучшими провозоспособными средствами и изящными вокзалами-садиками по безлюднымъ мѣстамъ, почти пустынямъ. Ихъ дальновидный расчетъ рѣдко бываетъ обманчивъ. Пустынная мѣстность вдоль удобныхъ путей съ удивительной быстротою заселяется, расцвѣтаетъ благоустроенными фермами, деревнями, веселыми городами. Одновременно американскій капиталъ озабочивается проведеніемъ водопроводовъ, электрическаго освѣщенія, устройствомъ почты, телеграфа. И тутъ же, на мѣстахъ выростаютъ колоссальныя, чисто американскаго масштаба, предпріятія, въ которыхъ, соблюдая мельчайшую постепенность, но съ покорностью грандіозному общему плану, безчисленныя рогатыя стада „фабрикуются“ въ коробки консервовъ, тучныя нивы „выпускаютъ“ неисчислимыя количества маселъ и сѣмянъ, добыча рудниковъ и шахтъ „выходитъ“ блестяще отдѣланными электрическими машинами, паровозами, вагонами.

Такимъ образомъ, даже страны, „ничего, кромѣ революцій да селитры“, не вырабатывавшія *), гдѣ импортируемыя породы домашнихъ животныхъ дичали и разбѣгались по лѣсамъ и степямъ, откуда сырье вывозилось за Атлантическій океанъ, чтобы въ переработанномъ видѣ совершить обратное путешествіе, заняли свое мѣсто въ экономической жизни міра.

Но поднятіе богатства въ этихъ странахъ не исчерпывается вкладомъ матеріальныхъ средствъ. Янки несетъ сюда въ изобиліи свойственныя ему духовныя силы: твердость воли, предпріимчивость, изобрѣтательность и несравненную сноровку. Глубоко интересны черты, которыми зарисовываютъ типъ „американца“ изслѣдователи этой чудесной страны. Гайнтрагеръ такъ описываетъ тамошнихъ крестьянъ: „Это — нѣчто совершенно другое,

*) I. Саксонъ Мидлсъ. — Панамскій каналъ.

чѣмъ нѣмецкіе крестьяне. Это—порода людей дѣятельныхъ, развитыхъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства. Жизнь въ трактирѣ имъ невѣдома; нѣтъ грубости въ манерахъ и выраженіяхъ. Про нихъ поэтъ не имѣлъ бы права сказать, что „они еще не проснулись для свободы", и что „круговоротъ урожаевъ обнимаетъ всѣ ихъ желанія" *).

Другой наблюдатель — Фрэзеръ — отмѣчаетъ цвѣтущій, радостный и увѣренный видъ рабочаго Соединенныхъ Штатовъ. И, наконецъ, Поленцъ передаетъ впечатлѣніе, поразившее его въ Америкѣ во всѣхъ мѣстахъ публичныхъ сборищъ: на улицахъ, въ читальняхъ, народныхъ собраніяхъ, это — впечатлѣніе стремительной энергіи, бодраго порыва, „счастливой увѣренности въ успѣхѣ" **).

Сказочный темпъ въ развитіи техники ***) требуетъ физически здороваго, культурнаго работника, и Соединенные Штаты всюду, куда проникаютъ, озабочиваются этимъ прежде всего. Борьба съ эпидеміями, сооруженіе образцовыхъ госпиталей предваряютъ всякую ихъ здѣсь дѣятельность.

Европейскіе колонизаторы Южной Америки принесли туземцамъ трахому, венерическія заболѣванія. Соединенные Штаты усерднѣйшими мѣрами искоренили и чисто мѣстныя заболѣванія. Борьба съ желтой лихорадкой и маляріей въ Панамѣ (Соединенные Штаты упрекали за спровоцированную революцію въ этой области) совершенно оздоровила эту человѣческую морильню.

Не меньшія усилія и средства были затрачены на борьбу съ ужасающей смертностью, которую застали американцы на Филиппинахъ ****).

Вмѣстѣ съ физическимъ оздоровленіемъ идетъ поднятіе умственныхъ и культурныхъ силъ населенія. Школы и демократическія учрежденія — неизмѣнные въ этихъ цѣляхъ спутники такъ называемаго „американскаго внѣдренія".

---

*) Hintrager. — Wie lebt und arbeitet man in den Vereinigten Staaten.

**) Polenz. — Das Land der Zukunft.

***) Въ Соединенныхъ Штатахъ нерѣдко полное обновленіе техники производства въ промежутки въ 7—10 лѣтъ (А. Исаевъ — Міровое хозяйство).

****) П. Мижуевъ,—Исторія великой американской демократіи.

И если въ этомъ хотятъ видѣть „признаки и цѣль имперіализма“, то можно сказать словами Каутскаго объ Англіи: „едва ли можемъ мы имѣть что-нибудь противъ такого имперіализма“ *).

Въ одномъ, во всякомъ случаѣ, сходятся съ друзьями и недруги заатлантическаго великана. Это въ томъ, что расчлененія на зоны вліянія, съ вакханаліей колоніальнаго соперничества лишь потому избѣжала Америка, не въ примѣръ Азіи и Африкѣ, что позиція Соединенныхъ Штатовъ оказалась краснорѣчивѣе, чѣмъ влекущая хищниковъ слабость южныхъ республикъ.

Но это обстоятельство должно было вмѣстѣ имъ объяснить, почему континентъ, населенный людьми всѣхъ расъ, племенъ, языковъ и культуры, оказался наиболѣе замиреннымъ континентомъ.

Рѣзко критикуя вмѣшательство Соединенныхъ Штатовъ въ денежныя отношенія Венецуэлы съ Европой, проф. Н. Н. Голубевъ отстаиваетъ нестѣсненное право Европы на репрессіи въ виду „малой культурности, вѣчнаго броженія и постоянной взаимной вражды“ **) южныхъ странъ Америки. Но чѣмъ же, если не упорнымъ противодѣйствіемъ вліянію Европы на эти страны, объясняетъ блестящій изслѣдователь международныхъ третейскихъ судовъ высокій международно-правовой уровень ихъ сознанія. Какъ случилось, что „вѣчное броженіе и постоянная взаимная вражда“ не помѣшали этимъ странамъ проникнуться глубокимъ уваженіемъ къ институту международнаго трибунала въ то время, когда Европа о немъ хорошо, если грезила.

Скажутъ, — малый размѣръ, слабосиліе этихъ государствъ побудило ихъ предпочесть войнѣ судъ. Но, вѣдь, именно малыя государства Европы помогли Германіи похоронить проектъ международнаго суда на Гаагской конференціи.

Нѣтъ, отдаленность Европы съ ея столѣтіями воспитывавшимся своеобразнымъ правомъ кулака (Faustrecht) дала развиться свободно инымъ, противъ ея, политическимъ навыкамъ. Просвѣ-

*) К. Каутскій. — Національное государство, имперіалистское государство и союзъ государствъ.

**) Н. Н. Голубевъ. — Доктрина Монроэ, „Юридическія Записки“ 1913 г.

щенное вліяніе Соединенныхъ Штатовъ было тѣмъ факторомъ, который вызвалъ къ жизни эти навыки, а ихъ сила — тѣмъ пестуномъ, что далъ имъ вскормиться безпрепятственно. Стоитъ перебрать исторію судебныхъ компромиссовъ южно-американскихъ странъ съ европейскими. Еще въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, послѣ безуспѣшныхъ къ тому попытокъ Венецуэлы, Соединеннымъ Штатамъ приходится вмѣшаться, чтобы заставить Англію согласиться на третейское разбирательство съ этой страной *). Тѣмъ чаще это случалось въ болѣе отдаленные годы, когда европейскія страны серьезно видѣли личное себѣ оскорбленіе въ подчиненіи суду своихъ несогласій съ ничтожными государствами и лишь уступали въ этомъ настоянію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Какъ бы ни было слабо государство, съ которымъ сталкиваютъ насъ отношенія, — говоритъ одно изъ президентскихъ посланій Соединенныхъ Штатовъ, — нашъ долгъ не пользовать своей силы. Спокойствіе, справедливость, умѣренность — таковы качества, которыя должны отличать нашу дипломатію. Умная дипломатія должна во всѣхъ случаяхъ международныхъ несогласій приводить къ третейскому разбирательству, устраняя всѣ поводы къ взрыву. И только такая система, наша система, служащая интересамъ мира, и можетъ быть достойной, и мы особенно умѣемъ ее цѣнить **).

Третейское разбирательство, мало-по-малу, становится нормальнымъ способомъ разрѣшенія споровъ между государствами Америки и Европы, тѣмъ болѣе для разрѣшенія взаимныхъ несогласій американскихъ государствъ.

Идейное движеніе въ пользу третейскаго суда въ Соединенныхъ Штатахъ относится еще къ началу 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ 1835 году, по иниціативѣ американскаго общества мира, была подана первая петиція въ легислатуру Массачузэтса о замѣнѣ войны международной юстиціей и созданіи международнаго суда (Court of Nations). Сенатъ препроводилъ петицію въ ко-

*) Между тѣмъ, вѣдь, изъ европейскихъ странъ Англія и чаще, и охотнѣе другихъ обращалась къ этому способу разрѣшенія противорѣчій.

**) Th. d'Armstrong. — De l'utilité de l'arbitrage.

миссію, и послѣ принялъ и одобрилъ ея положенія. Въ 1851 году комитетъ иностранныхъ дѣлъ высказался за то, чтобы Соединенные Штаты включали въ заключаемые ими договоры условіе о рѣшеніи всѣхъ споровъ третейскими судами. Въ 1853 году Сенатъ обратился къ президенту Соединенныхъ Штатовъ съ такимъ же предложеніемъ. Въ 1874 году конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ единогласно и безъ преній принялъ резолюцію: „въ виду того, что война разрушаетъ матеріальное благосостояніе народа, оказываетъ по своему направленію безнравственное вліяніе и стоитъ въ противорѣчіи съ просвѣщеннымъ общественнымъ мнѣніемъ, народъ Соединенныхъ Штатовъ, въ лицѣ своихъ представителей въ конгрессѣ, рекомендуетъ замѣнить ее третейскимъ судомъ и вводить условіе объ этомъ, насколько возможно, во всѣ будущіе договоры съ иностранными правительствами". Въ этомъ смыслѣ въ тотъ же день высказался и сенатъ, причемъ обѣ палаты уполномочили президента вести переговоры съ цѣлью „установленія международной системы рѣшенія споровъ" *).

Это предложеніе всего больше имѣло въ виду европейскія страны, гдѣ идея международнаго суда едва начала пробивать брешь въ общественномъ сознаніи, вовсе чуждая еще правящимъ сферамъ. Интересно мнѣніе такого политическаго дѣятеля Европы, какъ Гладстонъ. Когда въ англійскій парламентъ поступила первая петиція о третейскомъ судѣ, Гладстонъ отвергъ ее, указывая, что предложеніе такое онъ считаетъ преждевременнымъ, и для дѣла скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Мысль, исходящая отъ небольшого кружка, еще не проникла въ общественное мнѣніе и въ европейскіе кабинеты.

Внутри-американскія междугосударственныя отношенія къ тому времени уже знали неоднократные примѣры соглашеній даже о постоянной юрисдикціи: между Перу и Колумбіей въ 1829 году, между Новой Гренадой и Венецуэлой—въ 1842 году, Перу и Экуадоромъ — въ 1860 году, съ Боливіей въ 1863 году и многіе другіе **). Наиболѣе полнымъ договоромъ о постоянной юрисдикціи, охватывающимъ всѣ торговыя и политическія спо-

*) Л. Камаровскій. — О международномъ судѣ.

**) Н. Н. Голубевъ.—Международные третейскіе суды XIX вѣка.

шенія, является Гваделупъ-Гидальгскій договоръ 1848 года между Соединенными Штатами и Мексикой, почему иные изслѣдователи не безъ основанія считаютъ его первымъ. Но и въ случаѣ отсутствія спеціальныхъ о томъ соглашеній, судебное рѣшеніе споровъ становится для американскихъ государствъ обычнымъ явленіемъ, укореняясь, какъ традиція.

Интересно включеніе въ основные законы Бразиліи обязательности для правительства при всякомъ несогласіи съ иностранной державой предлагать третейское разбирательство, — статья конституціи 34-ая.

Международный трибуналъ, силою обычая, превращается въ своего рода институтъ публичнаго права Америки. Рядомъ наростаетъ идейное осужденіе войны. „Отнынѣ, — гласитъ мирный договоръ между Венецуэлой и Санъ-Сальвадоромъ, — обѣ республики-сестры осуждаютъ войну, какъ чудовищное наслѣдіе варварскихъ временъ“ *).

Текстъ договора между четырьмя республиками Центральной Америки, устанавливая обращеніе къ третейскому суду во взаимныхъ отношеніяхъ, какъ обязательное, квалифицируетъ нарушеніе этого обязательства, какъ преступную измѣну.

Договоръ Сальвадора съ республикой Коста-Рика постановилъ категорическое исключеніе войны во взаимныхъ отношеніяхъ. „Ни въ какомъ случаѣ обѣ республики не могутъ прибѣгнуть къ войнѣ“.

Нѣкоторыя соглашенія о третейскомъ судѣ включаютъ обѣщаніе „при первомъ же благопріятномъ случаѣ“ расширить число участниковъ привлеченіемъ другихъ американскихъ государствъ къ заключенному договору **).

Но наиболѣе полный и законченный характеръ получаютъ постановленія о третейскомъ судѣ на извѣстныхъ конгрессахъ государствъ всѣхъ трехъ Америкъ, — Сѣверной, Южной и Центральной, — на такъ называемыхъ пан-американскихъ конференціяхъ.

Проекту суда, предложенному на 1-ой пан-американской

*) Th. d'Armstrong. — De l'utilité de l'arbitrage.

**) Rouard de Card. — Les destinées de l'arbitrage international.

конференціи, предшествовало слѣдующее обращеніе къ участникамъ: „Понимая, что война — это наиболѣе жестокій, наиболѣе опасный и наиболѣе безуспѣшный способъ разрѣшенія международныхъ конфликтовъ; сознавая, что развитіе моральныхъ принциповъ, правящихъ современнымъ политическимъ обществомъ, породило горячее стремленіе къ мирному улаженію этихъ конфликтовъ, одушевленные убѣжденіемъ въ моральныхъ и матеріальныхъ благахъ, которыя несетъ человѣчеству миръ, и считая, что современныя условія жизни народовъ благопріятны замѣнѣ вооруженной борьбы третейскимъ судомъ, американскія республики, подчиненныя одинаковымъ принципамъ народнаго управленія и связанныя узами растущихъ взаимныхъ интересовъ, въ сферѣ ихъ собственныхъ дѣйствій, на американскомъ континентѣ намѣрены охранить миръ заключеніемъ общаго договора о третейскомъ судѣ между ними".

Обращеніе конгресса къ европейскимъ державамъ носило характеръ дружеской рекомендаціи: „Международная американская конференція позволяетъ себѣ надѣяться, что споры между американскими республиками и народами Европы будутъ рѣшаться тѣмъ же мирнымъ способомъ" *).

Кромѣ вопроса третейской юрисдикціи, американскія конференціи включили рядъ другихъ, не менѣе животрепещущихъ. Правовыя достиженія не бываютъ одиноки: одно непремѣнно влечетъ за собою другое. Невиданное развитіе американскаго международнаго права служитъ блестящимъ тому подтвержденіемъ. Къ сожалѣнію, Европа, чуждая этому движенію, очень мало интересовалась трудами пан-американскихъ конференцій. У насъ отсутствуютъ сколько-нибудь сносныя изслѣдованія по этому вопросу. Въ сущности, ихъ огромный творческій трудъ прошелъ мимо европейскаго сознанія. Можно думать, что урокомъ тягчайшей изъ войнъ, обезкровленія и обнищанія, Европа обратится къ этимъ сокровищамъ болѣе внимательно.

Пан-американскія конференціи обязаны возникновеніемъ по-

*) Prince. — Le Congrès Panaméricain.

чину Соединенныхъ Штатовъ *). Въ первый разъ созванная въ Вашингтонѣ конференція собрала представителей отъ 18 государствъ Сѣверной, Центральной и Южной Америки. Предметомъ занятій было обсужденіе разнообразныхъ вопросовъ политическихъ, экономическихъ и юридическихъ сношеній американскихъ государствъ, но въ первую очередь — вопроса о постоянной юрисдикціи между ними. Въ актѣ конгресса Соединенныхъ Штатовъ, которымъ президентъ уполномачивался на созывъ конференціи, опредѣлялась и программа предстоящихъ занятій.

Разработка вопросовъ на конференціи потребовала образованія 17-ти комиссій, въ ихъ числѣ — комиссіи для выработки проекта третейскаго суда, названной комиссіей общественнаго блага. Представленный общему засѣданію проектъ, тщательно разработанный, открывался положеніемъ о признаніи международнаго суда безсмѣннымъ принципомъ общеамериканскаго права, и заканчивался предоставленіемъ возможности любому государству примкнуть къ соглашенію, безъ особыхъ формальностей. Достаточно было, подписавъ копію договора, вручить ее правительству Соединенныхъ Штатовъ, о чемъ имъ сообщалось другимъ участникамъ договора. Но проекту о третейскомъ судѣ не пришлось объединить всѣхъ государствъ, представленныхъ на первой конференціи. Только девять изъ нихъ заключили между собою соглашеніе о принятіи его, какъ обязательнаго. Конференція разошлась, образовавъ „международную унію американскихъ государствъ“, исполнительный органъ которой, оставленный въ Вашингтонѣ, получилъ постоянный характеръ.

Вторая пан-американская конференція, созванная также по иниціативѣ Соединенныхъ Штатовъ, состоялась въ Мексикѣ. Она продолжила работы первой по утвержденію международнаго суда, какъ обязательнаго института. Кромѣ того, на ней впервые серьезно возникъ вопросъ о кодификаціи всего международнаго

*) Несерьезно звучитъ встрѣчающееся у нѣкоторыхъ европейскихъ авторовъ обвиненіе Соединенныхъ Штатовъ въ томъ, что „ихъ надежда была фигурировать постояннымъ арбитромъ въ спорахъ республикъ, что постепенно привело бы къ ихъ гегемоніи“ (Rouard de Card. — op. cit.; Revue de droit internat., 1888).

американскаго права, не только частнаго (оно было уже высоко развито на континентѣ), но и публичнаго. Для этой цѣли было постановлено образовать особую комиссію, работы которой должны были носить длящійся характеръ. Слѣдующія затѣмъ, одна за другой, пан-американскія конференціи *) не оставляютъ этого важнаго вопроса.

Кодификація всего международнаго права, о которой сотни лѣтъ пламенные умы мечтали, какъ о лучшемъ пути къ вѣчному миру, для Америки становится все болѣе достигнутымъ этапомъ. Намѣчается грандіозный планъ по изученію различныхъ источниковъ американскаго права, ихъ сличенію, и параллельной разработкѣ согласительныхъ правовыхъ нормъ.

Не мало положительной работы выполнено на самихъ конференціяхъ. Проблемы, ими незатронутыя, или же нерѣшенныя, передаются юридической комиссіи. Особой важности результаты дали засѣданія этой комиссіи въ 1912 году. На нихъ вопросъ общей кодификаціи безразлично всѣхъ областей американскаго права получаетъ окончательное признаніе, а всѣ существовавшія сомнѣнія въ возможности такового опровергнуты сдѣланными практическими шагами.

Приступлено къ составленію основныхъ законоположеній для всей Америки, которыя по прежнему порядку международныхъ отношеній облечены въ договорную форму трактатовъ, однако, носятъ постоянный и общій характеръ, подобно законамъ внутри-государственнымъ. Огромная и сложная работа разсчитана на цѣлый рядъ лѣтъ. Послѣдовательно должны кодифицироваться новыя области права, а старыя правоположенія пересматриваться, согласно измѣняющимся требованіямъ жизни.

Такимъ образомъ, комиссія юристовъ-делегатовъ получаетъ характеръ постояннаго законодательнаго органа всей Америки. Въ этомъ — достигнутый другой пунктъ всѣхъ устремленій къ мирной международной организаціи.

---

*) „Юридическія Записки", 1911 г. Вып. I и 1913 г. Вып. I—II.

V.

Посланіе Вильсона — путь къ демократическому миру.

Въ то время, какъ Старый Свѣтъ лихорадочно вооружался, полагая въ лишнихъ пушкахъ и снарядахъ опору своего благополучія, Новый Свѣтъ быстрыми шагами двигался къ идеалу человѣческаго замиренія. Въ привѣтственномъ словѣ къ делегатамъ первой пан-американской конференціи государственный секретарь Соединенныхъ Штатовъ противопоставилъ мирныя тенденціи американскаго континента воинственному духу Европы. —Мы вѣримъ, что взаимное сотрудничество, покоящееся на взаимномъ уваженіи, избавитъ насъ отъ треволненій, потрясающихъ старѣйшія націи міра. Мы вѣримъ, что чувство справедливости и сознаніе общаго интереса предохранятъ американскія государства отъ искусственнаго равновѣсія державъ, которое такъ часто повергало Европу въ потоки крови. Мы вѣримъ, что искреннее дружелюбіе американскихъ государствъ избавитъ ихъ отъ заботы охранять свои границы крѣпостями и военными силами. Мы вѣримъ, что постоянныя арміи, свыше тѣхъ, что необходимы для поддержанія порядка и нуждъ внутренняго управленія, должны быть чужды обоимъ американскимъ континентамъ *).

Америка мыслила себя на иной планетѣ, чѣмъ Европа, и потому такъ спокойно предоставляла ей итти своимъ путемъ.

---

*) Rouard de Card.—Les destinées de l'arbitrage international.

Не разъ пыталась она, правда, увлечь Европу своимъ примѣромъ, но всегда безуспѣшно, и отъ того непосредственной бѣды себѣ не видѣла. Убѣжденіе Ольнея, что „неограниченные рессурсы Соединенныхъ Штатовъ, въ соединеніи съ ихъ изолированнымъ положеніемъ, дѣлаютъ ихъ господами положенія и фактически неуязвимыми для одной державы (европейской) или для всѣхъ вмѣстѣ", продолжало господствовать въ Америкѣ.

Такъ было вплоть до пожара, охватившаго старый континентъ. „Міровая" война не даромъ получила свое названіе: вызванное ею потрясеніе не знало ограниченія территоріей, ея громовые раскаты достигли самыхъ отдаленныхъ угловъ міра, вставши конкретной угрозой равно Востоку и Западу, по ту и по эту сторону океана. Развѣ былой „огненный" океанъ не сталъ стихіей, покорной маленькой лодочкѣ вооруженнаго германца? И развѣ самозабвенные гимны силѣ, какъ единому господину міра, видѣли предѣлъ въ „раздѣлительномъ меридіанѣ"? „Сила создаетъ для насъ право", бросали вызовъ народамъ и наиболѣе умѣренные изъ нѣмцевъ: „лишь сильнѣйшій могъ бы насъ принудить... Слѣдовать совѣту глупцовъ и таскать великіе межнародные споры въ высшія судилища? Но вѣдь это — слабоуміе. Спросите у тополя, кто далъ ему право всѣхъ выше подымать свою вершину. Представьте его въ ареопагъ, гдѣ засѣдаютъ беззубые, хилые. Въ листвѣ его бурей пронесется въ отвѣтъ: „мое право — моя сила" *).

Удивительно ли, что, по образному выраженію „Figaro" **), „рука Европы, которая хочетъ быть свободной, оказалась въ рукѣ Америки, которая хотѣла остаться свободной. Вмѣстѣ противъ тиранніи по эту сторону океана".—Океана больше не стало...

Когда президентъ Монроэ въ своемъ посланіи писалъ: „въ войнахъ европейскихъ державъ изъ-за ихъ собственныхъ дѣлъ мы не участвовали, и такое участіе не находилось бы въ соотвѣтствіи съ нашей политикой",—онъ былъ правъ. Но когда президентъ Вильсонъ въ его посланіи, историческая слава которому обезпечена, звалъ американскій народъ къ участію въ разрѣше-

*) „Die Zukunft", 17 okt. 1914, Maximilien Harden.

**) Отъ 5 февраля 1917 г.

ніи тягчайшаго европейскаго конфликта, онъ былъ такъ же правъ. Въ общій узелъ были связаны не одни собственныя дѣла европейскихъ государствъ, но и дѣла государствъ американскихъ, ихъ ближайшія судьбы. Что, съ побѣдой Германіи, Америка вынуждена была бы измѣнить свой укладъ, обзаводиться постоянной арміей, и что желать этого она не могла,—мнѣ приходилось уже указывать *). Въ игру вошли оба руководящихъ принципа американскаго права: политическая и территоріальная неприкосновенность. Внѣшняя политика Соединенныхъ Штатовъ не дѣлала скачка. И, можетъ быть, великое счастье Европы будущіе историки отмѣтятъ въ томъ, что интересы ея скрестились съ интересами американской демократіи.

Обращенное къ воюющимъ державамъ и ко всему міру посланіе Вильсона было прочитано Сенату Соединенныхъ Штатовъ 22 января 1917 года. Это былъ первый голосъ, заговорившій о будущей организаціи мира, и въ своихъ требованіяхъ исходившій изъ интересовъ нейтральныхъ государствъ и интересовъ человѣчества. Война поразила ихъ, какъ и вовлеченныхъ въ войну, и властно поставила вопросъ общей заинтересованности въ условіяхъ мира. Это долженъ быть миръ, стоящій внѣ шального риска, миръ, обезпеченный прямымъ, добросовѣстнымъ соглашеніемъ народовъ, „соглашеніемъ чести“. Человѣчество не должно быть болѣе обреченнымъ, но получить прочную увѣренность, что подобная катастрофа не поразитъ его снова. Въ величайшей задачѣ Соединеннымъ Штатамъ надлежитъ выполнить достойную роль. Эта роль отведена имъ духомъ и сущностью ихъ конституціи, всѣмъ прошлымъ ихъ мирнаго международнаго созиданія и ихъ заслугами предъ свободой и правомъ. Не отвернуться отъ нея обязываетъ ихъ долгъ предъ самими собою, предъ малыми народами, предъ залитымъ кровью міромъ.—Таковъ смыслъ посланія.

Но гдѣ же тѣ гарантіи, которыхъ Соединенные Штаты, въ лицѣ президента, требуютъ для обезпеченія будущаго прочнаго мира? Отвѣтъ на это даетъ всякая рѣчь Вильсона, его дипломатическая переписка, особенно съ Германіей по вопросу о перемиріи, а

*) „Міровая война и судьбы междунар. права“. Пбг. 1916 г.

также его военное посланіе (message de guerre) отъ 4 апрѣля. Автократію указываетъ посланіе исконнымъ, страшнымъ очагомъ войны. Относительно Германіи оно говоритъ.—Германское правительство, навязывая войну народамъ, не спрашивало объ этомъ свой народъ, даже не информировало его, а поставило предъ совершившимся фактомъ. Эта война была рѣшена такъ же, какъ всѣ войны того жалкаго времени, когда народы были только пѣшками въ игрѣ управителей, только инструментомъ для ихъ интересовъ. Націи, которыя сами вѣдаютъ свое управленіе, не станутъ наводнять шпіонами сосѣднія государства, не будутъ заводить тайныхъ интригъ, безъ нужды оттачивать ножъ. Подобные планы съ успѣхомъ выполняются тамъ, гдѣ никто не имѣетъ права призвать за это къ отвѣту; они зрѣютъ въ подозрительной тиши дворовъ, среди малыхъ группъ привиллегированныхъ бездѣльниковъ, ничѣмъ съ народомъ не связанныхъ. Они, по счастью, невозможны тамъ, гдѣ общественное мнѣніе повелѣваетъ и требуетъ полнаго освѣдомленія о всѣхъ государственныхъ дѣлахъ.

И посланіе твердо настаивало, что основной и необходимой гарантіей устойчиваго мира должна быть обязательная демократизація государствъ—членовъ будущаго международнаго союза. Оно говоритъ объ этомъ въ такихъ словахъ: „Соглашеніе о мирѣ никогда не будетъ прочно, если оно не произойдетъ между демократическими государствами. Невозможно разсчитывать, чтобы автократія оставалась вѣрна соглашенію, соблюдала договоры. Необходима лига чести, сотрудничество общественнаго мнѣнія. Духъ интриги былъ бы червемъ, ихъ подтачивающимъ. Заговоры малыхъ группъ, занятыхъ частными комбинаціями, и ни предъ кѣмъ не обязанныхъ отвѣтомъ, будутъ началомъ разложенія въ самомъ сердцѣ союза. Лишь свободные народы могутъ свои цѣли и свою честь хранить въ согласіи съ общей цѣлью“. Лишь свободнымъ народамъ открываетъ Вильсонъ путь въ лигу народовъ.

Таково основное, не терпящее отступленія, или маскировки, требованіе Вильсоновскаго мира, и этимъ оно отличается отъ всѣхъ другихъ, немалочисленныхъ въ эту войну, мирныхъ проектовъ и предложеній. Международный третейскій судъ и сокра-

щеніе вооруженій, свобода морей и право народовъ на самоопредѣленіе—всѣ эти, обычно исчерпывающіе такіе проекты, пункты въ программѣ Вильсона подчинены заглавному пункту—демократизаціи. Въ демократизаціи государствъ, подписывающихъ соглашеніе о всѣхъ выше перечисленныхъ пунктахъ, видитъ Вильсонъ единственную гарантію ихъ дѣйствительнаго выполненія. Демократизацію считаетъ онъ и тѣмъ путемъ, который единственно сможетъ привести государства къ принятію этихъ пунктовъ, какъ обязательныхъ во взаимныхъ сношеніяхъ.

Въ своемъ исходномъ положеніи правъ ли президентъ великой республики, или, какъ полагали нѣкоторые наивные, его настойчивость была лишь упорствомъ въ затягиваніи войны?

Опытъ Гаагскихъ мирныхъ конференцій можетъ это выяснить безъ всякаго пристрастія.

Общеизвѣстно, что на обѣихъ мирныхъ конференціяхъ о противодѣйствіе Германіи разбились самыя значительныя предложенія; что, соединившись съ Турціей и мелкими балканскими государствами, Германія неуклонно шла противъ воли большинства, на второй конференціи—противъ 32 государствъ. Но, къ сожалѣнію, мало распространены свѣдѣнія о всѣхъ подробностяхъ ея поведенія на конференціи. Было бы преувеличеніемъ значительности ея оппозиціи думать, что сопротивленіе съ ея стороны встрѣчали одни важныя измѣненія въ международныхъ отношеніяхъ. Германскіе делегаты одинаково ополчались на незначущія мелочи, изворачивались, лгали, добивались провала одного предложенія цѣною обѣщанія поддержать другое, но обѣщанію своему измѣняли; непрестанно запрашивали инструкцій изъ Потсдама и дѣйствовали лишь въ согласіи съ ними, дѣйствовали такъ, чтобы принизить, всячески обезцѣнить значеніе мирныхъ конференцій.

Дающій отчетъ о конференціи 1899 года Мартенсъ пишетъ: „казалось, что предложеніе объ обязательномъ судѣ близко къ осуществленію, но Германія была противъ него, и тогда Гаагская конференція, воодушевленная духомъ примиренія, уступила ей, отвергнувъ идею обязательности“. Делегатъ Соединенныхъ Штатовъ, Гоольсъ объясняетъ, впрочемъ, мотивы этой уступки: „Это произошло не столько вслѣдствіе царившаго на конференціи

духа примиренія, сколько благодаря тому, что условіемъ, подъ которымъ Германія приняла учрежденіе Постояннаго Суда, было уничтоженіе всякихъ постановленій относительно принудительности третейскаго суда, и эта сдѣлка была конференціей принята" *). Соединенные Штаты особенно живо интересовались вопросомъ Постояннаго Суда, и поэтому обычно воздерживавшіеся отъ участія въ европейскихъ съѣздахъ принимали горячее участіе въ Гаагскихъ конференціяхъ. Когда предложенію Постояннаго Суда, вслѣдствіе сопротивленія Германіи, грозила та же горькая участь, что и всѣмъ другимъ, Гоольсъ вызвался поѣхать въ Берлинъ для личныхъ убѣжденій.

Въ возраженіяхъ противъ обязательности международнаго трибунала германская делегація исходила изъ соображеній противорѣчія таковой основному началу публичнаго нѣмецкаго права о безотвѣтственности монарха. Основывающій свои полномочія на божественномъ правѣ, германскій монархъ ни предъ кѣмъ, кромѣ Бога, не отвѣтственъ за свои дѣйствія. Лишь добровольное согласіе правительства подчиниться рѣшенію суда въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ имѣть мѣсто**).

Германскую делегацію приводитъ въ содроганіе не только принципъ обязательности, но и самый этотъ терминъ. Еще ранѣе Гаагской конференціи Германія въ частныхъ договорахъ обязалась подчинять третейскому суду споры опредѣленнаго характера, относящіеся къ конвенціи о почтѣ, желѣзнодорожныхъ перевозкахъ и др. Но когда на конференціи эти споры, точно перечисленные, вошли въ спеціальный параграфъ, какъ подчиненные обязательной третейской юрисдикціи, германская делегація запротестовала. Параграфъ, въ которомъ, какъ объясняетъ Мартенсъ, пытались спасти „хотя бы намекъ", былъ сорванъ:

*) Н. Н. Голубевъ. — „Международные третейскіе суды XIX вѣка".

**) Интересно вспомнить мотивировку къ словесному союзному договору, заключенному Петромъ I-ымъ съ бранденбургскимъ курфюрстомъ Фридрихомъ III въ Кенигсбергѣ 31 мая 1697 г.—„Хотя и письменный бы имъ договоръ межъ собою постановить, но однако-жъ тотъ договоръ совмѣстижъ ихъ государскими имѣетъ быть крѣпокъ, понеже де на свѣтѣ нѣсть Судіи, который бы въ несодержаніи обѣщанія того, хотя и письменнаго, ихъ судити могъ, кромѣ Бога". (Мартенсъ.—Собраніе трактатовъ, томъ V).

вмѣсто обязательнаго обращенія къ суду, фактически уже существовавшаго для этихъ случаевъ, была принята одна рекомендація его.

Противъ учрежденія Постояннаго Суда германская делегація возражала „отъ лица своего правительства“, какъ противъ вредной иллюзіи, какъ противъ реформы совершенно преждевременной. Но участники конференціи напряженно, какъ священнаго дѣйствія, ожидавшіе сужденія о Постоянномъ Судѣ, въ его учрежденіи полагавшіе душу конференціи, единодушно стали убѣждать германскаго делегата. Представитель Соединенныхъ Штатовъ Гоольсъ сталъ объяснять, что не только отвлеченныя соображенія, высокая цѣль и благо человѣчества, но и вполнѣ практическіе интересы диктуютъ принятіе этого Института, что народъ Соединенныхъ Штатовъ это уже отлично понялъ, и теперь нетерпѣливо ждетъ благопріятныхъ результатовъ конференціи. Убѣждалъ и англійскій делегатъ указаніемъ, что, вѣдь, обращеніе къ этому Суду остается свободнымъ, добровольнымъ. Указывали на невозможность отвергнуть то, изъ-за чего всѣ собрались. По свидѣтельству очевидца, германскій делегатъ, самъ глубоко взволнованный (ému lui-même profondement) *), все же не осмѣлился на самостоятельное рѣшеніе, и тотчасъ послѣ засѣданія, захвативъ протоколы, уѣхалъ въ Берлинъ для доклада. Возвратился онъ въ Гаагу съ отвѣтомъ, внѣшне благопріятнымъ, но съ готовностью, видимо внушенной, не поддаваться болѣе своимъ чувствамъ. По крайней мѣрѣ, его придирки и замѣчанія во все послѣдующее время обсужденій выдаютъ одно желаніе: свести на нѣтъ все значеніе сдѣланной уступки. Онъ отстаиваетъ полную свободу выбирать или нѣтъ третейскихъ судей изъ списка, составляемаго центральнымъ бюро, протестуетъ противъ надгосударственнаго характера суда, отвергаетъ, въ концѣ концовъ, и самый смыслъ „постояннаго“ суда. — На засѣданіи комитета 15 іюля онъ съ рѣзкостью замѣчаетъ: „то, что удалось конференціи достичь, не заслуживаетъ названія Суда, это — просто списокъ лицъ, рекомендуемыхъ въ третейскіе судьи“. Въ другой

*) d'Estournelles de Constant. — Les résultats de la conférence de la Haye.

разъ онъ настаиваетъ: „Постояннаго Суда нѣтъ въ наличности. Въ дѣйствительности, есть лишь одно бюро". Но и это „одно бюро", видимо, непріятно германскому делегату. Въ одномъ изъ засѣданій комитета, онъ хочетъ замѣнить его официальное названіе безразличнымъ словомъ „секретаріатъ", одновременно дѣлая заявленіе, что германское правительство все равно не разсматриваетъ бюро иначе, и не допускаетъ и мысли, чтобы эта „канцелярія" стала центромъ международной политики, какимъ-то всемірнымъ бюро *).

Стремленіе принизить учрежденіе Суда сказывается и въ требованіи несоразмѣрнаго увеличенія числа судей и разбавленія ихъ состава спеціалистами всякаго рода, даже военными. Напрасно делегату возражали, что спеціалисты могутъ быть привлечены, какъ эксперты. Не лучше шло дѣло въ другой комиссіи Гаагской конференціи — „о разоруженіи". Тамъ представителемъ отъ Германіи подвизался нѣкій полковникъ, энергіей котораго и крушился предложенный комиссіи проектъ. Полковникъ заявилъ, что нѣмецкій народъ вовсе не подавленъ налогами и повинностями; напротивъ, благосостояніе его непрерывно возрастаетъ. На общеобязательную же повинность воинской службы нѣмцы смотрятъ не какъ на тягость, но какъ на священный, высокій долгъ, въ выполненіи котораго они зрятъ обезпеченіе собственнаго благополучія **).

Такъ закончилась первая мирная конференція. Протекло 8 лѣтъ, и Гаага приняла гостей второй мирной конференціи. Но и на этотъ разъ прекрасные проекты остались проектами, и горячее желаніе 32-хъ государствъ осталось безплоднымъ, въ виду позиціи, занятой Германіей. Ея представители заявили, что никакія обязательства, связывающія государства, не совмѣстимы съ суверенитетомъ послѣдняго; что Германія не исключаетъ возможности заключать договоры о третейскомъ судѣ съ отдѣльными государствами, но категорически отрицаетъ идею всеобщности такого договора, даже и ограниченнаго опредѣленными спорами. Безрезультатны были всѣ уговоры: что, если государство можетъ

*) Н. Голубевъ. — Op. cit.

**) Л. Камаровскій.—Гаагская мирная конференція 1899 года.

заключать указанный договоръ съ двумя-тремя государствами, то оно можетъ, безъ ущерба для своей чести, заключить его сразу со многими; что такое признаніе имѣетъ громадное нравственное и принципіальное значеніе. Не помогло и утѣшеніе, что признаніе суда обязательнымъ для извѣстныхъ споровъ не уничтожаетъ войны совсѣмъ. Германія не поддалась. Но что особенно интересно: когда, по примѣру первой пан-американской конференціи, возникло предположеніе о подписаніи договора тѣми государствами, которыя высказались за него, германскій делегатъ фонъ-Маршалль заявилъ, что видитъ въ этомъ угрозу для самаго существованія Гаагскихъ конференцій *).

Таковъ былъ урокъ мирныхъ конференцій. Европа въ лишній разъ убѣдилась, что именно Германія является застрѣльщикомъ милитаризма и его вдохновителемъ. Америка же, кромѣ этого урока, имѣла случай получить и другой. Она увидѣла воочію, что политическая система континентальныхъ государствъ, какъ она есть, представляетъ неодолимое препятствіе для усвоенія самыхъ элементарныхъ положеній мирнаго устройства народовъ.

Между прочимъ, когда на первой конференціи шло обсужденіе состава судей Международнаго Трибунала, представитель Штатовъ — Гоольсъ — пытался внести существенную поправку. Вмѣсто делегированія судей правительствомъ каждаго государства, онъ предложилъ назначеніе ихъ поручить высшимъ судебнымъ учрежденіямъ, чтобы предупредить политическое давленіе на судейскую совѣсть. Поправка встрѣтила сочувствіе одного англійскаго делегата, указавшаго, однако, что примѣненіе этого на практикѣ въ континентальныхъ государствахъ невозможно. Дѣйствительно, со всѣхъ сторонъ посыпались возраженія. Указывалось, что въ международныхъ сношеніяхъ участвуютъ лишь исполнительные правительственные, а не судебные или законодательные органы, и что государства не могутъ рисковать умаленіемъ своего суверенитета. Помимо этого, судебная власть въ европейскихъ государствахъ вовсе не такъ обособлена отъ исполнительной, какъ это существуетъ въ Америкѣ.

Дѣло мира для успѣшнаго развитія, видимо, требовало оди-

*) Камаровскій и Уляницкій. — Международное право.

наковыхъ условій во внутри-политической жизни государствъ. Это убѣжденіе уже проскальзываетъ въ резолюціи второго панамериканскаго съѣзда. „Американскія государства, управляемыя на основаніи однихъ и тѣхъ же принциповъ, могутъ обезпечить миръ американскаго континента", гласитъ протоколъ о принятіи третейской юрисдикціи. Этого счастливаго свойства былъ лишенъ старый континентъ, а въ сердцѣ его залегла военная крѣпость феодальной прусской монархіи,—и разразилась страшнѣйшая изъ войнъ.

Что такъ дольше продолжаться не можетъ, — стало ясно для всѣхъ. Жажда мира — справедливая жажда. Но миръ не долженъ быть пустой формулой. Чтобы не стать только передышкой, простымъ перемиріемъ, миръ долженъ опереться на прочное, незыблемое основаніе, получить необходимыя гарантіи. И если когда либо мыслилось положеніе, что интересы мира могутъ требовать продолженія войны, то это положеніе было предъ нами, когда Вильсонъ, именемъ мира, не останавливалъ войны до полученія международныхъ гарантій со стороны Германіи.

Въ январѣ 1916 года американскій Институтъ международнаго права принялъ „Декларацію правъ и обязанностей народовъ". Шестой пунктъ ея гласитъ: „Международное право это въ одно и то же время право національное и международное: національное въ томъ смыслѣ, что оно есть законъ страны; международное потому, что оно является закономъ для всего международнаго союза". Въ международное право президентъ Вильсонъ посланіемъ 22-го января внесъ норму, долженствующую обезпечить прочность мира. Она носитъ отрицательную форму, и заключаетъ, въ общемъ, такую мысль,—нѣтъ прочнаго мира, гдѣ нѣтъ устойчивости, нѣтъ устойчивости, гдѣ царитъ одна воля, гдѣ „не царствуютъ справедливость, свобода, право". Эта новая норма, оправданная опытомъ американскихъ странъ, *международная норма*, должна стать въ одно и то же время *закономъ національнымъ и международнымъ*. Чтобы утвердить ее національной нормой у себя, Германіи, по настоянію союзниковъ, пришлось пожертвовать всѣми феодальными аттрибутами своей конституціи. Но мало ли слышалось

негодующихъ голосовъ, голосовъ протеста: да, вѣдь, это—вмѣшательство во внутреннія дѣла, это — нарушеніе суверенитета.

Мы видѣли уже по засѣданіямъ Гаагскихъ конференцій, что понятіе суверенитета не одно въ представленіи американцевъ и европейцевъ. Одни считаютъ совмѣстимымъ съ достоинствомъ независимаго государства обязываться подчиненіемъ международному трибуналу; важныя функціи международнаго значенія предоставлять судебной власти, другіе разумѣютъ государственный суверенитетъ, какъ древняго Молоха, неподвижнаго, какъ онъ, и требующаго закланій. Но такъ какъ съ очевидностью ясно, что иное пониманіе не дѣлаетъ Соединенные Штаты въ международныхъ отношеніяхъ менѣе независимой державой, нежели любую европейскую державу, то возникаетъ сомнѣніе: объ чемъ же споръ? Въ „Заключительномъ Актѣ“, который приняла вторая Гаагская конференція, имѣется знаменательное мѣсто. Послѣ заявленія объ единогласномъ признаніи конференціей начала обязательнаго третейскаго суда, въ немъ слѣдуетъ: „и хотя не было дано заключить уже теперь конвенцію въ этомъ смыслѣ, но различія мнѣній, которыя обнаружились, не выходили за предѣлы юридическаго спора“.

Такъ не замкнулись-ли въ предѣлы „юридическаго спора“ всѣ разговоры о нарушеніи Вильсономъ правъ суверенитета? А юридическій споръ, какъ это ни скучно, неизбѣжно требуетъ экскурсій въ область теоріи права.

VI.

Суверенитетъ государства.

Понятіе суверенитета въ правовую науку не вошло случайно. Оно имѣетъ долгую и поучительную исторію. Было время, когда содержаніе суверенитета цѣликомъ сливалось съ властью монарха. Это время совпадаетъ съ періодомъ, когда борьба за верховенство государства противъ всѣхъ враждебныхъ ему силъ, — феодаловъ, римскаго престола и другихъ, протекала подъ знакомъ личной борьбы короля съ этими силами. Власть короля не знаетъ надъ собою старшаго, кромѣ Бога и природы (la souveraineté n'a autre condition que la loy de Dieu et de nature ne commande), — училъ Бодэнъ *). Суверенная власть не связана законами. Законъ не болѣе, какъ приказъ самого суверена, который поэтому для него самого необязателенъ. Короли поставлены самимъ Богомъ для начальствованія надъ людьми. Точно такъ же суверенитетъ государства поглощается суверенитетомъ князя въ другомъ, болѣе развитомъ ученіи — Гоббса. Воля человѣка, которому поручена верховная власть, есть воля государства,—писалъ Гоббсъ. Онъ не связанъ закономъ, потому что никто не можетъ обязываться передъ самимъ собою **).

---

*) Автора „Шести книгъ о Республикѣ" считаютъ авторомъ суверенитета государства. М. Ковалевскій основательно доказываетъ неточность общепринятаго взгляда въ его „Отъ прямого народоправства къ представительному", т. I.

**) Гоббсъ.—Философскія основанія ученія о гражданинѣ.

Но напрасно Еллинекъ въ ихъ ученіи видитъ только юридическое выраженіе политической доктрины Маккіавелли. Монархъ Маккіавелли знаетъ одинъ законъ—цѣль, которую онъ самъ себѣ поставилъ. Чтобы ею овладѣть, всѣ средства хороши. Долгъ, честь — только слова, лишенныя смысла. Побѣда, какими бы кривыми путями она ни достигалась, никогда еще не замарала побѣдителя *). И еще законъ: интересъ самосохраненія (l'intérêt de sa conservation). Онъ даетъ право монарху „нарушать законы человѣчества, милосердія, религіи“ (l'oblige à violer les lois de l'humanité, de la charité et de la réligion) **). Не такъ у Бодэна. Его монархъ связанъ законами божескими и человѣческими, общими для всѣхъ народовъ (lois humaines communes à tous les peuples) и стоящими надъ государствомъ. Если воля его клонится къ нарушенію этихъ законовъ, чиновники обязаны скорѣе отказаться отъ своихъ постовъ, чѣмъ ее исполнить. Но, кромѣ того, правитель Бодэна подчиненъ основнымъ законамъ, которые, между прочимъ, устанавливаютъ принципъ неотчуждаемости государственныхъ имуществъ ***).

Маккіавелли равнодушенъ къ источнику власти. Гоббсъ очищаетъ его изъявленіемъ народной воли, — самоподчиненіемъ воли всѣхъ волѣ одного. Въ этомъ уже упрежденіе соціальнаго контракта Руссо. Еще шагъ далѣе находимъ у Гуго Гроція въ „Правѣ войны и мира“: онъ вноситъ ограниченіе суверенитета также международнымъ правомъ.

Естественно, что, если у Маккіавелли монархъ внѣ критики, у этихъ авторовъ — иначе. Бодэнъ съ огорченіемъ сознается, что добросовѣстность не всегда присуща монархамъ, болѣе того, что „есть среди нихъ такіе вѣроломные, которые клянутся лишь затѣмъ, чтобы обмануть“ (qui ne jurent point s'ils ne veulent tromper). Онъ вспоминаетъ о нарушенномъ словѣ императора Іоанну Гусу, говоритъ о практиковавшихся измѣнахъ договорамъ съ Турціей. „Если слово, данное невѣрнымъ, — пишетъ онъ, — не должно быть хранимо, оно не должно даваться, и, напротивъ,

*) Machiavel. — L'histoire, l. IV.
**) Machiavel. — Le Prince.
***) Bodin. — De la République.

если законно предъ ними обязываться, то необходимо блюсти обѣщаніе" *). Критика монаршихъ дѣйствій ведется и другими писателями того времени. Особенно рѣзка она въ отношеніи международной практики королей. Писатель XVI вѣка Монтэнь пишетъ: „Вы думаете, что значительныя причины влекутъ войны. Не заблуждайтесь: та же причина, что заставляетъ васъ повздорить съ сосѣдомъ, между монархами влечетъ войну; та же причина, которая толкаетъ васъ избить слугу, затронувъ короля, побуждаетъ его раззорять провинціи". Чуть раньше, голландскій философъ Эразмъ объясняетъ, „откуда происходятъ войны". — „Амбиція государей, которые думаютъ и дѣйствуютъ такъ, точно весь міръ созданъ для нихъ", — вотъ причина. Онъ сравниваетъ ихъ съ хищными птицами, которыхъ существо — поглощать болѣе слабыхъ, нежели онѣ. „Нужно достигнуть такой организаціи, — предваряетъ Эразмъ откровеніе нашихъ дней, — когда вопросы войны и мира будутъ рѣшаться только народной волей. Тогда войны начнутъ исчезать". Объ томъ же пишетъ знаменитый англійскій философъ Бэконъ: договоры соблюдаются государями, лишь поскольку они находятъ въ нихъ собственную выгоду. Въ этомъ слѣдствіе принадлежащаго имъ непристойнаго права суверенитета (licencieuse souveraineté), заключаетъ онъ **). И нѣсколько позже, въ своемъ Codex juris gentium философъ Лейбницъ приравнивалъ къ дѣтямъ, играющимъ съ костяшками, суверенов, играющихъ съ договорами.

Одновременно возникаетъ стремленіе положить законную границу международнымъ авантюрамъ королей. Рядъ ученыхъ литераторовъ обсуждаетъ запрещеніе всякихъ завоевательныхъ войнъ. Эразмъ по этому поводу пишетъ: не болѣе дозволено государямъ нарушать свои границы, чѣмъ частнымъ лицамъ отбирать владѣнія сосѣдей. Война законна лишь тогда, когда ведется для защиты независимости. Еще рѣзче мысль о связи политической системы съ несовершенствами въ международныхъ отношеніяхъ выражена въ писаніяхъ Кастельно, писателя-дипломата XVI столѣтія. Оттого, что народы сливаютъ свои интересы

*) Bodin. — Op. cit.

**) Laurent. — Études sur l'histoire de l'humanité, t. X.

съ частными интересами своихъ царей, поясняетъ онъ, — „образовалось ложное пониманіе дипломатіи, какъ искусства возвысить свое государство лишь за счетъ униженія и гибели другихъ“ *).

Такимъ образомъ, мы видимъ, теорія суверенитета, принятая въ то время, излишествами еще не страдала. Между тѣмъ, именно въ то время она имѣла серьезную внутреннюю цѣль — утвержденіе государства, — цѣль, которой было еще далеко до осуществленія. Въ политической обстановкѣ тоій эпохи многое противорѣчило принципу единаго суверенитета, такъ какъ сохранились нетронутыми многіе пережитки феодальнаго строя.

Излишества явились позже. Они совпадаютъ съ временемъ, когда право государственнаго верховенства, безграничное и абсолютное, торжествовало побѣду, не подверженное болѣе никакимъ покушеніямъ. По причинамъ чисто мѣстнаго политическаго характера его пѣвцами-апологетами, главнымъ образомъ, явились нѣмцы. Суверенитетъ единой Германской имперіи выросъ надъ союзными государствами, послужившими ея образованію, и отъ этого его ореолу прибывало блеска. Можно, не колеблясь, сказать, что современные германскіе представители ученія о суверенитетѣ несравненно большіе абсолютисты, чѣмъ Бодэнъ и другіе. Это опредѣленіе нужно одинаково отнести какъ къ тоій группѣ носящихъ названіе „легистовъ Гогенцоллерновъ“, каковы Мауренбрехеръ, Зейдлицъ, Захарія, Борнгакъ, такъ и къ идеологамъ современнаго государства, какъ Еллинекъ, Лабандъ.

Мауренбрехеръ въ суверенитетѣ наслѣдственной монархіи видитъ обычное гражданское право монарха, подобіе его личной собственности, части вотчины **). Зейдлицъ не считаетъ монарха связаннымъ законами конституціи и существующими публичными и политическими правами гражданъ ***). Еллинекъ, Мейеръ и другіе этатисты болѣе современнаго типа, не прерывая герман-

*) Castelnau. — Mémoires.

**) Maurenbrecher. — Die regierenden Fürsten und die Souveränität.

***) Принятіе суверенитета, какъ личнаго, наслѣдственнаго достоянія, перешло и въ жизненную практику. Объ этомъ свидѣтельствуетъ показаніе Блюнчли. „Еще въ наше время, въ Германіи, къ удивленію другихъ народовъ, — протестуетъ Блюнчли, — хотѣли разрѣшить вопросъ о наслѣдованіи въ герцогствѣ Шлезвигъ-Гольштейнскомъ, посредствомъ тщательнаго изученія средневѣковыхъ

скаго культа монархическаго принципа, абстрагируютъ, однако, отъ него бытіе государства, и съ нимъ суверенитетъ. Суверенитетъ неразрывенъ съ государствомъ, этимъ „совокупнымъ я". Вырисовывается цѣпкая связь съ метафизической мыслью, насаждавшей въ свое время государственный абсолютизмъ въ философской наукѣ. Для Гегеля государство являлось „абсолютной властью на землѣ", будучи „духомъ въ его субстанціональной разумности и непосредственной дѣятельности" *). Онъ жестоко критикуетъ договорную теорію Руссо: „разсудочные выводы, разрушающіе то, что божественно само по себѣ, и его абсолютный авторитетъ и величіе". Государство, учитъ Гегель, это—откровеніе самосознающаго себя духа, осуществленіе разума, самъ видимый Богъ **). Божественное откровеніе зритъ въ образѣ государства Шеллингъ. Это—„непосредственный и видимый образъ абсолютной жизни" ***), формулируетъ онъ. Пюттеръ находилъ въ немъ заключеннымъ живое воплощеніе нравственной идеи ****). И всѣ вмѣстѣ поучали, что государственный суверенитетъ выше международнаго закона, что „благо государства есть высшій законъ" (Гегель); что государства, какъ „союзы абсолютные, самодовольные, цѣль существованія которыхъ въ нихъ самихъ" (Пюттеръ), не признаютъ надъ собой никакого другого закона, кромѣ того, который основанъ на ихъ собственной волѣ, возникаетъ изъ ихъ разума и права, и направляется къ ихъ индивидуальному благу.

То же, только „немного другими словами" выраженнымъ, находимъ мы въ германской наукѣ болѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ.

княжескихъ наслѣдственныхъ правъ. Между тѣмъ, — указываетъ онъ, — престолонаслѣдіе есть только часть конституціи современнаго государства, и подвергается измѣненіямъ и преобразованіямъ, какъ и она. Такъ какъ въ правильно развитомъ государствѣ частно-правовыхъ притязаній на престолъ быть не можетъ, то современное право признаетъ лишь тѣ претензіи, которыя основаны на конституціи и не противорѣчатъ государственному праву". („Современное международное право")

*) „Grundlinien der Philosophie des Rechts".

**) Блюнчли.—Исторія общаго государственнаго права и политики отъ XVI вѣка по настоящее время.

***) Schelling. — Werke 1, 5.

****) Pütter.—Die Staatslehre oder Souveränität als Princip des praktischen europäischen Völkerrechts.

Для Лабанда государственный суверенитетъ есть „субстанція абсолютнаго характера“, Еллинекъ видитъ въ немъ „логически представленную превосходную степень“, почему оба съ великимъ трудомъ сводятъ его съ заоблачныхъ высотъ на землю, не избѣгая серьезныхъ ошибокъ и внутреннихъ противорѣчій *). Какъ власть, по преимуществу, „не знающая надъ собой никакой высшей власти“, государственный суверенитетъ у этихъ учителей права всего больше боится правовыхъ ограниченій. Мейеръ склоненъ всѣ существующія въ дѣйствительности для государства ограниченія разсматривать, какъ моральныя, фактическія, но только не какъ правовыя. Еллинекъ не рѣшается отрицать за ними правового характера, но связываетъ появленіе послѣдняго со свободнымъ актомъ государства, актомъ его собственнаго „самообязыванья“. Однако, въ виду „несовмѣстимости суверенитета съ абсолютными правовыми ограниченіями“, государство „всегда можетъ освободить себя отъ всякой, поставленной имъ самому себѣ, границы“ **). Еллинекъ требуетъ лишь, чтобы это „самоосвобожденіе происходило въ формахъ права“. Но, по существу, ограниченіе это мало что разъясняетъ. Основнымъ положеніемъ остается вольная воля государства, и это красной нитью проходитъ черезъ все ученіе. Тамъ же „отрицаніе какого бы то ни было подчиненія или ограниченія государства другой властью“ (стр. 347—348); „суверенитетъ есть способность исключительнаго правового самоопредѣленія“ (стр. 363); „суверенитетъ означаетъ невозможность быть юридически ограниченнымъ какой либо другой властью“ (стр. 352).

Естественно, что принципъ этотъ не терпитъ умаленія и въ сферѣ международно-правовой. Мы видѣли его единоборство, по истинѣ, успѣшное съ властью международнаго суда на Гаагскихъ конференціяхъ. Въ теоріи къ его услугамъ была поддержка германскихъ юристовъ ***). „И въ международномъ правѣ,—пи-

*) Ихъ въ совершенствѣ выявилъ Дюги, къ которому и отсылаю интересующихся. — „L'Etat, le droit objectif et la loi positive“. „Théorie générale de l'Etat“, I. I. Traité de dr. constit.

**) Г. Еллинекъ. — Общее ученіе о государствѣ.

***) Вспоминается фраза, которую любилъ говаривать Фридрихъ II-ой: „quoique je fasse, je trouverai bien un pédant pour me justifier“.

шетъ Еллинекъ, — государствс юридически остается подчиненнымъ только своей собственной волѣ“ (стр. 350). Конечно, профессоръ не можетъ игнорировать, что, кромѣ собственной воли каждаго государства, существуютъ требованія, все возрастающія, международнаго оборота, надгосударственныя стремленія народовъ и, наконецъ, потребность нормальной международной безопасности. Онъ признаетъ это съ тѣмъ, чтобы заключить: „если бы воля общенія государствъ творила право, то оно должно было бы быть общеніемъ, которое само обладало бы единой, стоящей надъ государствами, волей; но это значило бы отвергнуть весь историческій процессъ, приведшій къ признанію суверенитета“ *). Съ такой потерей эти ученые примириться не могутъ. Созданъ волшебный кругъ, замкнутый порочностью метафизической мысли. Ибо напрасно Еллинекъ признаетъ, что „исторія убѣждаетъ насъ въ томъ, что суверенитетъ есть не абсолютная, а историческая категорія“ (стр. 347). Это признаніе ни къ чему его не обязало. Исторической категоріи мы не переносимъ въ безвоздушное пространство, не надѣляемъ отвлеченными свойствами. Мы разсматриваемъ ее въ ея жизненной средѣ, ища постигнуть ея внутренній смыслъ, — диктующую ее цѣлесообразность.

Когда Гегель строилъ свою формулу абсолютнаго государства, строго оберегая ее отъ вторженія международныхъ силъ, эти силы представлялись злой реакціей Священнаго Союза. Тогда государства разсматривались, какъ „географическія названія“, а конгрессы представляли „ужасный рынокъ людей, на которомъ съ народами обращались, какъ съ подлыми стадами“ **). Спасался кто могъ: Америка—доктриной Монроэ, другіе—слабыми силами науки. Но въ наше время чему служила излюбленная доктрина суверенитета?—Свободѣ эгоистически замкнуться, силу брать за право, напыщеннымъ чванствомъ отвѣчать на всѣ призывы о мирѣ? Едва ли въ такой цѣли найдутъ оправданіе и сами его современные защитники. Они гордятся передъ своими предшественниками „положительнымъ содержаніемъ“, вложеннымъ въ теорію

*) Г. Еллинекъ.—Op. cit.

**) „Examen rapide“ по Даневскому.

суверенитета *). Но, поистинѣ, будучи отрицательной по формѣ, теорія эта дѣлала болѣе положительное дѣло, нежели теперь, когда ею преградили развитіе свободной правомѣрной жизни. И соотвѣтственно этому, теперь носитъ она и болѣе абсолютный и болѣе отвлеченный характеръ. Когда де-Местръ опредѣлялъ суверенитетъ, какъ „вещь священную, эманацію божественной власти“ **), онъ, несмотря на схоластическое воспріятіе, лучше слышалъ біеніе подлинной жизни, чѣмъ тѣ, кто вырядили его въ словесный нарядъ style moderne.

Современное понятіе суверенитета—апріорное, не живое понятіе, и развиваться оно не можетъ. Точно такъ же не можетъ, какъ, къ примѣру, законъ Ману: „рожденіе брамина есть воплощеніе вѣчной справедливости“, или, того лучше,—составляющее основу китайскаго права (синонимъ правового): „прямое есть заключеніе чистаго разума, находящагося въ состояніи средины“ ***). Какъ это ни парадоксально, но трудно найти различіе въ упорствѣ отстаиванія этихъ правовыхъ понятій и понятія суверенитета. Право не знаетъ, знать не хочетъ неподвижныхъ, неприкосновенныхъ положеній. Казалось, на что священнѣе понятія: право родительской власти, право собственности.— Киты, на которыхъ, какъ будто, держалось все гражданско-правовое устроеніе. Но и они не оказались заложенными разъ навсегда, и они дрогнули. Извѣстно лишеніе правъ родительской власти по современному праву. А священное право собственности, это „естественное право человѣка“,—что сталося съ нимъ? На мѣстѣ древне-римскаго неограниченнаго „utendi et abutendi“—привлеченіе къ отвѣтственности за злоупотребленіе правомъ своей собственности, осуществленіе его, противное добропорядочности (Новое Швейцарское уложеніе) ****).

---

*) Г. Еллинекъ,—тамъ же, стр. 339.

**) de Maistre.—Oeuvres, t. III.

***) Хлѣбниковъ.—Право и государство въ ихъ обоюдныхъ отношеніяхъ.

****) Съ исторіей права собственности исторія суверенитета имѣетъ и прямое сходство. Это о собственности училъ насъ Локкъ, что „она не устанавливается государствомъ, но само государство устанавливается для его охраненія“. И развѣ не таковъ же смыслъ, хотя и обратно выраженнаго, положенія Еллинека: „актъ созданія государства является событіемъ, лежащимъ внѣ области

Право такъ же текуче, какъ отражаемая имъ жизнь. Иначе его забиваютъ въ уголъ, какъ ненужную ветошь. А если оно не желаетъ уступить, его насильно сноситъ первая же достаточно сильная, живая волна. Эта волна благотворящей силы пришла къ намъ изъ Новаго Свѣта.—Суверенитетъ закончилъ свою службу государственному произволу.

права"; „собственная воля государства и есть его правовое основаніе, самый же актъ созданія лежитъ внѣ правовой сферы"; „къ государству право лишь примыкаетъ, но создать его оно не можетъ; государство служитъ, напротивъ, основаніемъ самаго бытія права" (Еллинекъ, ib., стр. 199—201). Какъ до собственности не было государства, точно такъ же до государства не было права. Но совершенно правильно указываетъ Дюги, что, если нѣтъ права, предшествующаго государству, нѣтъ права, возвышающагося надъ государствомъ, нѣтъ права противъ государства, а есть лишь право благодаря государству, то, въ сущности, нѣтъ самого права.

Гдѣ освящается безсиліе установить ограниченіе власти, тамъ власти обезпечивается полная безнаказанность.

VII.

Начало невмѣшательства.

Но вмѣстѣ съ суверенитетомъ неизбѣжно падаетъ и его непремѣнный спутникъ — невмѣшательство. Опредѣляется интересующее насъ невмѣшательство, какъ запрещеніе вторгаться въ дѣла, составляющія внутреннюю сферу государства,—его конституцію, политическій обычай, его внутреннее законодательство.

Получившій признаніе, какъ практическое выраженіе права суверенитета, принципъ невмѣшательства, въ вульгарномъ представленіи, надѣляется и свойственнымъ суверенитету абсолютнымъ характеромъ. Представленіе это прочно держится въ обществѣ и части повременной прессы. Особенно нерѣдко было встрѣтить его за послѣднее время, въ связи съ дѣйствіями президента Вильсона.

Но даже и поверхностное знакомство съ наукой международнаго права обнаруживаетъ всю его несостоятельность. Можетъ быть, логическая связь и требуетъ абсолютнаго признака права невмѣшательства, соотвѣтственно таковому въ правѣ суверенитета. Но постоянно развивающійся международный оборотъ давно уже эту связь нарушилъ. Практика международныхъ отношеній знаетъ не мало случаевъ вполнѣ узаконеннаго вмѣшательства. Логика фактовъ сильнѣе логики словъ. И если о чемъ еще идетъ споръ, то, во всякомъ случаѣ, не о безусловности невмѣшательства, но о томъ, какимъ образомъ нормировать случаи вмѣшательства. Большинство авторовъ, положимъ, характеризуетъ эти случаи, какъ исключенія изъ нормальнаго правового порядка.

Принципъ невмѣшательства опредѣляется ими то какъ великое завоеваніе въ пользу права (Мартенсъ, Ивановъ) *), то какъ непремѣнный принципъ, какъ правило международнаго права (Фіоре, Гефтеръ, Фрикеръ) **), какъ его „естественный принципъ“ (Блюнчли) ***), и даже какъ положеніе, „единственно отвѣчающее смыслу современнаго международнаго права“ (Листъ) ****). А съ этой точки зрѣнія, всѣ исключенія изъ принципа невмѣшательства напередъ признаются ими, какъ „весьма опасныя“ (Мартенсъ).

Но, надо сказать, всѣ эти разсужденія не имѣютъ рѣшительно никакой связи съ дальнѣйшимъ изложеніемъ вопроса тѣми же авторами; являясь данью господствующему заблужденію, цѣликомъ отдаютъ теоріей, и стоятъ одиноко при переходѣ къ практической жизни. Здѣсь, словно забывая о своихъ заглавныхъ положеніяхъ, писатели международнаго права разсматриваютъ принятыя исключенія изъ невмѣшательства, рекомендуютъ возможныя новыя, и полагаютъ въ нихъ уже не „опасные“ прецеденты, но необходимость, вызываемую „интересами международнаго общенія“ (тотъ же Мартенсъ, стр. 309) и „служащую выраженіемъ права“ (тотъ же Фрикеръ).

Квалификація случаевъ вынужденнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла государства различными авторами дается различная. Въ общемъ перечисленіи они таковы: международная защита религіозной свободы противъ угнетенія ея фанатизмомъ государственныхъ религій; виды настоятельной самозащиты; прекращеніе, съ общаго согласія, безцѣльнаго кровопролитія гражданской войны; охрана договоровъ; защита общепринятыхъ нравственныхъ обязательствъ... Но и перечисленные не всѣ. Гефтеръ видитъ поводъ къ вмѣшательству въ стремленіи государства къ міровому

*) Мартенсъ. — Современное международное право. Ивановъ. — Характеристика международныхъ отношеній и международнаго права въ историческомъ развитіи.

**) P. Fiore. — Nouveau droit international public. Гефтеръ. — Европейское международное право. Fricker. — Das Problem des Völkerrechts.

***) Блюнчли. — Современное международное право цивилизованныхъ государствъ.

****) Ф. Листъ. — Международное право.

господству *), Блюнчли въ страданіяхъ населенія, являющихся нестерпимыми и недостойными цивилизаціи Европы **), Филлиморъ въ противорѣчіи внутреннихъ установленій государства миру и и спокойствію другихъ государствъ ***), Ваттель въ открытомъ нарушеніи государствомъ принятаго порядка общенія ****); неисчерпаемость, диктуемая отсутствіемъ руководящаго положенія, при свободѣ личныхъ точекъ зрѣнія. Тѣмъ не менѣе, важнѣйшій вопросъ сдвинутъ съ мертвой точки, и даже, какъ ни разнообразны всѣ эти дѣйствительные и гипотетическіе случаи вмѣшательства, они явно объединены однимъ общимъ смысломъ. Этотъ смыслъ, перефразируя извѣстное изреченіе Лондонской конференціи,—если каждое государство имѣетъ свои права, то и человѣчество также имѣетъ свое право.

Вмѣшательство становится правомѣрнымъ всякій разъ, когда дѣло касается законовъ совмѣстнаго существованія государствъ. Государство перестаетъ быть высшей, окончательной формой общенія. Образовавшееся для лучшаго удовлетворенія развивающихся человѣческихъ потребностей, оно теперь нерѣдко только затрудняетъ выполненіе этой цѣли своими границами. Мало-помалу, постепенной эволюціей жизни, надъ государствомъ воздвигся другой, болѣе развитой видъ человѣческаго совмѣстнаго существованія, въ которомъ государство только членъ общенія, въ такой же мѣрѣ, какъ лицо — членъ государства. И онъ требуетъ своего правового порядка. Право же возникаетъ лишь тамъ, гдѣ обязанности отвѣтствуютъ правамъ, гдѣ каждый приноситъ жертву своей свободой во имя свободы общей, а, въ конечномъ счетѣ, и своей собственной. Международно-правовой союзъ такъ же не мирится съ неограниченнымъ суверенитетомъ государства, какъ государство не мирилось съ неограниченной волей лица. Произволъ частей лишаетъ права цѣлое. Гдѣ осуществленіе общественнаго права останавливается предъ опасеніемъ вторгнуться въ сферу частнаго усмотрѣнія, тамъ, по суще-

*) Гефтеръ. — Европейское международное право.
**) Блюнчли. — Кодексъ, § 107.
***) Phillimore. — Commentaries upon international law.
****) Vattel. — Le droit des gens.

ству, этого общественнаго права вовсе нѣтъ. Еллинекъ понимаетъ это, когда, не въ силахъ разстаться съ суверенитетомъ, опредѣляетъ международное право, какъ „анархическое“ право *). Но, вѣдь, авторы международнаго права говорятъ о подлинномъ правѣ. Между тѣмъ, зафиксированные понятіемъ, которое ихъ ученію сообщило несовершенство государственно-правовой науки, они не перестаютъ вращаться въ противорѣчіяхъ.

„Вмѣшательство всегда незаконно, ибо противорѣчитъ независимости государствъ“, говоритъ Мартенсъ на стр. 309 перваго тома своего сочиненія о международномъ правѣ. И чтобы не было сомнѣнія, самую „задачу современной науки“ въ этомъ вопросѣ указываетъ въ „устраненіи тѣхъ исключеній изъ начала невмѣшательства, которыя допускаются еще авторитетными публицистами, и часто подрываютъ силу самаго принципа“ Но, едва затрагивая сущность предмета, Мартенсъ не можетъ отрицать, что „идея государственнаго суверенитета не даетъ возможности выяснить, въ какихъ отношеніяхъ находятся государства другъ къ другу, какія обязанности и права соединяютъ ихъ между собою“. Напротивъ, на стр. 205 того же тома признаніе его получаетъ то обстоятельство, что „съ точки зрѣнія самодержавія государства“ объяснимы лишь „вражда и непріязнь, раздѣляющія замкнутые въ себѣ народы“. Его заключеніе изъ всего этого тѣмъ болѣе неоспоримо. „Порядокъ и право въ этой области, — пишетъ онъ, — зиждутся на международномъ общеніи, а не на суверенности государствъ“. Но если такъ, — тогда рушится, вѣдь, единственная теоретическая подпорка того принципа, „силу“ котораго Мартенсъ такъ боится „подорвать“,—принципа невмѣшательства.

Такъ въ неизживаемыхъ взаимопротиворѣчіяхъ ведутъ существованіе два положенія международнаго права: суверенитетъ государства и общеніе государствъ, оба „основныхъ“, оба „самыхъ главныхъ“ въ дисциплинѣ международнаго права **), но одно въ корнѣ подрывающее другое.

---

*) Г. Еллинекъ.—Общее ученіе о государствѣ, стр. 276.

**) Ивановъ, Мартенсъ, Камаровскій, Листъ, Фіоре, Прадье-Фодере, Даневскій и др.

Надо понять, что въ международномъ правѣ суверенитетъ государствъ имѣетъ лишь то мѣсто, которое отводитъ ему общеніе государствъ, что та роль, которую ему пришлось выполнить въ созданіи государственно-правового порядка, въ международномъ правопорядкѣ, вся перешла къ стоящему надъ нимъ и его себѣ подчиняющему принципу, и что поэтому вопросы вмѣшательства должны находить свое рѣшеніе въ зависимости не отъ права государственнаго суверенитета, но отъ права междугосударственнаго сожительства. Отецъ международнаго права, Гуго Гроцій ясно видѣлъ эту взаимозависимость въ рѣшеніи вопросовъ суверенитета и вмѣшательства. Принимая положеніе, что независимость государствъ не должна уничтожить права человѣческаго общежитія (jus humanae societatis), онъ принималъ и вмѣшательство, какъ способъ осуществленія этого права. То же находимъ у Ваттеля *).

У своихъ истоковъ наука международнаго права была чище. Послѣдующему ея засоренію содѣйствовали событія, сопровождавшія возникновеніе пентархіи, — знаменитаго Священнаго Союза. Трудно возразить по существу противъ аргументовъ даже того времени въ пользу вмѣшательства. Каждое государство вольно опредѣлять и измѣнять свою конституцію, но это право не безграничное, писали его тогдашніе защитники. Европейскія государства уже давно вышли изъ такъ называемаго естественнаго состоянія и образовали между собою большое международное общество (Nationen - Verein). Права и интересы каждаго члена этого союза ограничиваются правами и интересами всѣхъ остальныхъ. Конституція государства не есть исключительно его внутреннее дѣло. Она можетъ, по своимъ идеямъ, стать въ разрѣзъ съ общепринятыми началами въ этомъ международномъ союзѣ. Тогда возможно воздѣйствіе на нее **).

Къ сожалѣнію, однако, правильная форма включала фальшивое содержаніе, и „общепринятыя начала“ были не благо новаго общественнаго образованія, но узкій интересъ царствую-

*) Оба видятъ достаточный поводъ къ вмѣшательству даже въ свирѣпости монарха противъ своихъ подданныхъ. Ваттель пишетъ: „ce sont des bêtes féroces, dont on peut avec justice purger la terre“. (Livre II, § 56).

**) Л. Камаровскій.—Начало невмѣшательства.

щихъ династій. Своимъ существованіемъ международный союзъ долженъ былъ служить только сохранности „легитимныхъ правъ“ монарховъ всѣхъ странъ, а народы, пользуясь выраженіемъ Роттека, были не болѣе, „als das blosse Pertinenzstück des regierenden Hauses“. Особая статистическая комиссія занималась въ то время сопоставленіемъ цифръ населенія и размѣровъ территоріальныхъ площадей, имѣя въ виду лишь одно: чтобы перераспредѣленіе границъ не нарушило равновѣсія монархическихъ владѣній. Говорившіе о правѣ всего меньше имѣли его въ виду; пользуясь словами, отталкивали ихъ прямой смыслъ.

Характерна циркулярная нота Меттерниха изъ Лайбаха отъ 12 мая 1821 года. „Полезныя или необходимыя измѣненія въ законодательствѣ и въ управленіи государствъ, — указываетъ нота, — могутъ исходить лишь по обдуманной и просвѣщенной иниціативѣ тѣхъ, на которыхъ Богъ возложилъ отвѣтственность за ихъ власть. Все, выходящее за эти предѣлы, необходимо ведетъ къ безпорядкамъ, переворотамъ и злу. Проникнутые сознаніемъ этой вѣчной истины, государи, не колеблясь, откровенно и твердо провозгласили ее. Они объявили, что считаютъ юридически ничтожной и противной принципамъ, лежащимъ въ основѣ европейскаго публичнаго права, всякую такъ называемую реформу, совершенную путемъ революціи“ *).

Здѣсь право забивалось политикой; вмѣсто отвѣта новымъ потребностямъ, ищущимъ удовлетворенія въ болѣе сложной, международной организаціи, вынуждалось къ охранѣ принципа, отъ службы которому эмансипировалось болѣе узкое государственное право.

Между тѣмъ, какъ реакція этому теченію, выросъ строжайшій принципъ невмѣшательства.

Но если въ государственномъ правѣ суверенитету и пришлось выполнить работу также положительную, то въ международномъ правѣ принципъ абсолютнаго невмѣшательства лишь тормозилъ всякое развитіе. Не его ли неумѣренному господству обязаны мы тѣмъ обстоятельствомъ, что европейское международное право такъ безпомощно топталось на мѣстѣ, ограничивая

*) Блюнчли. — Современное международное право.

свою эволюцію одной областью теоріи, въ то время, какъ Америка, не пустившая его на свой континентъ *), познала пышный расцвѣтъ этого права. Въ этомъ не случайное совпаденіе. Здѣсь дѣйствіе непремѣннаго закона развитія международнаго права. Пусть вмѣшательство не называется своимъ именемъ, но развѣ не его характерныя черты находимъ мы въ признаніи новаго государства или правительства, въ исполненіи рѣшеній иностранныхъ судовъ, въ правахъ иностранцевъ, по которымъ личное состояніе человѣка повсемѣстно опредѣляется его отечественнымъ закономъ, въ международныхъ санитарныхъ регламентахъ, въ учрежденіи морской полиціи, въ международной власти рѣчныхъ комиссій?

Уже этого случайнаго и безпорядочнаго перечисленія было бы достаточно, но незатронутымъ остается величайшее изъ явленій до-военной международно-правовой жизни, — всеобщіе административные союзы государствъ. Всемірный почтовый союзъ, всемірный телеграфный союзъ, международный союзъ для охраны промышленной собственности, союзъ для охраны произведеній литературныхъ и артистическихъ, международный союзъ желѣзнодорожныхъ товарныхъ сношеній, международный союзъ для печатанія таможенныхъ тарифовъ, противоневольничій союзъ, геодезическій союзъ, — все учрежденія, подтверждающія безсиліе отдѣльнаго государства справиться съ необходимыми задачами самостоятельно. Важнѣйшая отрасль публичнаго права государства, административное управленіе, уходила изъ его единоличнаго распоряженія. Объекты управленія, перешагнувъ черезъ границы каждаго государства, понуждали его къ раздѣленію своихъ державныхъ правъ съ другими государствами. Это происходило въ дѣятельности административныхъ ассоціацій, число которыхъ непрерывно возростало. Вмѣстѣ съ ихъ ростомъ и развитіемъ возростала и развивалась міръ объемлющая организація. Мечта объ единомъ, согласномъ управленіи и законодательствѣ всего человѣчества какъ будто начинала находить осуществленіе.

*) Нерѣдко слышать за это обвиненія противъ Америки. Говорятъ, что, выдумавъ невмѣшательство для Европы, она отвергла его для себя.

Международные административные союзы, закладывая первые элементы желаннаго мірового правопорядка, не ограничивались функціями исполнительнаго значенія. Каждый союзный актъ, дававшій рожденіе уніи, представлялъ также образцово разработанный кодексъ матеріальнаго права. Блестящую систему международнаго гражданскаго права дали союзы промышленной, литературно-артистической собственности и желѣзнодорожный по перевозкамъ. Почтовый, телеграфный, противоневольничій включили развитое административное право. Частями, но съ неуклонной вѣрностью, совершалась кодификація международно-правовыхъ положеній, шедшая рядомъ съ образованіемъ международно-правовыхъ органовъ. И то и другое открывало ясныя перспективы новой побѣдоносной организаціи, въ которой уже, очевидно, не оставалось мѣста для царенія нестѣсненной воли отдѣльнаго государства. Роленъ-Жакмэнъ писалъ: „громадное преимущество этихъ уній, что онѣ пріучаютъ общественное мнѣніе къ представленію объ организмѣ высшемъ, по сравненію съ государствомъ, взятымъ отдѣльно (un organisme supérieur à celui de l'Etat isolement considéré)“ *). Розенталь въ ихъ образованіи заключалъ „самую блестящую побѣду идеи солидарности народовъ“ **). Майли чуялъ „вѣяніе мірового духа, воплощеніемъ котораго являлись всеобщія административныя уніи“ ***).

Но и въ виду примѣровъ всеобщихъ международныхъ учрежденій, надѣленныхъ с в о е ю властью, продолжалось скучнѣйшее пережевываніе пустой и безплодной формулы невмѣшательства. Чтобы защитить ее отъ вторженія реальныхъ фактовъ, приходилось изощряться въ искусственныхъ доказательствахъ. Профессоръ Казанскій въ своемъ основательномъ трудѣ объ административныхъ союзахъ ****), послѣ выраженія изумленія предъ величайшимъ „проявленіемъ объединительной и устроительной тенденціи нашего времени“, озабоченъ слѣдующимъ. „Государства суть с а м о о п р е д ѣ л я ю щ і е с я дѣятели международной жизни.

---

*) „Revue de droit international“, 1886.

**) E. R o s e n t h a l. — Internationales Frachtrecht.

***) M e i h l i. — Internationale Unionen.

****) П. К а з а н с к і й. — Всеобщіе административные союзы государствъ.

Разъ мы отнимемъ у государства свободу самоопредѣленія, мы уничтожимъ государство, какъ таковое". Посему дѣло науки „не въ принципіальномъ ограниченіи этой самостоятельности", но въ такой организаціи международнаго общенія, которая ни въ малой степени не явилась бы вмѣшательствомъ „въ свободную сферу государства". Для этого проф. Казанскій останавливается на положеніи, по которому „международные органы не могутъ связывать государства своими рѣшеніями, установленными внѣ его участія" *).

Извѣстно, однако, что въ дѣйствительности согласіе каждаго участника вовсе не составляетъ необходимаго условія для законности рѣшеній административныхъ союзовъ. Члены почтоваго союза нерѣдко принимали заключенія, руководствуясь простымъ большинствомъ голосовъ, отчего не оспаривалась обязательность ихъ для всѣхъ. Но, легко минуя этотъ фактъ, проф. Казанскій изъ невѣрной предпосылки дѣлаетъ невѣрный выводъ, въ которомъ его поддерживаетъ проф. Рено. Послѣдній говоритъ: „государства, входящія въ унію, должны сохранять за собой право самимъ слѣдить за соблюденіемъ конвенціи. Они не должны перекладывать эту обязанность на власть, которая стала бы въ нѣкоторомъ смыслѣ выше государствъ. Это было бы отреченіемъ отъ суверенитета" **).

Но мы знаемъ, что метрическій союзъ не посчитался съ этимъ, когда пришлось наказать Турцію за плохое выполненіе взятыхъ ею на себя обязательствъ.

Оба ученыхъ единогласно отрицаютъ также существованіе самостоятельной принудительной власти за международными органами. Но, не говоря уже о морской полиціи, въ полной мѣрѣ надѣлены этимъ правомъ въ отношеніи отдѣльныхъ государствъ международныя рѣчныя и санитарныя комиссіи. Независимость правомочій этихъ международныхъ органовъ едва ли можетъ подлежать какому-либо спору. Они весьма существенно урѣзываютъ суверенитетъ отдѣльныхъ государствъ, такъ какъ располагаютъ правомъ судить и наказывать нарушенія ими же изданныхъ обязательныхъ постановленій.

*) П. Казанскій. — Op. cit., стр. 273.

**) Renault. — Unions.

Такъ со всѣхъ сторонъ практика международныхъ отношеній подтверждала мѣткое опредѣленіе Талейрана, что „невмѣшательство это только дипломатическая фраза, которая означаетъ то же самое, что и вмѣшательство“ *).

Одинаковая путаница проникала теорію. Стоитъ послушать такого защитника начала невмѣшательства, какъ Листъ. Выдающійся юристъ-ученый, съ неодобреніемъ трактующій вмѣшательство „въ цѣляхъ охраны общихъ интересовъ человѣчества и культуры“, онъ безъ колебаній допускаетъ вмѣшательство изъ полицейскихъ интересовъ отдѣльнаго государства. Ибо что иное, какъ не вмѣшательство самаго грубаго свойства, представляетъ его пониманіе международно-правовыхъ обязанностей Англіи. „Поведеніе Англіи,—пишетъ онъ,—которая не только даетъ убѣжище заговорщикамъ всѣхъ странъ, но обыкновенно даже спокойно наблюдаетъ за ихъ дѣятельностью, не находится въ соотвѣтствіи съ требованіями международнаго права“ **). Онъ требуетъ далѣе, чтобы Италія противодѣйствовала стремленіямъ такъ называемой „Italia irredenta“, направленнымъ къ отторженію части австрійской территоріи. Такъ же понимаетъ онъ международно-правовыя обязанности Румыніи въ отношеніи къ ея „неискупленнымъ“ сородичамъ. И совершенное его одобреніе встрѣчаетъ поведеніе германскаго правительства, понудившаго Бельгію измѣнить свое законодательство, въ виду предполагавшагося покушенія какого-то бельгійца на князя Бисмарка. Интереснѣе всего, что вышеуказанныя обязанности государствъ Листъ выводитъ изъ „обязанности каждаго государства воздержаться отъ всякаго вмѣшательства въ сферу господства“ ***) другого государства. Стремленіе

*) М. Н. Капустинъ. — Международное вмѣшательство. (Сборникъ государственныхъ знаній, т. II).

**) У. Нольде („Постоянно нейтральное государство“) подробное изложеніе дѣла Вольгемута, полицейскаго агента Германіи, слѣдящаго за нѣмецкими соціалистами въ Швейцаріи. Германское правительство уже въ позднѣйшіе годы пыталось къ обязанностямъ нейтралитета Швейцаріи отнести обязанность бороться съ революціонной агитаціей на ея территоріи противъ государственной власти сосѣднихъ державъ. Отвѣтъ Швейцаріи: „Мы не можемъ раздѣлить съ кѣмъ бы то ни было осуществленія полицейскихъ функцій на нашей территоріи, такъ какъ это необходимый „аттрибутъ нашего суверенитета“.

***) Листъ.—Международное право.

Германіи навязать, къ примѣру, Англіи свое пониманіе полицейскихъ функцій подъ видомъ вящаго обезпеченія принципа невмѣшательства. По истинѣ, „la non-intervention est une phrase diplomatique qui signifie précisement la même chose qu'intervention".

Не многимъ болѣе послѣдовательны сторонники абсолютнаго невмѣшательства. (Есть и такіе, и даже цѣлая школа ихъ *), правда, мало вліятельная). Начинающіе съ разсмотрѣнія обязанности невмѣшательства, какъ нѣкоего символа международной вѣры (un article de foi internationale), они всѣ кончаютъ освященіемъ вмѣшательства въ случаѣ помощи преслѣдуемоїй національности, лишь, по большей части, избѣгаютъ непріятнаго термина.

Основное же положеніе ихъ въ этомъ вопросѣ сводится къ слѣдующему, выпукло выраженному Тиссо: „Если даже законы человѣческіе, нравственные и законы религіи совершенно презрѣны", и тогда для правъ народовъ предпочтительнѣе абсолютное невмѣшательство, чѣмъ допущеніе исключеній изъ него, легко ведущее къ злоупотребленію **).

Теорія права вторично продѣлываетъ грубѣйшую изъ ошибокъ. Въ своихъ построеніяхъ международнаго права она исходитъ изъ понятія о безусловной независимости государства, какъ нѣкогда въ государственно-правовой области все выводила изъ понятія о безусловно свободномъ гражданинѣ. „Никто не можетъ быть обязанъ иначе, какъ только черезъ самого себя; ни одному человѣку не можетъ быть предписанъ законъ, какъ только имъ самимъ", — отстаивалъ Фихте невмѣшательство въ личную сферу. „Если человѣкъ подчиняется закону чужой воли,—былъ увѣренъ онъ,—онъ отрекается отъ своего человѣчества и становится животнымъ. Наша воля, наше рѣшеніе — вотъ законодатель и никто другой" ***). Тягостнымъ вопросомъ много позже задавался Германъ Шульце. „Какою общею разумною идеею можетъ быть

*) Amari. — Nouvel exposé du principe de non-intervention. Mamiani. — Di un nuovo diritto publico. Tissot. — Introduction philosophique à l'étude du droit international. Tanoviceano. — De l'intervention au point de vue du droit international. Casteglmola. — Principio del non-intervento. Pierantoni. — Storia degli studii del diritto internazionale in Italia.

**) Tissot.—Principes du droit public.

***) Блюнчли. — Исторія общаго государственнаго права и политики.

оправдано существованіе государства и его господство надъ недѣлимымъ?“ *). „Дозволительно ли съ юридической точки зрѣнія существованіе государства?“—недоумѣвалъ Р. фонъ-Моль въ своей „Энциклопедіи государственныхъ наукъ“. Тѣ же сомнѣнія у Аренса **).

Какъ въ настоящее время теоретики международнаго права не могутъ развязаться съ представленіемъ о вѣчномъ и безусловномъ противорѣчіи между идеей государства и идеей международнаго союза (общенія), такъ точно въ плѣну была мысль, метавшаяся между абсолютной идеей личности и абсолютной идеей государства. „Такъ какъ государство,—писалъ Цёпфль,—въ качествѣ верховной формы общежитія, ставитъ себя въ господственное положеніе къ недѣлимому, то въ силу этого возникаетъ противорѣчіе между государствомъ и личною свободою“ ***). Это „противорѣчіе“ вызвало безчисленныя сочиненія, изощрявшіяся въ юридическихъ оправданіяхъ бытія государства и чертившія границы его господству надъ личностью—право невмѣшательства. Этой темѣ обязано спеціальное политико-научное сочиненіе В. Гумбольдта: „Опытъ опредѣленія границъ дѣятельности государства“. Гумбольдтъ смотритъ на государство только какъ на необходимое зло, которое, въ видахъ высшаго интереса — личной свободы, должно быть ограничено узкими, непроходимыми границами. Превыше всего для него — индивидуумъ.

Очень близко къ первоначальному оправданію международнаго союза (идея человѣчества, законы разума) объясненіе того времени цѣлей государства. Въ немъ тѣлесное воплощеніе „міровой души“, училъ Шеллингъ. „Государство оправдывается его разумною идеею“, отвѣчаетъ Шульце. Нѣсколько позже внѣшнія раціональныя цѣли уступаютъ мѣсто болѣе связаннымъ съ внутренними условіями существованія государствъ. Таковы—невозможность иначе, какъ въ государствѣ, обезпечить различныя сферы человѣческой жизни и удовлетворить развивающіяся по-

*) Г. Шульце.—Введеніе въ общегерманское государственное право.
**) Ahrens.—Cours de droit naturel ou de philosophie du droit.
***) Zöpfl.—Grundsätze des Gemeinen Deutschen Staatsrechts, B. I.

требности. Но и съ ними продолжало держаться убѣжденіе, перенесенное теперь въ международныя отношенія, что задача государства ограничена защитою права. Дѣятельность государства встрѣчала суровые предѣлы. За нею признавались лишь моменты охраненія и содѣйствія, но ни починъ, ни положительное осуществленіе. Соображеніе практическихъ затрудненій отъ подобныхъ рамокъ не останавливало теоретиковъ государственнаго права. Такъ же, какъ не останавливаетъ это нынѣ теоретиковъ международнаго права. Вспомнить профессора Казанскаго, который, воздвигая границы власти международныхъ органовъ, дѣлаетъ выводъ: „условія эти ограничиваютъ очень функціи международныхъ учрежденій, но не дѣлаютъ ихъ дѣятельности невозможной“ *).

Абстрактное воспріятіе явленія руководящей нитью имѣетъ не насущныя условія развитія явленія, но в н ѣ его лежащую идею, къ охраненію которой оно готово прикомандировать самое жизнь.

Но послѣдняя плохо укладывается въ отведенныя ей рамки, и ея побѣднымъ усиліямъ обязаны мы дальнѣйшей эволюціей теоріи государственнаго права. У Милля мы не находимъ болѣе безусловныхъ границъ вмѣшательства государства. Продолжая считать этотъ вопросъ „самымъ спорнымъ вопросомъ“ политической науки и государственной практики **), какъ самымъ спорнымъ остается онъ теперь въ международномъ правѣ ***), онъ послѣ долгаго перечисленія фактическихъ случаевъ государственнаго вмѣшательства приходитъ къ слѣдующему заключенію. — Обязанности государства „обнимаютъ такую обширную область, которой не отграничить никакимъ стѣсняющимъ опредѣленіемъ, кромѣ объясненія общей пользой. Вмѣшательство должно допускаться всегда, когда польза отъ него очевидна“.

---

*) П. Казанскій. Op. cit., стр. 205.

**) Дж. Ст. Милль. — Начала политической экономіи, кн. 5-ая.

***) Rolin-Jacquemyns. — La matière du droit d'intervention est une des plus graves, sinon la plus grave de tout le droit international, parce qu'elle touche à la fois à ce que l'on pourrait appeler les deux pôles de la société des nations: d'un côté l'indépendance essentielle des États, de l'autre leur solidarité („Revue du droit international“, 1876).

Послѣ того, мы узнали дальнѣйшее раздвиженіе границъ государственнаго вмѣшательства: обязательное обученіе, принудительное воспитаніе, организацію государственной защиты болѣе слабыхъ въ соціальномъ отношеніи элементовъ, страхованіе рабочихъ, широкое монопольное право различныхъ предпріятій. И теорію увѣнчало ученіе завзятаго государственника—Штейна.

Но ни въ чьемъ ученіи защита государственнаго вмѣшательства не нашла такой горячей опоры, какъ въ ученіи соціалистовъ; а среди нихъ никто не былъ въ ней такъ блестящъ и убѣдителенъ, какъ Фердинандъ Лассаль. Съ негодованіемъ отвергаетъ Лассаль мнѣніе, что государство имѣетъ цѣлью исключительно лишь обезпеченіе каждому безпрепятственнаго пользованія своими силами. Эта идея была бы удовлетворительна и нравственна, если бы всѣ мы были равно сильны, равно ловки, равно образованы, равно богаты, говоритъ онъ. „Но такого равенства нѣтъ и быть не можетъ: поэтому такая мысль недостаточна, и по своей недостаточности приводитъ къ глубоко безнравственнымъ выводамъ“. — „Безпрепятственное и свободное пользованіе личными силами само для себя недостаточно, и для нравственной соціальной жизни необходимы сверхъ того: солидарность интересовъ, общность и взаимность въ развитіи“. Государство, опредѣляетъ Лассаль, есть единство личностей въ одномъ нравственномъ цѣломъ, — единство, умножающее въ милліоны кратъ силы всѣхъ личностей, вступившихъ въ это единство, въ милліоны кратъ увеличивающее индивидуальныя силы каждой изъ нихъ *).

...Но поверженное однажды мнимое затрудненіе снова выросло по пути развитія права, лишь, удаленное изъ государственной науки, пристроилось въ мало развитой области международнаго права. И снова мы присутствуемъ при мучительныхъ рѣшеніяхъ своего рода квадратуры круга: какъ, „ни мало не нарушая суверенитета каждаго государства“, наладить такой международно-правовой порядокъ, „будто на землѣ существуетъ одно государство“? Въ такой формѣ серьезно ставитъ вопросъ изслѣдователь Луи Рено. Въ такомъ же видѣ онъ предстаетъ

*) Ф. Лассаль. — Сочиненія, т. 1-й.

предъ начинающими учениками въ послѣднихъ университетскихъ курсахъ *). Но только правильнымъ выводомъ изъ „суверенитета, какъ основного свойства государства въ международной сферѣ“ (Курсъ проф. Уляницкаго), стоитъ заключеніе, что „законченнаго международнаго управленія нѣтъ и быть не можетъ“ (Курсъ проф. Эйхельмана).

Напраснымъ самоопьяненіемъ было бы, однако, думать, что, „при неотложности суверенитета государствъ“ **), есть или можетъ быть законченное международное право. Покуда человѣкъ былъ единственнымъ судьею себя самого и всего, что его окружало, покуда онъ, предоставленный собственнымъ силамъ, хранилъ преувеличенное чувство своихъ правъ, неохотно усваивая обязанности,—мѣсто права занимаетъ произволъ. Произволъ, но не право, имѣемъ мы тамъ, гдѣ въ новомъ, высшемъ порядкѣ общенія—сосуществованія государствъ, каждый членъ его, отдѣльное государство, занимаетъ аналогичное положеніе. Отдѣльныя государства, какъ субъекты международнаго права, должны признать надъ собою высшій порядокъ, подчиниться ему, и тогда международное право, не только въ теоріи, подымется надъ произволомъ отдѣльныхъ державъ. Само же высшее общеніе можетъ признать свободную волю государства только въ такой мѣрѣ, въ какой государство допускаетъ внутри себя своеобразное значеніе частныхъ правовыхъ институтовъ.

Нужно ли говорить, что право общенія не можетъ терпѣть, если частные институты станутъ нарушать его собственный смыслъ. Если конституція прусской монархіи подрывала всю силу международной организаціи, преграждала ея насущное развитіе, всегда готовая взорвать въ воздухъ и ея порядокъ, и ея миръ,—могла ли она оставаться „частнымъ дѣломъ“ Германской имперіи“?

Такъ полагалъ германскій соціалъ-демократъ Шейдеманъ, когда, негодуя противъ Вильсона, объявившаго войну кайзеризму, писалъ: „Что сказалъ бы господинъ президентъ, если бы германское правительство вздумало вмѣшаться въ американскую поли-

*) Chretien, Weiss, Листъ, Уляницкій и Камаровскій.
**) Эйхельманъ.— Введеніе въ систему.

тику по случаю скандала въ Тамани" *). Такъ полагало все, согласно съ нимъ мыслящее, большинство германской соціалъ-демократіи, когда на первое воззваніе россійской революціи, отвѣчало справкой о соотвѣтствіи режима волѣ германскаго народа. И, къ сожалѣнію, не многимъ иначе полагали вожди россійской революціи. Первое воззваніе къ народамъ включило приглашеніе къ германскому народу „сбросить съ себя иго полусамодержавнаго порядка". Но его скорѣе случайный характеръ подтверждается не только невинной формой и оторваннымъ мѣстомъ, которое оно получило въ воззваніи, но и послѣдующимъ отношеніемъ къ нему вдохновителей воззванія.

Въ отвѣтъ германской соціалъ-демократіи, укрывшейся за принципомъ невмѣшательства во внутреннія дѣла государства **), услышали ли мы разоблаченіе глубоко реакціонной сущности обветшавшаго принципа? Раздалось ли на весь міръ авторитетное разъясненіе, что, кто хочетъ мира прочнаго, истинно демократическаго, долженъ начать съ пересмотра этого, до глубины порочнаго основанія международно-правового порядка. Или мы присутствовали при молчаливой предъ нимъ капитуляціи?

Не соціалистическіе вожди безнадежно отсталой Россіи, но буржуазный вождь развитой демократіи Америки оказался въ уровень съ величайшей задачей, ставшей на разрѣшеніе народовъ. Лишь его программа мира вѣско и недвусмысленно включила то основное требованіе, безъ котораго словами, лишенными реальнаго смысла, оставались и обязательный третейскій судъ, и условіе разоруженія, и равныя права народовъ.

Вудро Вильсонъ, эпиграфомъ къ своей прекрасной книгѣ „Congressional government" привелъ изъ Морлея слова осужденія

---

*) Edgard Milhaud. — L'organisation de la paix et la démocratie. La société des nations.

**) „Мы рѣшительно отвергаемъ... увѣреніе, что продолженіе войны необходимо для того, чтобы принудить Германію къ введенію свободныхъ учрежденій",— отвѣчалъ „Манифестъ германской соціалъ-демократіи", принятый на совмѣстномъ засѣданіи партійнаго комитета, президіума партіи и фракціонныхъ комитетовъ рейхстага и прусскаго ландтага 19-го апрѣля 1917 года. „Развивать свои внутреннія учрежденія сообразно своимъ убѣжденіямъ является дѣломъ исключительно самого германскаго народа", безапелляціонно отрѣзывалъ манифестъ.

юристовъ, которые останавливаются на анатоміи учрежденій, но не проникаютъ въ тайны ихъ дѣйствія. Далекіе отъ „тайны дѣйствія“ учрежденій, которыя ими же рекомендовались, творцы россійской формулы демократическаго мира не слишкомъ остановились даже на ихъ анатоміи. Иначе имъ стало бы ясно, что не только сущность третейскаго суда и продѣланный опытъ въ борьбѣ за его достиженіе, но и самая его организація въ корнѣ непримиримы съ существованіемъ такого строя, какимъ былъ прусско-германскій *). Право представлялось имъ, какъ нѣкогда говорилъ Блюнчли, въ видѣ шпалеръ, къ которымъ садовникъ привязываетъ вьющіяся растенія. Поэтому такъ безпомощно, на подобіе шаткихъ шпалеръ, выглядѣла ихъ программа демократическаго мира. Не потому, что не хватило силъ для ея осуществленія. Осуществленіе ея въ такомъ начертаніи было бы невозможно ни при какихъ условіяхъ. Причина безсилія была въ н е й с а м о й и томъ ложномъ представленіи, какое она съ собой несла.

Преобразованіе міра на новыхъ замиренныхъ началахъ было не такимъ легкимъ дѣломъ, которое разрѣшалось декларативными средствами. Одного механическаго подхода къ жизни было также недостаточно. Требовалось глубокое сліяніе съ нею, а этому, даже въ теоріи, не удовлетворяли правовыя построенія русско-циммервальдской программы демократическаго мира. Между ними и жизнью, въ противорѣчіи съ величіемъ затѣянной реформы, непревзойденнымъ препятствіемъ оставался простой предразсудокъ. Такимъ было сознаніе б е з у с л о в н о й неприкосновенности чужой конституціи.

Долгое время сознаніе это сходило за одно изъ либеральнѣйшихъ. Свобода каждаго государства опредѣлять самостоятельно свое устройство казалась высшимъ воплощеніемъ свободы.

---

*) Характерна Кобленцкая рѣчь Вильгельма II-го о власти монарха Божіей милостью, власти съ грозной о т в ѣ т с т в е н н о с т ь ю п е р е д ъ е д и н ы м ъ Т в о р ц о м ъ, отвѣтственностью, которой не могутъ снять съ монарха ни одинъ министръ, ни одинъ парламентъ, ни одинъ народъ. Не воскрешала ли она цѣликомъ сомнѣнія Руссо: „можно ли подчинять какому-либо суду людей, превозносящихся тѣмъ, что власть ихъ основывается только на мечѣ и упоминающихъ о Богѣ развѣ лишь потому, что онъ на небѣ“. (Jugement sur le projet de l'abbé de St. Pierre).

И это было понятно, покуда государство оставалось высшей формой общественнаго сосуществованія. Но оно удержалось и позже. Рабскимъ отраженіемъ его мы встрѣчаемъ въ изслѣдованіяхъ международнаго права утвержденіе, что форма государственнаго управленія — вещь вполнѣ безразличная для международнаго права (The forme of a State's government is, in the eye of International Law, absolutely immaterial)*). Съ неоставляющей сомнѣнія ясностью формулируетъ это положеніе новѣйшая итальянская школа. Обладаетъ ли страна, вступающая въ международное общеніе, „либеральнымъ правительствомъ или абсолютистскимъ и деспотическимъ — мало важно (peu importe)", говоритъ Фіоре **).

Наука международнаго права принуждается служить абсолютизму государственнаго права. Но эта цѣль ей глубоко чужда. Вольное развитіе ея установленій требуетъ не службы государству, но, напротивъ того, подчиненія послѣдняго ихъ верховной волѣ. Такъ, вопреки всѣмъ теоріямъ, и происходитъ въ дѣйствительности. Тщательно отведенныя границы сферой внутри-государственной компетенціи давно перейдены международными органами.

Когда Вѣнскій конгрессъ формальной декларацією отъ 8 февраля 1815 года осудилъ торговлю неграми, такъ какъ она „позоритъ Европу и оскорбляетъ человѣчество", и когда вслѣдъ за этимъ былъ предпринятъ рядъ практическихъ мѣръ, чтобы принудить отдѣльныя государства подчинить свой частный обычай новому принципу,—была ли на лицо неприкосновенность чужой конституціи?

Думали ли о томъ на Берлинскомъ конгрессѣ 1878 г., когда въ отношеніи Черногоріи, Сербіи, Болгаріи, Румыніи и Турціи принимали постановленіе, гласившее: „различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо, или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должно-

*) Greasy. — First Platform of international Law.

**) Fiore. — Nouveau droit international public.

стямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеселъ въ какой бы то мѣстности ни было" *).

Точно тѣмъ же порядкомъ многимъ мѣстнымъ законамъ и конституціямъ пришлось уступить „отнынѣ признанному принадлежащимъ къ общему народному европейскому праву" **) положенію объ охранѣ личности иностранца, его семейныхъ и имущественныхъ правъ. Сюда относятся отказъ отъ права „выморочнаго имущества"—наслѣдства послѣ иностранцевъ, право свободнаго выѣзда, вывоза личнаго имущества, признаніе отечественныхъ законовъ иностранца опредѣляющими его семейное состояніе.

Принципъ нарушенъ, и, казалось бы, дальнѣйшее сопротивленіе безцѣльно. Но законы логики неотразимы лишь для процесса мышленія. Мы знаемъ, какъ свободно совершается вторженіе международнаго союза въ законодательства отдѣльныхъ государствъ для мѣръ санитарнаго благополучія, охраны гражданскихъ правъ, для удобства почтовыхъ и желѣзнодорожныхъ сообщеній. Мы видимъ его несвободнымъ вмѣшаться, когда внутреннія учрежденія государства грозятъ каждоминутно произвольнымъ нарушеніемъ международнаго мира. Компетентное въ вопросахъ, лежащихъ на крайней периферіи общественныхъ интересовъ, международное право обрекается на безсиліе, когда дѣло идетъ о жизни и смерти народовъ, ихъ культурѣ, накопленныхъ богатствахъ и самомъ бытіи международно-правовыхъ устоевъ. И пусть не говорятъ, что этимъ искусственнымъ безсиліемъ имѣется въ виду охрана высшаго блага народа — его свободы. Свобода не есть нѣчто, стоящее надъ правомъ, оторванное отъ элементовъ примитивнаго житейскаго благополучія. Она—не въ выкрашенномъ въ извѣстную краску флагѣ, или отсутствіи предѣла въ произвольныхъ, даже разрушительныхъ, дѣйствіяхъ, какъ это порою понимаютъ наивные, знакомые съ нею лишь по одному ея термину. Безъ полнотежльнаго содержанія, неразрывнаго съ самымъ бытіемъ свободы и наполняющаго живымъ смысломъ ея опредѣленіе, остается одно отвлеченное понятіе.

*) Берлинскій трактатъ. Статьи: 5, 27, 35, 44 и 62.

**) Блюнчли.—Современное международное право.

Но его отвлеченныя свойства не достаточно ли стерты, не поглощены ли вполнѣ неслыханнымъ бѣдствіемъ, разразившимся надъ человѣчествомъ съ нынѣшней войною?

Весь ужасъ мірового столкновенія, вмѣстѣ съ мудрымъ объясненіемъ прямой причины такой угрозы, понималъ покойный Жоресъ еще задолго до грозы. 19-го августа 1904 года на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ, въ Амстердамѣ, ему пришлось занять скамью подсудимаго по поводу поведенія его партіи при заключеніи англо-французскаго соглашенія. Но могучимъ жестомъ обвиняемый выросъ въ обвинителя, всею тяжестью своего справедливаго гнѣва обрушившись на германскихъ представителей. Въ настоящее время надъ Европой и всѣмъ міромъ, надъ обезпеченіемъ мира, политическихъ свободъ, прогрессомъ соціализма и рабочаго движенія, надъ политическимъ и соціальнымъ прогрессомъ Европы и всего человѣчества тяготѣютъ не мнимые компромиссы и оппортунистическія попытки французскихъ соціалистовъ, вступившихъ въ союзъ съ демократіей для спасенія и мира человѣчества, говорилъ онъ, а „политическое безсиліе германской демократіи".—...„Вашъ парламентъ только наполовину парламентъ... Поэтому вы стопте,—и вы сознаете, чувствуете это,—передъ трудной задачей. И вы ищете ея разрѣшенія" *).

Но конгрессъ не пошелъ по единственному пути разрѣшенія „трудной задачи". Ослѣпленный блескомъ германской соціалъ-демократіи (въ то время она была еще гордостью Интернаціонала), онъ пошелъ за нею, оставивъ Жореса одинокимъ. И такъ же, какъ на Гаагскихъ конференціяхъ, какъ то было всюду, гдѣ направленіе указывалось нѣмцами, безразлично противниками или сторонниками соціализма, увлекло теченіе, насаждавшее культъ государства. Выступавшіе подъ знаменемъ Интернаціонала скрупулезно размежевывали сферы компетенціи по линіи государственныхъ границъ, сурово встрѣчая всякое посягательство съ этой стороны. Такимъ образомъ, всесторонне крѣпло то положеніе, предъ кото-

*) Эд. Бернштейнъ.— Жанъ Жоресъ интернаціоналистъ и патріотъ.

рымъ, нѣтъ ничего удивительнаго, растерянно остановился мало просвѣщенный „россійскій отрядъ Интернаціонала“*).

Соотвѣтственно съ этимъ, честь предложенія истинно-демократической программы мира россійской революціи, по всей справедливости, пришлось уступить президенту Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Вудро Вильсону.

---

*) Г. В. Плеханову приходилось въ плоскости международной проблемы вести съ россійскими соціалъ-демократами споры и по вопросамъ, казалось, вовсе не возбуждавшимъ сомнѣнія. Былъ моментъ, когда офиціальный органъ меньшевиковъ, „Рабочая Газета“ отказывалась даже отъ конкретизаціи условій мира, находя, что „россійскій отрядъ Интернаціонала не считаетъ себя компетентнымъ въ этомъ отношеніи“ („Единство“, 13 апрѣля).

VIII.

Право націй на самоопредѣленіе.

Но если вопросъ о гарантіяхъ, въ Вильсоновской постановкѣ, съ урокомъ событій, пріобрѣтаетъ извѣстную ясность, нерѣдко еще встрѣтить обсужденіе другого пункта его программы: что представляетъ собой „союзъ народовъ“. Вопросъ, не мало занимавшій въ послѣдніе мѣсяцы различные общественные круги, и разрѣшавшійся подчасъ весьма различно *).

Между тѣмъ, при нѣкоторомъ вниманіи къ послѣдовательному развитію публично-правовыхъ отношеній, не трудно было бы отыскать необходимое опредѣленіе уже разъ даннымъ. Это — то же опредѣленіе, которымъ въ свое время Лассаль такъ блестяще выяснилъ, что такое государство. Крѣпкая, неразрывная нить протянулась отъ него къ нынѣшнему понятію союза народовъ. Это — „единство народовъ въ одномъ нравственномъ цѣломъ, единство, умножающее въ милліоны кратъ силы всѣхъ членовъ, вступившихъ въ это единство и въ милліоны кратъ увеличивающее индивидуальныя силы каждаго изъ нихъ“.

Живое въ цѣломъ оно живетъ и въ частяхъ. Прежнее формальное основаніе правъ субъекта международныхъ отношеній, заключенное въ чисто внѣшнемъ признакѣ верховенства государственной власти, смѣняется правомъ народа на удовлетвореніе

*) Нѣкоторымъ изъ нашихъ соціалистическихъ органовъ, и даже серьезнымъ, случалось опредѣлять идеалъ федераціи народовъ „буржуазной затѣей“.

своихъ законныхъ потребностей. Медленно, въ теченіе столѣтія, шло развитіе процесса международнаго единенія, совпадая съ тѣмъ, который укрѣплялъ солидарность лицъ, заключенныхъ въ предѣлы государства. Великая французская революція была тѣмъ моментомъ, который изъ распыленной массы изолированныхъ, ничтожныхъ предъ могуществомъ государственной власти индивидовъ создалъ спаянную коллективную личность — народъ. Она же была и тѣмъ моментомъ, который впервые оформилъ сознаніе международной солидарности. Пониманіе интересовъ, общихъ съ другими народами, стало возможно лишь тогда, когда изъ безличныхъ кусковъ человѣчества, распредѣленныхъ между правительствами, стали возникать очертанія народовъ, познавшихъ себя, постигнувшихъ свой собственный интересъ. Оба момента совпадаютъ, такъ какъ въ обоихъ — отраженіе одного и того же великаго явленія человѣческой жизни, развивающейся общественности. Пока общественная жизнь отсутствовала, удѣломъ народа было слѣпое подчиненіе, а управленіе вѣдалось немногими лицами на основахъ, близкихъ къ гражданскому праву, не могло быть ни національнаго, ни интернаціональнаго движенія. Только съ проснувшимся общественнымъ сознаніемъ стало возможно то и другое. Природа обоихъ одна, какъ одно въ существѣ и то побужденіе, которое влекло человѣка къ установленію государственной связи, а государство къ установленію международныхъ отношеній. Утверждать, что интернаціональныя побужденія отрицаютъ національныя, — значитъ, повторять старое заблужденіе, что государство отрицаетъ человѣческую личность. Какъ въ государственной жизни нашла свое лучшее выраженіе и подлинное развитіе личная жизнь, такъ точно интернаціональныя достиженія составляютъ дальнѣйшее развитіе и дополненіе болѣе узкихъ, національныхъ *). Одно послѣдовательно развивается изъ другого, одно постигается черезъ другое. Поэтому неразрывна и связь, единящая оба вида правопорядка. Пока государство отмежевывалось отъ народа, высилось надъ народомъ, и

*) Legrand. — L'internationalisme et l'idée de Patrie. D-r R. van der Borght. — Das Verkehrswesen. Laurent. — Études. Les Nationalités. Buchez. — Formation de la nationalité française.

народъ составлялъ только „одинъ изъ составныхъ элементовъ государства", чуждый его правомочій суверенитета (какъ тому обучалъ Еллинекъ) *), государственный правопорядокъ былъ застывшимъ понятіемъ. Одновременно лишенъ былъ души и международно-правовой порядокъ, имѣвшій дѣло съ заимствованнымъ изъ государственной науки понятіемъ государства, освобожденнаго отъ понятія народа. Нельзя удивляться тому, что пишетъ Іерингъ: „Сколько хотите, упрекайте исторію въ томъ, что она не терпитъ малыхъ народовъ, что малые народы, не сумѣвъ сдѣлаться большими, принуждаются ею уступать мѣсто большимъ, сколько хотите, жалѣйте генераціи, обреченныя исторіею на подобныя катастрофы, — исторія знаетъ, зачѣмъ и почему она обрекаетъ ихъ на гибель" **). Такое убѣжденіе лишь соотвѣтствовало признанію государства абсолютной цѣнностью, самоцѣлью. Идеалъ, перенесенный, какъ конечный, и въ сферу международно-правовую. Будущее международныхъ отношеній рисовалось Іерингу въ распространеніи государства, какъ одного цѣлаго, на весь земной шаръ. Залогъ его достиженія онъ видѣлъ въ неудержимой „наклонности государства къ расширенію, завоеванію" ***). Народы, естественно, могли разсматриваться лишь, какъ „одинъ изъ составныхъ элементовъ" — не болѣе того.

Въ полномъ согласіи съ этимъ стояла практика международныхъ отношеній императорской Германіи. Органъ серьезнаго иностраннаго вліянія, германскій „Koloniale Zeitschrift" встрѣчалъ XX вѣкъ надеждой, что, „какъ старое столѣтіе увидѣло германскую Европу, новое увидитъ германскій міръ" ****).—Pax Germana, становившаяся почти тѣлесной угроза, минула народы. И вмѣсто нея пламенѣетъ заря „союза народовъ" — лучшаго изъ упованій человѣчества. Только теперь наполняются реальнымъ смысломъ слова идеалиста Блюнчли про „великій успѣхъ въ правосознаніи, когда, наконецъ, убѣдились, что народы суть живыя существа",

---

*) „Allgemeine Staatslehre".

**) Іерингъ. — Цѣль въ правѣ.

***) Ibid., стр. 230—231.

****) Maurice Lair. — L'impérialisme allemand.

а „черезъ то само юридическое понятіе стало одухотворено: прежде мертвое и холодное, стало полно жизни и теплоты“ *).

Но новой жизни грозятъ оковы новой формулы, и „народы—живыя существа“ готовы быть подмѣнены искусственнымъ созданіемъ ихъ.

У насъ много и настойчиво занимались за послѣднее время вопросомъ о правѣ націй на самоопредѣленіе. Россійская программа демократическаго мира была одной изъ побудительныхъ къ этому причинъ. Но она же, къ сожалѣнію, была причиной того, что возникшій вопросъ получилъ совершенно ложное направленіе. Поставившая право націй на самоопредѣленіе своимъ требованіемъ, она слишкомъ мало озаботилась тѣмъ, чтобы привести его въ соотвѣтствіе съ основной своею цѣлью — достиженіемъ прочнаго демократическаго мира. Поверхностно взятое, оторванное, оно не введено въ будущій правопорядокъ международныхъ отношеній, какъ его элементъ, но надъ нимъ царитъ, его подавляетъ. Вопросъ о націи — серьезный, большой вопросъ, изслѣдованіе котораго требуетъ спеціальныхъ труда и времени. Въ мою задачу входитъ разсмотрѣніе одной международно-правовой его стороны.

Нѣтъ явленія, котораго признаки съ такимъ трудомъ поддавались бы точному опредѣленію, нежели явленіе націи. Нѣкоторые авторы не безъ основанія полагаютъ, что можно насчитать около ста опредѣленій начала національности. Одни оперируютъ тѣмъ или инымъ признакомъ, принимаемымъ ими за существенный (такъ раса у Deloche, языкъ у Boeck, единство цѣли у Buchez), другіе считаютъ обязательнымъ совокупность признаковъ; одни принимаютъ за показательныя лишь физическія свойства, другіе выдѣляютъ только духовные признаки, иные, наконецъ, требуютъ наличности тѣхъ и другихъ. За руководящую основу берется то исторія, то этнографія, или же смѣшанные элементы той и другой. Лоранъ видитъ въ націи начальный актъ созиданія (un fait primitif de la création), подобіе космическаго явленія (analogue à un fait cosmogonique) **), Ренанъ опредѣляетъ его, какъ образованіе историческое, общность традиціи ***). Дюги, присое-

*) Блюнчли. — Современное международное право.

**) Laurent. — Études, t. I. La philosophie de l'histoire.

***) Renan. — Qu'est-ce qu'une nation? (Discours et conférences).

диняясь къ послѣднему, дорисовываетъ понятіе слѣдующими штрихами: нація созидается болѣе мертвыми, чѣмъ живыми. Воспоминанія общей борьбы, одержанныхъ побѣдъ и, особенно, понесенныхъ сообща пораженій могуче выявляютъ сознаніе національности *). Для Блюнчли нація — понятіе культуры, для Ришара — „реализація лучшаго выраженія нравственнаго закона“ **), Аренсъ учитъ, что она есть моральное лицо, объединяющее людей узами расы, общностью языка и соціальной культуры ***). Значеніе расы и языка онъ, впрочемъ, вслѣдъ за опредѣленіемъ, самъ отвергаетъ соображеніемъ, что чистой расы болѣе нѣтъ, а языкъ можетъ быть идентиченъ для разныхъ націй, какъ у англичанъ и американцевъ. Маміани считаетъ, что націю сотворила сама природа, собственными руками, путемъ смѣшенія крови (à l'aide du mélange du sang) ****). Манчини возводитъ сущность націи и управляющіе ею законы непосредственно къ Богу (dont le législateur est Dieu) *****).

Такой пестротой мелькаютъ наугадъ взятыя попытки установить понятіе націи. Но при всей многочисленности и разнообразіи существующихъ опредѣленій не трудно прослѣдить регулирующій ихъ общій моментъ. Это, до извѣстной степени, субъективное стремленіе примирить теорію національности съ лицомъ государства. Въ то время, какъ въ Италіи понятіе націи связывается съ чисто органическими признаками, американскіе публицисты удѣляютъ мѣсто признакамъ внѣшне-правовымъ. Додли Фильдъ въ своихъ „Outlines of an international Code“ опредѣляетъ націю, какъ народъ, занимающій постоянно опредѣленную территорію, и подчиняющійся одному правительству, способному отправлять правосудіе, охранять порядокъ внутри и поддерживать сношенія съ другими правительствами во-внѣ. Другіе американцы отмѣчаютъ тѣ же моменты: общность территоріи и управляющей власти, единой, не взирая на возможныя подраздѣленія ея въ частяхъ (федерація).

---

*) Duguit. — Traité du droit constitutionel, t. I.
**) Richard. — Étude sur les nationalités.
***) Ahrens. — Cours de droit naturel.
****) Mamiani. — Appendice al Nuovo Diritto Europeo.
*****) Fiore. — Nouveau droit international public, p. 248.

Характерно опредѣленіе швейцарца Ришара: нація есть собраніе людей, общественно организованное для наилучшаго выраженія моральнаго закона (loi morale). „Различіе національностей создается различіемъ въ пониманіи моральнаго закона“ *). Туманность этого опредѣленія только гармонируетъ съ неясностью національной идеи для Швейцарскаго государства. Но особенно въ этомъ отношеніи поучительна теорія націи, развитая итальянцами времени собиранія итальянскихъ земель.

Она стремится слить понятіе націи съ государствомъ, не удовлетворяясь границами, въ которыхъ послѣднее успѣло отложиться, но имѣя въ виду его идеальныя границы. Вмѣсто выраженія существующаго факта, государство начинаетъ отвѣтствовать только нѣкоему стремленію, pium desiderium. Нѣтъ ничего удивительнаго, что видимое оправданіе отлетаетъ отъ существа государства, смѣняясь разрушающей критикой. Въ виду націи, какъ единственнаго „естественнаго“ основанія государства, не удовлетворяющія этому условію государства разсматриваются, какъ искусственные, произвольные субъекты правъ (artificiels et arbitraires) **). На смѣну имъ опредѣляются націи, взявшія форму государствъ. Такъ Ронкали, Манчини, Пьерантони перестраиваютъ международное право на основѣ національности, вмѣсто государства. Одновременно они требуютъ отказа въ признаніи тѣхъ государствъ, которыя не находятся въ согласіи со строго національнымъ принципомъ. Манчини доказываетъ, что признаніе правъ государства равнозначуще признанію законности завоеванія, актовъ силы. Совершается отвѣтственная попытка одинъ юридическій институтъ вытѣснить другимъ, новымъ. Но при этомъ отсутствуетъ примитивное чувство отъѣтственности. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ тѣ необходимые элементы, которые способны націи дать форму юридическаго существа? Каковъ тотъ опредѣляющій моментъ, что разъ навсегда, безъ малѣйшаго сомнѣнія, вырисуетъ его мѣсто въ ряду другихъ. Будутъ ли характеризующія черты новаго субъекта международнаго права заключаться въ свойствахъ расы, языка, культуры, въ общей

*) Richard.—Études sur les nationalités.

**) Fiore.—Nouveau droit international public.

исторической цѣли, физическомъ сродствѣ и столькихъ же другихъ указаніяхъ,—всѣхъ вмѣстѣ, или каждомъ особо? Борецъ за право націи не въ одной теоріи, Андрэ Кошутъ свой разборъ различныхъ опредѣленій національности резюмировалъ слѣдующими словами: „ни одно изъ нихъ не выдерживаетъ строгой критики, хотя въ каждомъ изъ нихъ есть доля правды“ *). Съ его времени мало что измѣнилось.

Разумѣется, разнорѣчіе въ опредѣленіи національности еще не оправдываетъ выводимаго изъ него сомнѣнія въ самомъ существованіи націи. Вѣрно, что, если опредѣленія понятія „жизнь“ въ физіологіи и біологіи грѣшили разнообразіемъ и неустойчивостью, это не уничтожало самаго явленія. Въ нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ націи не трудно замѣтить даже внѣшнее приближеніе къ опредѣленію жизни. Такъ, Манчини національные элементы разсматриваетъ какъ бы „прирожденную матерію, способную жить, но въ которую еще не былъ вдунутъ духъ жизни“. Этотъ живой духъ націи, признакъ ея дѣйствительнаго существованія, состоитъ въ сознаніи національности. Декартовское „cogito ergo sum“, перенесенное на націю, можетъ быть, и способно надѣлить послѣднюю философскимъ истолкованіемъ, но оно всего менѣе способно дать ей строгія линіи юридическаго института.

Крайности въ увлеченіи національной идеей въ Италіи особенно ярко сказались въ позиціи, занятой извѣстнымъ политическимъ дѣятелемъ Джоберти. Вслѣдствіе пониманія національнаго права, какъ стоящаго выше всякаго другого и служащаго ему основаніемъ, онъ рѣшительно отказывался признавать иныя, кромѣ національныхъ, связи. Съ этой точки зрѣнія различныя итальянскія провинціи, хотя и не связанныя политически, представлялись ему юридически неотдѣлимыми. Видимые признаки ихъ несвязанности игнорировались имъ во имя тѣхъ, хотя труднѣе уловимыхъ, но признанныхъ высшими, моментовъ, которые изобличаютъ національную связь. Политическое раздѣленіе различныхъ государствъ не можетъ стоять выше этой связи, но должно ей подчиняться, полагалъ онъ, такъ какъ въ немъ

*) A. Cochut.—Des Nationalités.

мы имѣемъ произвольное созданіе людей, въ ней—неизмѣнный порядокъ природы *).

Отъ неумѣренностей этой теоріи націи чувствуетъ себя далеко ушедшей та группа ученыхъ, которая по времени почти непосредственно къ ней примыкаетъ. Она понимаетъ ошибку въ отождествленіи націи, какъ культурнаго понятія, съ одной изъ формъ ея существованія (политическая національность), и видитъ необходимость опредѣленіе націи строить изъ болѣе устойчивыхъ основаній. Вносится начало волеизъявленія населенія. Опрошенное черезъ всеобщее голосованіе само населеніе рѣшаетъ свою принадлежность къ національности. Такимъ образомъ, висящая въ воздухѣ conscienza della nazionalita получаетъ матеріальное выраженіе. Отъ этого, однако, не много выигрываетъ необходимый для юридической науки элементъ безспорности. Представители этого мнѣнія слишкомъ просвѣщенные юристы, чтобы моменту воли предоставить значеніе, исключающее всѣ иныя соображенія. Мы находимъ у нихъ, что принципъ свободы національнаго самоопредѣленія долженъ быть въ согласіи съ цѣлями международнаго общенія **); читаемъ, что принципъ національности не ведетъ еще къ признанію права каждаго первобытнаго племени на образованіе государства, ибо тогда пришлось бы расчленять существующія народности на ихъ первобытные этнологическіе элементы, то есть, возвращаться ко времени великаго переселенія народовъ ***). У рѣшительнаго бойца противъ ограниченій свободы политическаго самоопредѣленія націй, проф. Даневскаго встрѣчаемъ рѣшительное непризнаніе этого права для татаръ и иныхъ мелкихъ народностей. Они слишкомъ малочислены, поясняетъ онъ, сравнительно съ окружающимъ ихъ элементомъ, „культура ихъ ниже культуры господствующаго племени, у нихъ нѣтъ достаточныхъ духовныхъ силъ, чтобы выработать сознаніе своего національно-политическаго „я“ ****). И

---

*) „Revue de droit international“, 1873.

**) Fiore.—Op. cit., p. 264.

***) Градовскій.—Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ.

****) Даневскій.—Система политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности.

даже въ сочиненіяхъ величайшаго сторонника свободы націй, Лорана, послѣдняя носитъ, въ сущности, только подчиненный характеръ относительно главной цѣли человѣчества—„достиженія лучшихъ гарантій мира“ *).

Такое пониманіе свободы, внѣ безусловныхъ границъ, отвѣчающее основному смыслу права, не устраняетъ, разумѣется, неудобства отъ колебанія единственнаго, казалось, устойчиваго указанія политической національности. Отъ этого неудобства оказалась свободной своеобразная теорія націи, предложенная вниманію народовъ въ россійской программѣ демократическаго мира. Зато она оказалась также свободной отъ здраваго юридическаго смысла.

Въ этой программѣ мы находимъ категорически выраженное право всякой національности на самоопредѣленіе, вплоть до полнаго политическаго отдѣленія, не обусловленное ничѣмъ инымъ, кромѣ свободнаго рѣшенія о томъ заинтересованнаго населенія. Напрасно стали бы мы искать въ ней попытки согласованія указаннаго принципа съ цѣлями международнаго общенія, интересами правового оборота, и даже съ самой задачей демократическаго мира. Одно изъ условій демократическаго мира, свобода націй на самоопредѣленіе, точно обернулось въ самоцѣль. Одновременно оно было вырвано изъ живой среды, поникнувъ жалкимъ лозунгомъ—афишей. Не осталось это чуждо и сознанію самихъ авторовъ программы. Когда въ свое время имъ возражали, что политическое отдѣленіе для маленькихъ Литвы и Латвіи можетъ стать для нихъ политической смертью и для сохраненія мира лишнимъ препятствіемъ, они отвѣчали увѣреніями, что это обстоятельство сумѣютъ учесть сами націи. Они не сомнѣвались, что Литва и Латвія не отдѣлятся отъ Россіи, что онѣ найдутъ формы для своего „самоопредѣленія“ внутри ея государственныхъ границъ. Когда же это предположеніе оказалось ошибочнымъ, и судьбы маленькихъ окраинъ, подъ прикрытіемъ независимости, стали игрушкою властныхъ имперіалистовъ,—шло ли это въ разрѣзъ съ россійской формулой демократическаго мира? Конечно, нѣтъ. Поскольку могло быть соблюдено условіе

*) Laurent.—Études, t. I.

опроса всего населенія, даже и наиболѣе вопіющая, противъ самаго наименованія демократической, конъюнктура міра не могла противорѣчить этой формулѣ.

Высоко развитой гражданскій оборотъ, утверждая свободную личность, призналъ заранѣе ничтожнымъ всякое обязательство послѣдней, клонящееся къ ея закрѣпощенію, къ отчужденію права свободнаго самораспоряженія. Въ такомъ стѣсненіи личности онъ справедливо углядѣлъ подтвержденіе ея свободы. Отсталое международно-правовое сознаніе внушило русскимъ циммервальдистамъ понятіе свободы націй, чуждающейся какого бы то ни было предѣла. Скучное повтореніе исторической ошибки науки права. Нужно ли вспоминать, что совершенно то же въ свое время происходило при уясненіи обязательной силы личныхъ договоровъ, въ чемъ видѣли труднѣйшую проблему юристы естественной школы. Носясь со свободной личностью, они только въ моментѣ воли стремились найти ключъ къ разрѣшенію представшаго вопроса, и поэтому всего дальше оказывались отъ его дѣйствительнаго разрѣшенія. Пока воля постигалась, какъ вещь въ себѣ, не знающая внѣшняго міра и не обязанная съ нимъ считаться, непонятнымъ было, почему одинъ и тотъ же человѣкъ, нынче пожелавъ одного, завтра не можетъ пожелать прямо противоположнаго; свободно обязавшись договоромъ, такъ же свободно не можетъ отъ него себя послѣ избавить.

И только съ послѣдующей ступенью развитія науки пришло пониманіе, что разбираемый вопросъ не есть вопросъ психологическій, но практически-юридическій, и что центръ его тяжести не въ томъ, что воля сама по себѣ можетъ, но въ томъ, къ чему она обязана, если желаетъ во внѣшнемъ мірѣ достиженія своей цѣли. Вмѣстѣ съ этимъ ученые усвоили, что и моментъ цѣли не лишенъ своихъ границъ, что цѣлью не будетъ все, что можетъ стать фантазіей воли, не можетъ быть какая-нибудь несообразность, безсмыслица. Цѣль воли неукоснительно будетъ опредѣляться тѣмъ самымъ внѣшнимъ міромъ, въ предѣлахъ котораго она преслѣдуется, и, значитъ, всѣмъ историческимъ складомъ этого міра. И такъ какъ не существуетъ міра абстрактнаго, вѣчно неизмѣннаго, такъ же точно не можетъ

быть абстрактныхъ, неизмѣнныхъ формулъ для выраженія жизненныхъ цѣлей. Различныя условія требуютъ различныхъ средствъ, и вѣрное въ одномъ случаѣ, будетъ ложно въ другомъ.

Такъ это въ отношеніи домоганій индивидуальной воли, такъ и въ отношеніи стремленій воли коллективной, въ нашемъ случаѣ — воли націи. Формула самоопредѣленія націй, данная въ россійской программѣ демократическаго мира, грѣшитъ не только противъ научно-правового истолкованія свободы воли, она грѣшна своею схоластичностью, омертвѣлостью разъ навсегда даннаго положенія.

Пока защитники національнаго признака требуютъ для націи условій, дающихъ въ полнотѣ выявиться ея духовно-нравственнымъ силамъ, они вполнѣ правы. Но велика ихъ ошибка, когда, при опредѣленіи этихъ условій, они живыя указанія окружающей дѣйствительности пытаются подмѣнить отвлеченной схемой.

На продѣланномъ опытѣ политически отдѣленной Украины мы видѣли воочію коллизію этой схемы съ жизнью. Ибо отъ того, имѣли ли мы дѣло съ фальсифицированной или истинной волей къ тому населенія, не могли, разумѣется, измѣниться окружающія условія. Они же были таковы, что зажатая въ экономическій кругъ окраина, едва увидѣвъ себя „свободною“, занялась неотступными мечтами о лишеніи свободы своихъ сосѣдей. Кто не помнитъ неистовой погони на страницахъ украинской прессы времени Рады — гетмана за угольными копями придонскихъ областей, за нефтью Кавказа, хлопкомъ Туркестана и даже за колоніями на Амурѣ, въ Сибири. Одновременно споры о Холмщинѣ съ Польшей, о Мозырскомъ уѣздѣ съ Бѣлоруссіей, о Бессарабіи, Крымѣ, Одессѣ, и хоть тщетныя, но напряженныя усилія къ созданію мощной арміи, въ которой единственно видѣли залогъ національнаго преуспѣянія всѣ эти разнообразнѣйшаго толка квази-соціалистическія газетки.

Впрочемъ, чтобы быть справедливой, не въ арміи единственно, но и въ цѣлой системѣ мѣръ утѣсненія въ отношеніи всякаго, кто не украинецъ, видѣли свой путь къ національной свободѣ эти соціалисты.

Такой ли образъ томилъ россійскихъ циммервальдистовъ,

когда они выписывали свой лозунгъ національнаго самоопредѣленія? Могутъ ли марксисты линію культурнаго развитія чертить въ отвлеченіи отъ условій экономическаго развитія, и даже имъ вопреки? Сливаются ли задачи первобытныхъ ратныхъ состязаній, переносящія насъ ко времени первоначальнаго складыванія государствъ, съ мирнымъ національнымъ строительствомъ?

И еще одинъ вопросъ, быть можетъ, наиболѣе серьезный: какимъ образомъ случилось, что именующіе себя соціалистами, вопреки всему смыслу соціализма, въ одномъ изъ важнѣйшихъ правовыхъ построеній, отъ котораго зависѣли судьбы человѣчества на долгіе годы, выступили вульгарнѣйшими индивидуалистами?

Когда въ сомнѣніяхъ и мукахъ нарождался крупный правовой факторъ — государство, мы видѣли, соціалисты, не колеблясь, опредѣлили свой взглядъ на него, правильный взглядъ. И нѣтъ сомнѣнія, едва ли и сейчасъ сыщется такой слабоумный циммервальдистъ, который всею тяжестью усвоенной имъ терминологіи не обрушился бы на извѣстную максиму Штирнера: „Meure le peuple, pourvu que l'individu soit libre".

Что право цѣлаго создается извѣстнымъ ограниченіемъ частей, а сами части въ такомъ ограниченіи черпаютъ элементы собственной свободы, — это въ отношеніяхъ лица и государства стало трюизмомъ. Но когда этотъ трюизмъ сталъ лицомъ къ лицу съ великимъ явленіемъ международно-правового характера, мы услышали безразсудный кличъ: „Meure le monde, pourvu que la nation soit libre".

Склоку лишенныхъ всякихъ границъ національныхъ интересовъ, интересовъ частныхъ, видѣли мы противопоставленной интересамъ общимъ всѣмъ національностямъ,—интересамъ международнаго союза, и, въ частности, интересамъ устойчиваго демократическаго мира.

Во имя дурно понятыхъ началъ свободы пришли къ абсолютизму націи, какъ нѣкогда считали верхомъ либеральности отстаивать абсолютизмъ лица, и позднѣе абсолютизмъ государства. Но такъ же, какъ въ оборотахъ частно-гражданскомъ и публично-государственномъ при такомъ пониманіи „правъ" лица не могло установиться правового порядка,—невозможно говорить о

правѣ въ международныхъ отношеніяхъ, покуда пресловутыя „права“ націи не будутъ отведены въ надлежащія границы. Эти границы вырисуются тотчасъ же, когда, на мѣсто различія борющихся частныхъ интересовъ, будетъ выдвинуто различіе между общимъ и частнымъ интересомъ. Ибо, все равно, въ государственномъ или международномъ масштабѣ, но важнѣйшій пунктъ всей организаціи права заключается въ перевѣсѣ интереса общаго надъ интересами частными, а попытки осуществлять частный интересъ за счетъ общихъ одинаково будутъ прямо противны праву, если не преступны.

И если въ послѣдніе годы уже стали слышаться жалобы, что въ международномъ обществѣ царятъ безпорядокъ, произволъ, сила, что государству отвели всемогущество, политику возвысили надъ правомъ, а эгоистическіе и временные интересы отдѣльнаго государства поставили выше общихъ потребностей всѣхъ членовъ международнаго общества, то не затѣмъ же, чтобы, придя къ усвоенію этой ошибки всеобщимъ сознаніемъ народовъ, одинъ фетишъ смѣнить другимъ,—приблизясь къ цѣли, рѣзко повернуть вспять.

Такимъ движеніемъ къ дичи и первобытной анархіи могло бы оказаться направленіе, указанное къ устроенію международно-правовыхъ отношеній циммервальдовской формой національнаго самоопредѣленія. Но его благополучно избѣгла программа въ этомъ пунктѣ Вильсоновскаго мира. Мы находимъ въ ней требованіе „найти удовлетвореніе всѣмъ ясно выраженнымъ притязаніямъ національностей, какое только возможно, избѣгая созданія новыхъ элементовъ распрей и вражды, которыя снова могли бы нарушить миръ Европы, а вслѣдствіе этого и миръ всего міра“ *).

Здѣсь нѣтъ чуждаго живой жизни элемента безусловности и, напротивъ, есть прямое указаніе въ объективныхъ условіяхъ сложившейся обстановки искать руководства для разрѣшенія вопроса. Интересы „мира всего міра“, мира длительнаго, устойчиваго, есть та цѣль, которая правильно выдвинута на первый планъ. И если этотъ пунктъ программы Вильсона, въ виду своей

*) Изъ пункта 4-го мирной программы Вильсона отъ 26-го февраля 1917 г.

краткости, еще давалъ мѣсто кривотолкамъ, то дальнѣйшія дѣйствія президента и его страны не способны возбуждать сомнѣнія. Ихъ симпатіи, ихъ активная поддержка не могутъ принадлежать праву части преимущественно предъ правомъ цѣлаго, праву націи предъ правомъ международнаго общенія—правомъ мирнаго международнаго сосуществованія.

IX.

Заключеніе.

Россійскіе циммервальдисты, излагая тотъ или другой изъ тезисовъ своей внѣшней политики, неоднократно предпосылали ему горделивую увѣренность: „впервые въ исторіи выставляется такое требованіе“ *). Международно-правовая программа русской революціи, каждый абзацъ въ ней были своего рода пунктомъ чести, предметомъ особеннаго любованія ея творцовъ. И въ этой привязанности къ слову, поистинѣ ревнивой, крылась и ихъ большая политическая слабость и ихъ серьезное фактическое заблужденіе.

Трудно придумать другую область, въ которой было бы сказано больше значительныхъ и необычныхъ словъ, нежели то характерно для международнаго права и вопросовъ международной организаціи. Человѣческая рѣчь точно исчерпала здѣсь всю цвѣтистость своего многообразія. И чѣмъ дальше отъ истиннаго развитія стояла практика международнаго права, тѣмъ пестрѣе изукрашивалась его доктрина. Продѣланная давно другими отраслями права, пора естественной школы въ международномъ правѣ все еще не вполнѣ изжита. Мы знаемъ, какъ несоразмѣрно много мѣста его теоретиками отводится „политической нравственности“. Въ свое время съ этимъ понятіемъ, тождественные ему, почти сливались принятыя опредѣленія между-

*) „Извѣстія“ 7 октября 1917 г. № 191. „Внѣшняя политика и революціонная демократія“.

народнаго права. Кантъ видѣлъ въ немъ примѣненіе нравственнаго закона; знаменитый голландскій ученый Бинкерсгукъ, хотя оцѣнившій уже положительное направленіе, объявлялъ „разумъ душой международнаго права"; Гефтеръ „глубочайшее основаніе всего международнаго права" находилъ въ „разумной мысли", которая „подчиняетъ себѣ законъ, даже сама становится на мѣсто закона" *). Блюнчли обязательность международныхъ обычаевъ провѣрялъ ихъ соотвѣтствіемъ „вѣчнымъ основамъ естественнаго человѣческаго права" **). И, быть можетъ, достигшимъ вершины звучитъ опредѣленіе небольшого и устарѣлаго труда Гагерна: „кто нарушаетъ международное право, лишаетъ себя человѣчности; оно есть ничто иное, какъ проявленіе справедливости и нравственности въ самыхъ большихъ размѣрахъ, какіе намъ извѣстны на землѣ" ***).

Современные ученые строятъ свои опредѣленія ближе къ жизни, но это не мѣшаетъ имъ отрываться отъ нея, какъ только они переходятъ къ начертанію ближайшаго будущаго международнаго права и его желательнымъ реформамъ. Увлеченіе идеальными заданіями, зачастую только на основаніяхъ аналогіи съ другими отраслями права, приводитъ этихъ изслѣдователей въ такія дебри субъективнаго правотворчества, которое ничего общаго съ правомъ не имѣетъ. Вмѣсто изученія практики вопроса и стараній постигнуть необходимыя для его разрѣшенія предпосылки въ окружающей исторической средѣ, съ ея живыми указаніями и дѣйствительными запросами, мы присутствуемъ при измышленіи безчисленныхъ проектовъ „отъ разума".—Выраженія личныхъ взглядовъ и пожеланій авторовъ, сложившіяся подъ вліяніемъ прочитаннаго и измышленнаго ранѣе, но всего меньше отражающія реальныя условія международнаго строя,—эти проекты были безплодными отъ вѣка. Ни тщательность ихъ разработки, ни дѣлающая честь предусмотрительности ихъ составителей мельчайшая отдѣлка деталей не сообщала имъ жизнепреобразующей силы. Жизнь была сама по себѣ, они сами по себѣ, и всегда внѣ

*) Гефтеръ. — Европейское международное право, предисловіе.
**) Блюнчли. — Кодексъ, пунктъ 15.
***) Gagern. — Kritik des Völkerrechts.

ея. Неудивительно, что въ такихъ условіяхъ даже истекающія столѣтія не видѣли осуществленія въ жизни и части конструктивныхъ плановъ.

Первый проектъ международной организаціи (проектъ Сюлли) относится къ 15-му столѣтію, но уже предусматриваетъ созданіе общеевропейскаго сейма изъ делегатовъ европейскихъ правительствъ для разрѣшенія взаимныхъ распрей. Послѣдующіе проекты (аббата Сенъ-Пьера, Бентама, Канта) со значительными подробностями устанавливаютъ характеръ и функціи будущихъ органовъ международной организаціи *). Какъ всякая постройка на бумагѣ, покорная простому росчерку пера, рекомендуемый въ этихъ проектахъ правопорядокъ отличался такой законченностью и точностью, какія были недостижимы и для болѣе развитого частнаго права. Разумѣется, ничтожно было его практическое значеніе. Это въ примѣненіи къ нему умѣстно звучитъ замѣчаніе Пухта, что не слѣдуетъ профанировать самое слово „право“, употребляя его для такихъ положеній, для которыхъ еще не найдено никакой юридической формы практическаго примѣненія **). Его, нѣсколько позже, Бульмеринкъ опредѣлялъ, какъ воображаемое, мнимое международное право—Pseudo-Völkerrecht ***).

Но ни основательная критика, ни продѣланный значительный этапъ обще-правового развитія не подрѣзали крыльевъ фантазерамъ международнаго права. Различіе въ этомъ отношеніи между нашимъ и прошедшими временами сводится, по преимуществу, къ словамъ. Конечно, современные авторы остерегаются источникъ своего вдохновенія возводить къ „разумной природѣ человѣка“, къ „естественнымъ и вѣчнымъ законамъ человѣчества“. Но они не стѣсняются, игнорируя всѣ указанія практики, подсовывать праву рѣшеніе задачъ, построенныхъ путемъ чистаго умозрѣнія. А въ своихъ возраженіяхъ сторонникамъ положительнаго метода и вовсе уподобляются своимъ отдаленнымъ предше-

*) Dreyfus. — L'arbitrage international. J.-J. Rousseau. — Extrait du projet de la paix perpetuelle. Kant. — Zum ewigen Frieden. Revon. — L'arbitrage international. Ладыженскій. — Проекты вѣчнаго мира.

**) Puchta. — Gewohnheitsrecht.

***) Bulmerincq. — Das Völkerrecht oder das internationale Recht.

ственникамъ. Такъ, Камаровскій, протестуя противъ наименованія сочинителей проектовъ „болтунами“, пишетъ: „Такое отношеніе къ нимъ поверхностно и несправедливо. Много въ ихъ мечтахъ субъективнаго и произвольнаго; увлекаемые своею возвышенною, отдаленною цѣлью, они часто обнаруживали недостаточное знакомство съ исторіей и даже съ реальными условіями политической жизни собственнаго ихъ времени... Но не должно забывать, что печальная дѣйствительность, окружавшая ихъ, отталкивала ихъ отъ себя, вызывала въ нихъ жажду не изученія ея и оправданія, а радикальнаго переустройства общества по требованіямъ нашей нравственной и разумной природы“ *).

Въ этомъ возраженіи мы имѣемъ психологическое объясненіе ошибки ученыхъ, но оно не дѣлаетъ ихъ правыми. Поэтому одинаково безцѣльны планы міроустройства св. Ѳомы Аквинскаго, какъ Камаровскаго и Лоримера: въ нихъ не поиски практическихъ путей къ осуществленію новыхъ этаповъ развитія въ жизнь, но жажда гашиша, уносящаго прочь отъ жизни; ихъ убѣдительность не въ объективныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ историческаго хода вещей, но въ субъективномъ вѣрованіи. Такое вѣрованіе, если и трогаетъ, то врядъ ли убѣждаетъ.

Авторы такихъ проектовъ неизмѣнно завѣряютъ, что стоитъ, хотя бы искусственно, провести ихъ предложенія въ жизнь, и въ отношеніяхъ народовъ, на подобіе зрѣлыхъ плодовъ, утвердятся незыблемые миръ и право **). Но безнадеженъ тотъ научный путь, который свои выводы опираетъ на личныя убѣжденія и настроенія. Такой фундаментъ неустойчивъ, а путеводная нить не крѣпка. Не даромъ авторы идеальныхъ плановъ всечеловѣческаго замиренія, создатели совершеннѣйшихъ нравственныхъ началъ для взаимныхъ сношеній народовъ оказывались вдругъ смѣшно и непонятно въ злѣйшемъ противорѣчіи съ азбучными положеніями международной морали. Намъ ближе всего вспомнить, какъ горячій идеалистъ и преданный ученый Л. А. Камаровскій протестовалъ противъ допущенія въ „свой“ европейскій союзъ Турціи, такъ какъ это значило бы „требовать отъ нея, чтобы она пере-

*) Л. Камаровскій. — Успѣхи идеи мира.

**) Л. Камаровскій. — Объ основной идеѣ международнаго права.

стала быть мусульманскою. . . . Народы христіанскіе, освобожденные отъ ея ига, конечно, лучше ея поведутъ къ новой жизни благословенныя страны востока" *), вѣрилъ профессоръ, и въ этомъ различеніи народовъ по одному религіозному признаку оказывался чуть не позади Вестфальскаго конгресса 1648 года, объявившаго вѣротерпимость принципомъ международныхъ отношеній. Онъ же, наряду съ суровымъ осужденіемъ, какъ глубоко безнравственныхъ, всякихъ попытокъ сильныхъ государствъ задержать внутреннее развитіе слабыхъ, считалъ возможнымъ рекомендовать европейскимъ государствамъ строго оберегать и прятать свои техническія улучшенія и военныя изобрѣтенія отъ азіатскихъ народовъ **).

Не многимъ меньше неожиданностей заключаютъ проекты мирнаго устройства другихъ современныхъ писателей. Cornelius de Boom считаетъ необходимымъ раздѣленіе Европы на небольшіе штаты, включающіе каждый не болѣе пяти милліоновъ жителей ***). Лоримеръ устанавливаетъ четыре органа верховной международной власти, почему то выдѣляя въ особую отъ исполнительной финансовую отрасль. Власть законодательная у него представлена нижней палатой и верхней—сенатомъ. Въ сенаторы онъ предлагаетъ избирать членовъ богатѣйшихъ аристократическихъ семей, возводя ихъ титулъ въ почетный, передаваемый по наслѣдству мужскому потомству. Онъ предусматриваетъ созданіе международнаго контингента военной силы для исполненія рѣшеній судовъ и законодательной власти ****).

Блюнчли называетъ построеніе Лоримера нежизнеспособнымъ продуктомъ фантазіи, рекомендуя разработанный имъ лично проектъ, какъ „скромный и трезвый" *****). Послѣдній, противно проекту Лоримера, отвергаетъ созданіе особаго союзнаго войска, и принудительное выполненіе постановленій возлагаетъ на великія державы, располагающія значительными силами. Одновре-

*) Л. Камаровскій.—По вопросу о международной организаціи Европы.
**) Л. Камаровскій.—Основные вопросы науки международнаго права.
***) Cornelius de Boom. — Une solution politique et sociale.
****) Lorimer. — Principes du droit international, trad. par Nys.
*****) Л. Камаровскій.—Обзоръ современной литературы. (Bluntschli.—Die Organisation des europäischen Staatenvereines).

менно онъ устанавливаетъ неодинаковую дѣеспособность членовъ международнаго союза, отличая великія державы отъ остальныхъ: имъ дается большее число голосовъ въ общемъ представительствѣ.

Такъ видоизмѣняясь, зависимо отъ субъективнаго усмотрѣнія, зрѣли эти писанія, практическое значеніе которыхъ не многимъ больше значенія для общественныхъ преобразованій утопій Томаса Мора и Кампанелла. Не велико ихъ значеніе и для развитія общественнаго мнѣнія. Этотъ факторъ занялъ, по справедливости, большое мѣсто въ сферѣ права. Какъ пути развитія, такъ и процессъ закрѣпленія права всегда были неразрывно связаны съ развитіемъ и энергіей человѣческаго правосознанія. Это объясняетъ, почему первыя свои побѣды право праздновало въ сферѣ частно-правовыхъ интересовъ, какъ объясняетъ и то, почему развитое общественное правосознаніе служитъ наивѣрнѣйшей гарантіей прочности права. Пониманіе отмѣнной важности развитого общественнаго мнѣнія близко всей правовой наукѣ, но, быть можетъ, наибольшей интенсивности достигаетъ въ наукѣ международнаго права. Здѣсь недостатокъ принудительнаго аппарата колеблетъ одну изъ опоръ права — страхъ, и дѣлаетъ болѣе необходимой другую его опору, внутренняго свойства. Поэтому къ числу основныхъ задачъ юридической науки въ этой области авторы, нерѣдко, относятъ также „проведеніе болѣе вѣрныхъ идей въ сознаніе и нравы общества“ *), „подготовку дальнѣйшихъ успѣховъ права уясненіемъ требованій справедливости въ общественномъ сознаніи“ **).

Что жизненность международнаго права въ значительной степени обусловливается распространеніемъ среди народовъ его основныхъ принциповъ и признаніемъ ихъ общественнымъ мнѣніемъ,—это несомнѣнно. Но удовлетворяютъ ли этой потребности многочисленные, на всѣ лады, но съ одинаковымъ стараніемъ, выведенные проекты будущей международной организаціи,— вопросъ иной. Движеніе впередъ человѣческой культуры, права

*) Mohl. — Encyclopädie der Staatswissenschaften.

**) Блюнчли. — Современное международное право цивилизованныхъ народовъ.

не происходитъ мудростью отдѣльныхъ лицъ, какъ бы высоко они ни поднялись, но происходитъ черезъ развитіе и интеллектуальныя достиженія народовъ. Послѣднія же, въ свою очередь, тѣсно зависятъ отъ объективнаго хода общественнаго развитія. Между тѣмъ, пренебреженіе къ окружающимъ условіямъ представляетъ характерную черту прожектеровъ. Вопросы практическаго осуществленія значительно меньше занимаютъ ихъ вниманіе, нежели вопросы конструктивныхъ тонкостей, достигнутаго совершенства формъ. Такіе проекты часто настолько обгоняютъ жизнь, что для сужденія о нихъ у насъ нѣтъ болѣе никакихъ реальныхъ средствъ. Это—постройки въ пустотѣ. Невольно вспоминается совѣтъ Сократа, обращенный къ такимъ любителямъ высотъ, снизить философію съ неба и заставить ее скромно побесѣдовать съ людьми.

Нѣтъ сомнѣній, что для подлинныхъ успѣховъ права такіе проекты значатъ меньше, чѣмъ значитъ малая, частичная реформа. Отвлекусь примѣромъ. Долгіе годы въ международномъ оборотѣ держалось убѣжденіе, что упорная защита крѣпости ея гарнизономъ есть актъ оскорбленія въ отношеніи осаждающаго. Когда Францискъ совершалъ свой итальянскій походъ, онъ приказалъ повѣсить защитниковъ башни, прикрывавшей подступъ къ Тессинскому мосту за то, что „они осмѣлились защищать подобный курятникъ противъ французской арміи“. Тѣ же мѣры были примѣнены къ защитникамъ Бовинскаго мѣшка и крѣпости Пескьера „за дерзкое сопротивленіе“. Лоранъ цитируетъ историковъ, которые серьезно писали: „такое упорство на виду у великаго короля, это — преступленіе (un crime)“ *).

Первый протестъ противъ такого положенія, первая защита въ пользу болѣе человѣческаго взгляда принадлежатъ Ваттелю. Съ жаромъ отвергалъ онъ утвержденіе прежнихъ писателей, что кара смертью это—нормальный отвѣтъ на упорство въ защитѣ крѣпости, и настойчиво доказывалъ, что храбрость и въ непріятелѣ не можетъ быть преступленіемъ, и что, выказывая ее, защищающійся скорѣе вправѣ разсчитывать на уваженіе со стороны своего побѣдителя. Съ тѣхъ поръ этотъ взглядъ глубоко про-

*) Laurent. — Études sur l'histoire de l'humanité, t. X.

низалъ общественное сознаніе, ставъ неотъемлемымъ для него. Такая защита горсточкой храбрецовъ всегда становится виднымъ эпизодомъ въ борьбѣ, и вызываетъ преклоненіе одинаково и въ рядахъ осаждающихъ. Но исторія справедливо отмѣчаетъ Ваттеля, какъ заслужившаго себѣ высокое мѣсто въ наукѣ своимъ выступленіемъ по этому вопросу.

Точно такъ же важенъ каждый маленькій шагъ по пути усовершенствованія практики. Аргентинская республика внесла въ свою конституцію слѣдующій пунктъ: договоры, заключаемые съ иностранными державами, становятся высшимъ закономъ націи; власти каждой провинціи обязаны подчиняться этому закону, не взирая ни на какія противныя положенія, могущія встрѣтиться въ частныхъ конституціяхъ провинцій (§ 31 конституціи) *). И этотъ пунктъ неоцѣнимъ для реализаціи международно-правового идеала. Въ немъ мы имѣемъ закрѣпленный положительнымъ законодательствомъ тотъ взглядъ, что право народовъ стоитъ выше права каждаго отдѣльнаго народа, и что ни одинъ народъ не можетъ оправдывать своего нарушенія международнаго права закономъ своей собственной страны.

Въ международномъ правѣ, благодаря его запоздалому развитію, область пожеланій, увлеченій фантазіи занимаетъ ненадлежащее для юридической науки мѣсто. Точно очерченныя границы наукъ гражданскаго и государственнаго права безъ труда противостоятъ вторженію безполезнаго по своей отвлеченности матеріала. Тщательно отдѣланное построеніе Беллами, въ лучшемъ случаѣ, зачисляется въ разрядъ соціальныхъ романовъ, но ему нечего дѣлать даже въ политикѣ права. Международное право поглощаетъ въ неумѣренномъ количествѣ всѣ измышленія, проповѣди, призывы, всѣ проекты и пожеланія, и тѣмъ несказанно затрудняетъ всякое серьезное изученіе вопроса, а слѣдовательно, и всякій дѣйствительный шагъ впередъ. Если собрать воедино все, что написано о международномъ третейскомъ судѣ, — матеріаловъ было бы достаточно для сушаго наводненія. Но чтобы изъ этого изобилія, накоплявшагося вѣками, извлечь матеріалъ, безспорно пригодный практически, приходится остановиться на

*) Th. d'Armstrong. — Principes généraux du droit international public.

изслѣдованіи нашего профессора Н. Н. Голубева да двухъ-трехъ иностранцевъ.

Подобное положеніе вещей критикуетъ Мериньякъ *), о немъ говоритъ и Голубевъ **). Между тѣмъ, въ этомъ вопросѣ о с о б е н н о, чтобы быть услышаннымъ, нельзя базироваться на философскихъ проектахъ. Указаніе изъ жизни, историческій примѣръ, правильно отмѣченная практическая потребность могутъ быть, главнымъ образомъ, полезны. Но они то и держатъ изслѣдователя близко къ жизни, не давая разойтись его архитектурной фантазіи. Лишь опредѣленные и точные моменты, какъ единственно возможный предметъ обсужденія, могутъ повести также къ практической разработкѣ. И съ этой стороны, приходится только повторить, — каждый маленькій пунктъ, получившій разрѣшеніе, важнѣе самыхъ стройныхъ и блестящихъ плановъ „изъ головы“ всего рекомендуемаго судопроизводства. Важнѣе проектовъ, украшавшихъ еще прошлые вѣка, — приспособленіе къ практикѣ третейскихъ компромиссовъ чьей-нибудь конституціи, или достигнутое соглашеніе относительно личности арбитровъ.

Извѣстно, какъ много споровъ породилъ вопросъ о личномъ составѣ третейскаго суда. Долгое время государства видѣли для себя вопросъ чести и достоинства быть судимыми непремѣнно государями, а не простыми частными лицами. Опытъ третейской юрисдикціи Европы за давніе годы почти и не зналъ иного способа разрѣшенія конфликтовъ. Поперемѣнно, то императоръ Россіи, король Пруссіи или глава иного государства фигурируютъ въ качествѣ высшихъ судей. Высокій рангъ арбитра точно искупаетъ униженіе отъ подчиненія суду, на подобіе простому смертному, независимыхъ державъ. Впервые это мнѣніе подвергнуто критикѣ на свободной почвѣ Англіи и Америки. Кобденъ и Либеръ рѣшительно осуждаютъ установившійся взглядъ. Ихъ доводы: главы государствъ обычно дѣлятъ свою работу съ приближенными лицами, отчего въ ихъ рѣшеніи принимаютъ участіе и лица, сторонамъ неизвѣстныя и безотвѣтственныя; рѣдко случа-

*) Mérignhac. — Traité théorétique et pratique de l'arbitrage international.

**) Н. Голубевъ. — Задачи и пріемы изслѣдованія вопроса о международной организаціи. („Юридическія Записки“, 1913. Вып. I/II).

ется, чтобы политическій интересъ суверена былъ совершенно чуждъ спору, отсюда—неполная гарантія безпристрастности.

Занимательны возраженія на это Пальмерстона. Онъ ссылался на неслыханность доселѣ подобной практики: никогда въ третейскіе споры между государствами не были избираемы частныя лица; онъ указывалъ также на некомпетентность частныхъ лицъ: ихъ занятія и привычки не даютъ имъ никакой опытности для правильнаго сужденія о международныхъ событіяхъ *).

Сторонники мнѣнія Кобдена-Либера сочувственно, какъ этапъ въ разбираемомъ вопросѣ, цитируютъ предложеніе, сдѣланное въ 1866 году Соединенными Штатами о преимущественномъ избраніи въ третейскіе судьи извѣстныхъ юристовъ нейтральныхъ странъ. Ученая репутація въ послѣднее время, дѣйствительно, стала почитаться, какъ наиболѣе вѣрная гарантія правильности выбора, и въ этомъ, помимо достиженія извѣстной практической ясности, также шагъ впередъ въ признаніи самой идеи суда.

Насколько медленно даже отдѣльныя положенія мирной международной организаціи завоевываютъ признаніе, показываетъ судьба записки о разоруженіи, поданной Роленъ-Жакмэномъ Институту международнаго права. Юристъ-ученый, бывшій министръ юстиціи Бельгіи и членъ Института международнаго права, Роленъ-Жакмэнъ предложилъ на разрѣшеніе съѣзду Института, 9 сентября 1887 г., слѣдующіе вопросы о разоруженіи.—Каково отношеніе общепризнанныхъ принциповъ международнаго права къ возможнымъ договорамъ между государствами о взаимномъ ограниченіи вооруженій, и каковы тѣ мѣры, которыя могли бы быть приняты для обезпеченія подобныхъ договоровъ. И вотъ—отношеніе къ возбужденнымъ вопросамъ учрежденія, спеціальныя задачи котораго состоятъ въ развитіи положеній международнаго права.—Институтъ рѣшительно отвергъ предложеніе Роленъ-Жакмэна, опасаясь замарать репутацію строго ученаго собранія, имѣющаго въ виду лишь практически достижимыя цѣли; онъ не могъ отнестись съ довѣріемъ къ „мечтѣ“ увидѣть великія державы согласившимися взаимно

*) Л. Камаровскій.—О международномъ судѣ.

уменьшить свои вооруженія и военныя издержки, или же даже просто остановить ихъ непрерывный ростъ. Онъ опасался слишкомъ большого сродства предлагаемаго вопроса съ политикой,—опасался, чтобы обсужденіе его не уравняло Института съ обществами, кричащими о вѣчномъ мирѣ. Автору записки было отказано даже въ обсужденіи ея. Мотивомъ фигурировало опасеніе поставить себя въ смѣшное положеніе. Раздавались мнѣнія, что въ интересахъ достоинства Института было бы полезно затереть всякій слѣдъ злосчастной иниціативы *).

Такъ, въ близкое къ намъ время, мысль, которая въ теченіе столѣтій **) повторялась на всѣ лады, оказывается безконечно чужда даже сознанію спеціально подготовленныхъ людей. Ибо не слово, какъ бы упорно оно ни повторялось, и сколь красиво ни было, но реальная жизненная среда диктуетъ смѣну правовыхъ явленій. А въ ней мы имѣемъ только слѣдствіе великаго множества причинъ, большихъ и малыхъ, надъ чѣмъ трудились невидимо вѣка и поколѣнія, что не поддается искусственнымъ, въ угоду теоріи навязаннымъ формамъ, но слѣдуетъ законамъ собственнаго развитія. Жизнь можно изувѣчить, можно разрушить до основанія, но нельзя заставить измѣнить этимъ законамъ.

Намъ недалеко ходить за примѣромъ. „Соціалистическіе опыты“ въ Россіи, убившіе страну, обрекшіе уничтоженію малѣйшіе признаки культуры, а населеніе физическому и моральному вырожденію,—ужасающій въ своей наглядности примѣръ. Сбылось предсказаніе для этого случая Георгія Валентиновича Плеханова.—„Что будетъ тогда?“—писалъ онъ еще въ 80-хъ годахъ.—„О, тогда произойдетъ позорнѣйшее фіаско русской соціалистической партіи! Она вынуждена будетъ взяться за дѣло такой „организаціи“, для которой у нея не хватитъ ни силъ, ни

*) Сборникъ „Право и миръ“. — „Юридическій характеръ вопроса о разоруженіи“.

**) Интересно, что вопросъ о разоруженіи составлялъ предметъ дѣятельной трактовки европейскихъ правительствъ въ 1816 году. Обязанное почину англійскаго принца-регента предложеніе заключалось въ томъ, чтобы спеціальная международная конференція опредѣлила нормальный мирный составъ арміи для каждой державы. (Martens.—Recueil, t. IV).

пониманія. Все соединится для того, чтобы нанести ей пораженіе“ *).

Естественно, что Плехановъ предвидѣлъ также случаи, когда необходимо „оставить въ покоѣ противниковъ своей идеи и ополчиться на ея не по разуму усердныхъ сторонниковъ“ **). Такой „случай“, къ великому сожалѣнію, представилъ отъ начала до конца „трагифарсъ“ русской революціи.—Въ послѣднее время большевики съ чрезвычайнымъ усердіемъ старались въ объективныхъ условіяхъ жизни открыть причины, побудившія присоединяться къ ихъ идеѣ экономически болѣе отсталыя области. Они пришли къ тому, что отсталость сама по себѣ въ ихъ глазахъ пріобрѣла полноцѣнныя свойства. Экономически отсталые народы, указывали они, свободны отъ комплекса идей и представленій, навязанныхъ длительнымъ буржуазнымъ режимомъ; они легче рвутъ со старымъ грузомъ, даютъ болѣе благопріятный матеріалъ для революціи. Такимъ образомъ, на голову была опрокинута вся теорія историческаго матеріализма. Принявшіе выводъ отвергли весь путь, который къ нему привелъ. Въ такихъ условіяхъ было естественно неслыханное въ исторіи народовъ пренебреженіе къ демократіи. Длиннымъ рядомъ лѣтъ, безсмѣнной борьбою завоеванныя гарантіи стали только „гнилымъ наслѣдіемъ буржуазіи“.

Такое грубое заблужденіе чуждо циммервальдистамъ перваго періода революціи. Но развѣ съ нимъ не связало ихъ нерасторжимой связью великое презрѣніе къ буржуазіи равно демократической Англіи, какъ прусской Германіи, и ихъ увѣренность въ великомъ международномъ призваніи „россійскаго отряда Интернаціонала“. Самый отсталый классъ самой отсталой страны призывался творить наиболѣе высокій видъ права. Точно право возможно творить изъ себя, точно для этого не требуется никакихъ условій во внѣшнемъ мірѣ, и достаточно лишь механической принадлежности къ рабочему классу. Но тогда необъяснимы всѣ разсужденія о величайшей важности длительной и упорной

*) Г. Плехановъ.—Наши разногласія.

**) Г. Плехановъ. — Маннгеймъ. („Соврем. Жизнь“, 1906 г. Сентябрь—октябрь).

работы по воспитанію рабочаго класса, безполезны многочисленные, на эту тему написанные труды. Непонятно и то обстоятельство, почему въ Америкѣ, въ которой соціалъ-демократическое движеніе развито особенно слабо, гдѣ рабочій классъ почти не составляетъ активно дѣйствующей политической силы *), международное право сдѣлало особенно крупныя завоеванія.

Произошло то же роковое заблужденіе, отъ котораго съ тревогой предостерегалъ Плехановъ еще въ первую революцію 1905-6 года.—Была слишкомъ низко оцѣнена способность къ развитію капитализма и безразсудно переоцѣнена способность къ иниціативѣ безсознательнаго большинства пролетаріата **). Принявшіе выводъ забыли путь, къ нему приведшій,—путь долгихъ лѣтъ развитія политической и экономической организаціи.

Это развитіе, буржуазное развитіе, обогатило человѣчество неслыханной цѣнности завоеваніями — демократическими. Неуваженіе къ этимъ завоеваніямъ, и даже недостаточно сознательная оцѣнка ихъ представляютъ грубѣйшую ошибку, свидѣтельствующую о полной моральной и правовой невоспитанности. Потому что развитая демократія это—тѣ условія среды, тотъ необходимый матеріалъ, изъ котораго единственно возможно созиданіе новаго права мирныхъ международныхъ отношеній.

Людовикъ XIV любилъ говаривать объ Англіи: „англичане слишкомъ дорожатъ свободой, чтобы любить войну“ ***). Современная Германія подтвердила это положеніе отрицательнымъ примѣромъ. Гордая своею организованностью, мощью, своимъ благоустройствомъ и успѣхами, эта страна была политически неспособна усвоить идеалы мира. Поэтому она могла только затруднять развитіе международнаго права. Мы убѣдились въ этомъ на Гаагскихъ конференціяхъ. Но тамъ была одна только официальная Германія. А вотъ поведеніе Германіи неофиціальной, ея общественно-парламентскихъ круговъ.

---

*) Werner Sombart.—Warum giebt es in den Vereinigten Staaten keinen Socialismus?

**) Г. Плехановъ. — Отъ обороны къ нападенію. (Двадцатипятилѣтіе смерти Маркса).

***) Laurent.—Études sur l'histoire de l'humanité, t. XI.

Среди активно дѣйствующихъ факторовъ мирнаго устройства народовъ въ концѣ прошлаго столѣтія появился новый—междупарламентскія конференціи. Это—періодически созываемыя собранія депутатовъ различныхъ палатъ Европы, поставившія себѣ цѣлью заботы о признаніи государствами принципа третейскаго суда и безостановочное развитіе публичнаго международнаго права. Такъ какъ здравыя мысли и практически осуществимыя улучшенія слишкомъ часто задерживались реализаціей только потому, что правительства представляли мало подвижную среду для проведенія новыхъ взглядовъ,—междупарламентскія конференціи предназначались служить какъ бы посредствующимъ звеномъ. Роднящія общественное мнѣніе съ правительственными кругами, онѣ должны были бороться съ задерживающими реформы предразсудками. Для этого, въ силу политическаго положенія членовъ конференцій, открывалась широкая возможность въ законодательныхъ учрежденіяхъ отдѣльныхъ странъ.

Делегаты отъ Германіи впервые появляются на второй междупарламентской конференціи, въ іюлѣ 1890 года въ Лондонѣ, и сразу вносятъ специфически прусскій духъ. Когда занятія конгресса подошли къ обсужденію предложенія создать при парламентахъ особыя комиссіи, задачей которыхъ было бы мирное улаженіе возникающихъ международныхъ несогласій, германцы рѣшительно этому воспротивились. Французы, напротивъ, очень отстаивали предложенную мѣру. Тогда въ дебатахъ, со стороны германскихъ депутатовъ, былъ сдѣланъ грубый намекъ на Эльзасъ-Лотарингію. Оскорбленные отвѣчали, что „Франція никогда не отрѣшится отъ холоднаго и сдержаннаго отношенія къ Германіи, покуда Эльзасъ-Лотарингія не будетъ нейтрализована". На это послѣдовало заявленіе, что status quo никогда не будетъ измѣнено.

Безтактность грубыхъ завоевателей была выказана германскими депутатами и въ созывъ слѣдующей, третьей междупарламентской конференціи, которая засѣдала въ Римѣ. На этотъ разъ инцидентъ едва не повелъ къ срыву самой конференціи. Нѣмцы условіемъ своего пріѣзда выставили замѣну предсѣдателя, „призывающаго болѣе къ войнѣ, нежели къ миру". Конференцію, собиравшуюся въ Италіи, въ силу обычая, долженъ

былъ открыть предсѣдатель итальянскаго парламентскаго комитета. Эту должность временно замѣщалъ Бонги, вина котораго состояла въ написаніи журнальной статьи, гдѣ онъ, называя аннексію 1870 г. актомъ насильства, полагалъ, что этотъ вопросъ можетъ и долженъ быть перерѣшенъ *).

Отличавшаяся блескомъ своего „отряда Интернаціонала", Германія вела себя лишь въ мѣру своей демократичности. Антидемократическая страна, не взирая ни на какія побочныя обстоятельства, не могла дать больше того, что давала. И это оказывалось равномѣрно примѣнимо къ Германіи Гогенцоллерновъ, какъ къ Германіи имперскаго рейхстага. Еще германскій ученый Іерингъ училъ, что право есть благо, которое не дается исторіей даромъ, не подарено ею ни одному народу, а пріобрѣтается путемъ трудной борьбы, нерѣдко кровавыхъ подвиговъ.

Такой „кровавый подвигъ" по пути пріобщенія народа къ развитому международному праву заключается въ завоеваніяхъ демократіи и ея гарантіяхъ. Только черезъ демократію, со всею обезпеченностью ея положеній, возможно достиженіе высокаго международно-правового сознанія. Такой путь имѣетъ свою логику.

Для того, чтобы отдѣльный человѣкъ могъ почувствовать себя членомъ государства, онъ долженъ былъ „преодолѣть" въ себѣ чувство обособленности своей собственной личности. Это преодолѣніе было возможно лишь однимъ порядкомъ,—черезъ укрѣпленіе и обезпеченіе его правъ, какъ лица, какъ члена семьи, ячейки. Эти права—личныя, семейныя, имущественныя должны были стать неотъемлемыми, превратиться въ своего рода крѣпость. Человѣкъ долженъ былъ ощутить себя свободнымъ отъ безпрерывныхъ, тревожащихъ заботъ объ ихъ охранѣ и утвержденіи. И лишь съ этого момента государство могло разсчитывать найти въ немъ не настороженнаго противника, но своего сотрудника. Чтобы стать гражданиномъ, человѣкъ долженъ былъ

*) Rouard de Card. — Les destinées de l'arbitrage international. La Conférence interparlamentaire (Revue mensuelle).

стать личностью, со всею непоколебимою обезпеченностью своихъ правъ.

Но точно такъ же, какъ для того, чтобы проникнуться интересами гражданина, пришлось пройти черезъ утвержденіе своихъ интересовъ, какъ лица,—путь къ усвоенію интересовъ международнаго гражданства лежитъ черезъ непререкаемость правъ гражданина. Мы прослѣдили выше необходимую внѣшнюю связь народной демократіи съ устойчивостью международнаго мира. Но эта связь обладаетъ также внутренними чертами. Не можетъ почва, которая не знала гражданъ, но плодила только рабовъ, властныхъ и наглыхъ въ отношеніи слабыхъ, лежащихъ во прахѣ передъ сильными, внезапно вскормить высокое пониманіе международно-правовой солидарности. Предваряющій его этапъ это—сознаніе гражданско-правовой солидарности, это—претворенный въ неотторжимую человѣческую потребность идеалъ свободнаго самоуправляющагося государства. Не народъ, представляющій слѣпой объектъ управленія, но народъ, самъ субъектъ управленія и его живая душа, можетъ проникнуться судьбами своего государства, можетъ чувствовать и понимать ихъ. Только подлинное участіе въ созиданіи государственныхъ благъ и отвѣтственность за ихъ сохранность и свободное развитіе открываетъ глаза на тѣсную переплетенность общихъ судебъ государствъ, выясняетъ важность взаимныхъ ограниченій.

„Одни свободные народы могутъ предпочесть интересы человѣчества узкимъ собственнымъ интересамъ“, говорилъ Вильсонъ въ своемъ посланіи къ американскому народу 4-го апрѣля. И слова его глубоко справедливы. Ибо, какъ человѣческій индивидъ дозрѣлъ до свободы лишь съ пониманіемъ необходимости ограничить себя въ пользу общаго блага, такъ же лишь свободный народъ свой узкій собственный интересъ склоняетъ предъ интересами человѣчества. Усвоившій не на словахъ только существо свободы, онъ видитъ дальше и зорче, и въ человѣческомъ международномъ правѣ постигаетъ наилучшее утвержденіе и неприкосновенность своего собственнаго права.

Въ 1843 году первый частный съѣздъ О-въ мира, собравшійся въ Лондонѣ, обратился къ 54 правительствамъ съ просьбой

бой вносить во всѣ ихъ договоры условіе объ обращеніи къ посредничеству. Мало кто удостоилъ его отвѣтомъ. Но отозвался президентъ Соединенныхъ Штатовъ. Его отвѣтъ ярко поучителенъ. „Дайте народу образованіе, дайте ему права,—гласилъ онъ,—и онъ потребуетъ мира, столь необходимаго для его благоденствія".

Русскій народъ не имѣлъ ни образованія, ни правъ. Такъ удивительно ли, что призывавшійся дать миръ всему міру, онъ далъ страшнѣйшую изъ войнъ—гражданскую войну, въ размѣрахъ и формахъ, какихъ не знавала исторія человѣчества.

1918 г. Ноябрь.
Кіевъ.

Приложенія.

I.

Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

I.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ НАРОДАМЪ ВСЕГО МІРА.

Товарищи пролетаріи и трудящіеся всѣхъ странъ!

Мы, русскіе рабочіе и солдаты, объединенные въ петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, шлемъ вамъ нашъ пламенный привѣтъ и возвѣщаемъ о великомъ событіи: Россійская демократія повергла въ прахъ вѣковой деспотизмъ царя и вступаетъ въ вашу семью полноправнымъ членомъ и грозною силою въ борьбѣ за наше общее освобожденіе.

Наша побѣда есть великая побѣда всемірной свободы и демократіи. Нѣтъ больше главнаго устоя міровой реакціи и жандарма Европы.

Да будетъ тяжкимъ гранитомъ земля на его могилѣ!

Да здравствуетъ свобода!

Да здравствуетъ международная солидарность пролетаріата и его борьба за окончательную побѣду!

Наше дѣло еще не завершено. Еще не разсѣялись тѣни стараго порядка и не мало враговъ собираютъ силы противъ русской революціи. Но все же огромно наше завоеваніе. Народы Россіи выразятъ свою волю въ Учредительномъ Собраніи, которое будетъ созвано въ ближайшій срокъ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

И уже сейчасъ можно съ увѣренностью предсказать, что въ Россіи восторжествуетъ демократическая республика.

Русскій народъ обладаетъ полной политической свободой. Онъ можетъ нынѣ сказать свое властное слово во внутреннемъ распорядкѣ страны и во внѣшней ея политикѣ.

Мы обращаемся ко всѣмъ народамъ, истребляемымъ и разоряемымъ въ чудовищной войнѣ. Мы заявляемъ, что наступила

пора начать рѣшительную борьбу съ захватными стремленіями правительствъ всѣхъ странъ.

Наступила пора народамъ взять въ свои руки рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ.

Въ сознаніи своей революціонной силы, россійская демократія заявляетъ, что она будетъ всѣми мѣрами противодѣйствовать захватной политикѣ своихъ господствующихъ классовъ и она призываетъ народы Европы къ совмѣстнымъ рѣшительнымъ выступленіямъ въ пользу мира.

Мы обращаемся къ нашимъ братьямъ пролетаріямъ австро-германской коалиціи и прежде всего къ германскому пролетаріату.

Съ первыхъ дней войны васъ убѣждали въ томъ, что, поднимая оружіе противъ самодержавной Россіи, вы защищаете культуру Европы отъ азіатскаго деспотизма. Многіе изъ насъ видѣли въ этомъ оправданіе той поддержки, которую вы оказали войнѣ. Нынѣ не стало и этого оправданія. Демократическая Россія не можетъ быть угрозой свободѣ и цивилизаціи. Мы будемъ стойко защищать нашу собственную свободу отъ всякихъ реакціонныхъ посягательствъ какъ изнутри, такъ и извнѣ. Русская революція не отступитъ передъ штыками завоевателей и не позволитъ раздавить себя внѣшней военной силѣ.

Но мы призываемъ васъ сбросить съ себя иго вашего полусамодержавнаго порядка.

Подобно тому, какъ русскій народъ стряхнулъ съ себя царское самовластіе, откажитесь служить орудіемъ захвата и насилія въ рукахъ королей, помѣщиковъ и банкировъ, и дружными объединенными усиліями мы прекратимъ страшную бойню, позорящую человѣчество и омрачающую великіе дни рожденія русской свободы.

Трудящіеся всѣхъ странъ! Братски протягивая вамъ руку черезъ горы братскихъ труповъ, черезъ рѣки невинной крови и слезъ, черезъ дымящіяся развалины городовъ и деревень, черезъ погибшія сокровища культуры, мы призываемъ васъ къ возстановленію и укрѣпленію международнаго единства. Въ немъ

залогъ нашихъ грядущихъ побѣдъ и полнаго освобожденія человѣчества.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

14-го марта 1917 г.

II.

ОБРАЩЕНІЕ КЪ ПОЛЬСКОМУ НАРОДУ.

Царскій режимъ, въ теченіе полутора вѣковъ угнетавшій польскій народъ одновременно съ русскимъ, ниспровергнутъ объединенными силами пролетаріата и войскъ. Извѣщая польскій народъ объ этой побѣдѣ свободы надъ всероссійскимъ жандармомъ, петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ заявляетъ, что демократія Россіи стоитъ на почвѣ признанія національно-политическаго самоопредѣленія народа, и возглашаетъ, что Польша имѣетъ право быть совершенно независимой въ государственномъ и международномъ отношеніи. Посылаемъ польскому народу свой братскій привѣтъ и желаемъ ему успѣха въ предстоящей борьбѣ за водвореніе въ независимой Польшѣ демократически-республиканскаго строя.

14-го марта 1917 г.

2.

I.

НОТА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ П. Н. МИЛЮКОВА СОЮЗНЫМЪ ДЕРЖАВАМЪ.

27 марта сего года Временное Правительство опубликовало обращеніе къ гражданамъ, въ которомъ содержится изложеніе взглядовъ Правительства свободной Россіи на задачи настоящей войны. Министръ иностранныхъ дѣлъ поручаетъ мнѣ сообщить вамъ означенный документъ и высказать при этомъ слѣдующія замѣчанія. — Враги наши въ послѣднее время старались внести раздоръ въ междусоюзныя отношенія, распространяя вздорныя сообщенія, будто Россія готова заключить сепаратный миръ съ срединными монархіями. Текстъ прилагаемаго документа лучше всего опровергаетъ подобныя измышленія. Вы усмотрите изъ него, что высказанныя Временнымъ Правительствомъ общія положенія вполнѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ высокимъ идеямъ, которыя постоянно высказывались, вплоть до самаго послѣдняго времени, многими выдающимися государственными дѣятелями союзныхъ странъ, и которыя нашли себѣ особенно яркое выраженіе со стороны нашего новаго союзника, великой заатлантической республики, въ выступленіяхъ ея президента. Правительство стараго режима, конечно, не было въ состояніи усвоить и раздѣлить эти мысли объ освободительномъ характерѣ войны, о созданіи прочныхъ основъ для мирнаго сожительства народовъ, о самоопредѣленіи угнетенныхъ національностей и т. п. Но Россія освобожденная можетъ въ настоящее время заговорить языкомъ, понятнымъ для передовыхъ демократій современнаго человѣчества, и она спѣшитъ присоединить свой голосъ къ голосамъ своихъ союзниковъ. Проникнутыя этимъ новымъ духомъ освобожденной демократіи, заявленія Временнаго Правительства, разумѣется, не могутъ подать ни малѣйшаго повода думать, что совершившійся перево-

ротъ повлекъ за собой ослабленіе роли Россіи въ общей союзной борьбѣ. Совершенно напротивъ, всенародное стремленіе довести міровую войну до рѣшительной побѣды лишь усилилось, благодаря сознанію общей отвѣтственности всѣхъ и каждаго. Это стремленіе стало болѣе дѣйственнымъ, будучи сосредоточено на близкой для всѣхъ и очередной задачѣ — отразить врага, вторгнувшагося въ самые предѣлы нашей родины. Само собой разумѣется, какъ это и сказано въ сообщаемомъ документѣ, Временное Правительство, ограждая права нашей родины, будетъ вполнѣ соблюдать обязательства, принятыя въ отношеніи нашихъ союзниковъ. Продолжая питать полную увѣренность въ побѣдоносномъ окончаніи настоящей войны, въ полномъ согласіи съ союзниками, оно совершенно увѣрено и въ томъ, что поднятые этой войной вопросы будутъ разрѣшены въ духѣ созданія прочной основы для длительнаго мира и что проникнутыя одинаковыми стремленіями передовыя демократіи найдутъ способъ добиться тѣхъ гарантій и санкцій, которыя необходимы для предупрежденія новыхъ кровавыхъ столкновеній въ будущемъ.

18-го апрѣля 1917 г.

II.

РЕЗОЛЮЦІЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА СОВѢТА РАБОЧИХЪ И СОЛДАТСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ горячо привѣтствуетъ революціонную демократію Петрограда, своими митингами, резолюціями и демонстраціями засвидѣтельствовавшую напряженное вниманіе къ вопросамъ внѣшней политики и свою тревогу по поводу возможнаго отклоненія этой политики въ старое русло захватнаго имперіализма. Нота министра иностранныхъ дѣлъ отъ 18-го апрѣля давала основанія къ такой тревогѣ.

Временное Правительство совершило актъ, котораго добивался Исполнительный Комитетъ. Оно сообщило текстъ своей декларацiи отъ 27-го марта объ отказѣ отъ захватовъ правитель-

ствамъ союзныхъ державъ. Тѣмъ самымъ оно ставитъ ихъ въ необходимость высказаться передъ лицомъ своихъ демократій и всего міра по вопросу о захватахъ и цѣляхъ войны вообще.

Однако, нота министра иностранныхъ дѣлъ сопроводила сообщеніе декларації союзнымъ правительствамъ такими комментаріями, которые не могли быть поняты иначе, какъ попытка умалить дѣйствительное значеніе предпринятаго шага. Своимъ требованіемъ, своими выраженіями, своими формулами, взятыми изъ арсенала ненавистной народу дипломатіи стараго режима, нота эта была способна возбудить справедливое опасеніе, будто Временное Правительство намѣрено въ области международныхъ отношеній сойти съ того пути отказа отъ захватной политики, на который стало 27-го марта. Единодушный протестъ рабочихъ и солдатъ Петрограда показалъ Временному Правительству и всѣмъ народамъ міра, что никогда революціонная демократія не помирится съ возвращеніемъ къ задачамъ и пріемамъ царистской внѣшней политики, и что ея дѣломъ остается и будетъ оставаться непреклонная борьба за международный миръ.

Заявляя свою непреклонную рѣшимость стоять и впредь на этомъ пути борьбы за миръ, Исполнительный Комитетъ призываетъ всю революціонную демократію Россіи тѣснѣе сплачиваться вокругъ своихъ совѣтовъ и выражаетъ твердую увѣренность, что народы всѣхъ воюющихъ странъ сломятъ сопротивленіе своихъ правительствъ и заставятъ ихъ вступить въ переговоры о мирѣ на почвѣ отказа отъ аннексій и контрибуцій.

21 апрѣля 1917 г.

3.

Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ СОЦІАЛИСТАМЪ ВСѢХЪ СТРАНЪ.

Россійская революція родилась въ огнѣ міровой войны. Эта война является чрезвычайнымъ преступленіемъ имперіалистовъ всѣхъ странъ, своей алчностью къ захватамъ, своей безумной скачкой вооруженій, подготовлявшихъ и дѣлавшихъ неизбѣжнымъ міровой пожаръ. Каковы бы ни были повороты военнаго счастья, имперіалисты всѣхъ странъ одинаково являются въ этой войнѣ побѣдителями. Война дала и даетъ имъ чудовищную прибыль, скапливаетъ въ ихъ рукахъ колоссальные капиталы, надѣляетъ ихъ неслыханною властью надъ личностью, трудомъ и самою жизнью трудящихся. Но именно поэтому трудящіеся всѣхъ странъ одинаково являются въ этой войнѣ побѣжденными. На алтарь имперіализма они несутъ безчисленныя жертвы своею жизнью, своимъ здоровьемъ, состояніемъ, своей свободой. На ихъ плечи ложатся несказанныя лишенія. Русская революція — революція трудящихся, рабочихъ и солдатъ. Это—возстаніе не только противъ царизма, но и противъ угрозы міровой войны. Это—первый крикъ возмущенія одного изъ отрядовъ международной арміи труда противъ преступленій международнаго имперіализма. Это—не только революція національная, это—первый этапъ революціи международной, который положитъ конецъ пожару войны и вернетъ человѣчеству миръ.

Русская революція съ самаго момента своего рожденія отчетливо сознала стоящую передъ ней международную задачу. Ея полномочный органъ,—петроградскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ,—въ своемъ воззваніи отъ 27-го марта призвалъ народы всего міра объединиться для борьбы съ русской революціонной демократіей. Она не хочетъ сепаратнаго мира, который

развязалъ бы руки австро-германскому союзу. Она знаетъ, что такой миръ былъ бы измѣной дѣлу рабочей демократіи всѣхъ странъ, которая очутилась бы связанной по рукамъ и ногамъ передъ міромъ торжествующаго имперіализма. Она знаетъ, что такой миръ могъ бы привести къ военному разгрому другихъ странъ и тѣмъ на долгіе годы упрочить торжество идей шовинизма и реванша въ Европѣ, поставить ее въ положеніе вооруженнаго лагеря, какимъ она была послѣ франко-прусской войны въ 1870 году, и тѣмъ неизбѣжно подготовить новую кровавую схватку въ недалекомъ будущемъ. Революціонная демократія Россіи хочетъ мира всеобщаго, на основаніяхъ, пріемлемыхъ для трудящихся всѣхъ странъ, которые не ищутъ захватовъ, не стремятся къ ограбленію, которые одинаково заинтересованы въ свободномъ положеніи всѣхъ народовъ и въ сокрушеніи мощи международнаго имперіализма. Миръ безъ аннексій и контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народовъ, — эта формула, воспринятая безъ заднихъ мыслей пролетарскимъ разумомъ и сердцемъ, даетъ платформу, на которой могутъ и должны столковаться трудящіеся всѣхъ странъ, воюющихъ и нейтральныхъ, чтобы установить прочный миръ общими усиліями и залечить раны, нанесенныя кровавой войной. Временное Правительство революціонной Россіи усвоило эту платформу, и революціонная демократія Россіи обращается прежде всего къ вамъ, соціалистамъ союзныхъ странъ. Вы не должны допускать, чтобы голосъ русскаго временнаго правительства оставался одинокимъ въ союзѣ державъ согласія. Вы должны заставить свои правительства заявить рѣшительно и опредѣленно, что платформа мира безъ аннексій и контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народовъ есть ихъ платформа. Вы дадите нашей революціонной арміи, написавшей на своемъ знамени: „Миръ между народами“, увѣренность, что ея кровавыя жертвы не будутъ употреблены во зло. Вы дадите ей возможность со всѣмъ пыломъ революціоннаго энтузіазма выполнять выпадающія на ея долю боевыя задачи. Вы укрѣпите въ ней вѣру въ то, что, защищая завоеванія революціи и нашей свободы, она въ то же время борется за интересы всей международной демократіи, и тѣмъ будете содѣйствовать скорѣйшему наступленію желаннаго мира. Вы поставите

правительства враждебныхъ странъ передъ необходимостью или такъ же рѣшительно и безповоротно отказаться отъ политики захвата, грабежа и насилія, или открыто признаться въ своихъ преступленіяхъ и тѣмъ обрушить на свои головы справедливый гнѣвъ своихъ народовъ.

Революціонная демократія Россіи обращается къ вамъ, соціалисты австро-германскаго союза. Вы не можете допустить, чтобы войска вашихъ правительствъ стали палачами русской свободы; вы не можете допустить, пользуясь радостнымъ настроеніемъ свободы и братства, охватившимъ революціонную русскую армію, чтобы ваши правительства перебрасывали войска на западный фронтъ, чтобы сначала разрушить Францію, а затѣмъ броситься на Россію и въ концѣ концовъ задушить васъ самихъ и весь международный пролетаріатъ въ міровыхъ объятіяхъ имперіализма. Къ соціалистамъ воюющихъ и нейтральныхъ странъ обращается революціонная демократическая Россія съ призывомъ не допустить торжества имперіалистовъ. Пусть дѣло мира, начатое россійской революціей, будетъ доведено до конца усиліями международнаго пролетаріата. Для объединенія этихъ усилій петроградскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ рѣшилъ взять на себя иниціативу созыва международной конференціи всѣхъ соціалистическихъ партій и фракцій всѣхъ странъ. Каковы бы ни были разногласія, раздиравшія соціализмъ въ теченіе трехъ лѣтъ войны, ни одна фракція пролетаріата не должна отказываться отъ участія въ общей борьбѣ за миръ, поставленный на очередь дня россійской революціей. Мы увѣрены, товарищи, что увидимъ представителей всѣхъ соціалистическихъ группъ на созываемой нами конференціи. Единодушное постановленіе пролетарскаго интернаціонала будетъ первой побѣдой трудящихся надъ интернаціоналомъ имперіалистовъ. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь.

25-го апрѣля 1917 г.

4.

Московская Областная Конференція 65 Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

РЕЗОЛЮЦІЯ ОБЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ВОЙНѢ.

Настоящая война возникла на почвѣ имперіалистическихъ (захватническихъ) стремленій господствующихъ классовъ всѣхъ странъ, направленныхъ къ захватамъ новыхъ земель и подчиненію своему экономическому и политическому вліянію мелкихъ и отсталыхъ государствъ. До сихъ поръ правящіе классы воюющихъ странъ питаютъ эти захватныя стремленія, враждебныя интересамъ рабочаго класса.

Мы призываемъ народы воюющихъ державъ взять дѣло мира въ свои руки, заставивъ свои правительства и свои правящіе классы отказаться отъ захватныхъ стремленій.

Со своей стороны мы заявляемъ, что русскому народу, широкимъ массамъ рабочаго класса и крестьянства, имперіалистическія захватническія цѣли войны чужды, и что русская демократія не желаетъ никакихъ захватовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ необходимымъ, чтобы Временное Правительство Россіи немедленно и вполнѣ ясно опредѣлило свое отношеніе къ вопросу о прекращеніи войны и заявило объ условіяхъ мира, мира безъ аннексій и контрибуцій, съ предоставленіемъ всѣмъ націямъ права на самоопредѣленіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что, разъ война продолжается, мы вынуждены не только въ интересахъ русской революціи, но также и въ интересахъ международной демократіи напречь свои силы на защиту нашей свободы, на защиту русской революціи отъ внѣшняго натиска, прилагая въ то же время всѣ силы къ тому, чтобы идея мира проникла, наконецъ, въ умы всѣхъ воюющихъ народовъ.

XIII

Пріемлемыми условіями мира, который могъ бы считаться прочнымъ, мы признаемъ миръ безъ аннексій (захватовъ) и контрибуцій, съ предоставленіемъ всѣмъ націямъ права на самоопредѣленіе. Мы призываемъ соціалистическія партіи Россіи взять на себя иниціативу созыва международнаго соціалистическаго конгресса для возстановленія международной солидарности пролетаріата и выработки условій мира и мѣръ къ проведенію ихъ въ жизнь.

Мартъ 1917 г.

5.

Организаціонный Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.

РЕЗОЛЮЦІЯ ОБЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ВОЙНѢ И МИРУ.

Признавая самой важной и совершенно неотложной задачей демократіи въ настоящій моментъ борьбу за миръ безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народовъ, борьбу за миръ въ международномъ масштабѣ, мы считаемъ необходимымъ:

1) Мобилизовать общественное мнѣніе и организовать давленіе рабочаго класса и демократіи всей страны на Временное Правительство, чтобы побудить его: а) оффиціально и безусловно отказаться отъ всякихъ завоевательныхъ плановъ, б) взять на себя иниціативу выработки и обнародованія такого же коллективнаго заявленія со стороны всѣхъ правительствъ странъ согласія и в) предпринять необходимые шаги для вступленія совмѣстно съ союзными правительствами на путь мирныхъ переговоровъ.

2) Съ той же цѣлью — обратиться къ пролетаріату всѣхъ воюющихъ странъ съ призывомъ оказать согласованное давленіе на свои правительства, для побужденія ихъ всенародно отказаться отъ какихъ бы то ни было завоевательныхъ стремленій и вступить на путь мирныхъ переговоровъ.

3) Подтверждая наше рѣшеніе и полную готовность поддерживать Временное Правительство въ его дѣятельности, поскольку она направлена къ развитію и упроченію завоеваній революціи, мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что мы будемъ вести рѣшительную борьбу со всякими его попытками явно или замаскировано продолжать завоевательную политику.

4) Вмѣстѣ съ тѣмъ мы вполнѣ сознаемъ ту опасность, которой могли бы подвергнуть дѣло русской революціи и—вмѣстѣ съ ней—международной демократіи военныя пораженія Россіи, и считаемъ, въ виду этого, необходимымъ рѣшительно высказаться противъ всѣхъ дѣйствій, ведущихъ къ дезорганизаціи дѣла обороны.

Мартъ 1917 г.

6.

Всероссійскій съѣздъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

РЕЗОЛЮЦІЯ О ВОЙНѢ.

Настоящая война возникла на почвѣ имперіалистическихъ стремленій господствующихъ классовъ всѣхъ странъ, направленныхъ къ захвату новыхъ рынковъ и подчиненію своему экономическому и политическому вліянію мелкихъ и отсталыхъ странъ.

Она приводитъ къ полному экономическому истощенію всѣхъ странъ и народовъ и ставитъ на край гибели русскую революцію. Поглощая милліоны жизней и милліарды народныхъ средствъ, она грозитъ еще болѣе усилить разруху, оставленную странѣ старымъ режимомъ, толкая ее на голодъ и отвлекая ее отъ творческой работы по укрѣпленію завоеванной свободы.

Всероссійскій съѣздъ Совѣтовъ Р. и С. Деп. признаетъ, что борьба за скорѣйшее окончаніе войны является поэтому важнѣйшей очередной задачей революціонной демократіи, диктуемой, какъ интересами революціи, такъ и стремленіемъ трудящихся всѣхъ странъ прекратить взаимное истребленіе и вновь возстановить свой братскій союзъ для совмѣстной борьбы за полное освобожденіе человѣчества.

Всероссійскій съѣздъ признаетъ: 1) что окончаніе войны, путемъ разгрома одной изъ группъ воюющихъ сторонъ, послужило бы источникомъ новыхъ войнъ и еще болѣе усилило бы рознь между народами и довело бы ихъ до полнаго истощенія, голода и гибели. 2) Что сепаратный миръ усилитъ одну изъ борющихся сторонъ, дастъ ей возможность одержать рѣшительную побѣду надъ другой, усилитъ захватныя стремленія господствующихъ классовъ, не освободитъ Россію отъ тисковъ мірового имперіализма и затруднитъ международное объединеніе трудящихся, а потому съѣздъ категорически отвергаетъ всякую политику, на

дѣлѣ направленную къ осуществленію сепаратнаго мира или его преддверія — сепаратнаго перемирія.

Окончательной гибелью для Россіи была бы попытка съ ея стороны добиться проведенія намѣченной ею программы мира путемъ разрыва съ союзниками и объявленія войны Европѣ.

Въ виду того, что окончаніе войны возможно лишь при условіи объединенныхъ усилій демократіи всѣхъ странъ, съѣздъ признаетъ необходимымъ: а) чтобы революціонная демократія Россіи въ лицѣ ея полномочнаго органа — Всер. Сов. Р., С. и Кр. Д. — обратилась съ призывомъ къ демократіямъ всѣхъ государствъ, чтобы онѣ присоединились къ лозунгу „миръ безъ аннексій и контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народовъ“ и въ этомъ направленіи воздѣйствовали на свои правительства; б) чтобы она всѣми мѣрами содѣйствовала скорѣйшему возсозданію революціоннаго интернаціонала и созыву международнаго соціалистическаго съѣзда для возстановленія международной солидарности трудящихся, выработки окончательныхъ условій мира и мѣръ къ проведенію ихъ въ жизнь; в) чтобы она обратила вниманіе демократіи всѣхъ воюющихъ странъ на то, что ихъ недостаточно энергичное противодѣйствіе послѣднимъ заявленіямъ ихъ правительствъ о захватныхъ цѣляхъ войны ставитъ въ крайне тяжелое положеніе русскую революцію и затрудняетъ международное единеніе трудящихся.

Для осуществленія этихъ задачъ необходима немедленная посылка делегацій въ союзныя и нейтральныя страны и приглашеніе въ Россію изъ этихъ странъ делегацій отъ всѣхъ соціалистическихъ теченій.

Съѣздъ рѣшительно протестуетъ противъ затрудненій, которыя ставятся имперіалистическими правительствами посылкѣ этихъ делегацій.

Іюнь 1917 г.

7.

Объединенный съѣздъ Р. С.-Д. Р. П.

I.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ РЕВОЛЮЦІИ О ПОЛИТИЧЕСКОМЪ МОМЕНТѢ И ЗАДАЧАХЪ ПАРТІИ.

(Пункты 3-ій и 4-ый).

3. Вмѣстѣ съ тѣмъ широкіе слои имущихъ классовъ обнаруживаютъ, особенно усилившееся послѣ событій 3—5 іюля, стремленіе къ порядку во что бы то ни стало и идутъ за ведущими безотвѣтственную политику вліятельными кругами буржуазіи, упорно сопротивляющимися демократическимъ революціоннымъ завоеваніямъ народа. Эти круги въ союзѣ съ организующейся контръ-революціей стремятся использовать военныя неудачи и внутреннія затрудненія страны для установленія сильной антидемократической власти съ цѣлью разрушить демократическія организаціи въ тылу и на фронтѣ, привести къ покорности народныя массы, пролетаріатъ и армію. Вліяніе этихъ безотвѣтственныхъ круговъ буржуазіи, ведущихъ, во имя своихъ корыстныхъ интересовъ, страну къ разрушенію и къ упадку ея производительныхъ силъ, можетъ быть парализовано лишь рѣшительной борьбой противъ нихъ объединенной демократіи и ея творческой работой въ дѣлѣ укрѣпленія фронта и тыла революціонной Россіи.

4. Разстройство рядовъ демократіи и безотвѣтственная политика вліятельныхъ круговъ буржуазіи въ связи съ очерченнымъ общимъ положеніемъ страны въ значительной мѣрѣ обезсиливали до послѣдняго времени революціонное Временное Правительство и тормозили его творческую работу по проведенію демократической программы. Къ этому присоединились ошибки и отклоненія отъ рѣшительной революціонно-демократической линіи въ области внутренней и внѣшней политики самого Временнаго Правитель-

ства, не проявившаго достаточной энергіи въ борьбѣ съ контръ-революціей и съ вліяніемъ безотвѣтственныхъ круговъ буржуазіи, допустившаго примѣненіе системы репрессій въ качествѣ метода борьбы съ однимъ изъ теченій въ рядахъ демократіи и недостаточно рѣшительно и послѣдовательно опиравшагося въ своей политикѣ на всю организованную демократію.

Августъ 1917 г.

II.

РЕЗОЛЮЦІЯ О ВОЙНѢ И МИРѢ.

1. Могучей поборницѣ мира и возрожденія къ свободѣ народовъ, россійской революціи, грозитъ крушеніе и гибель. Удары, нанесенные войскамъ Вильгельма на фронтѣ русскимъ революціоннымъ арміямъ, непосредственно и всею тяжестью падая на демократическую Россію, являются сильнѣйшей угрозой дѣлу всеобщаго мира на началахъ, провозглашенныхъ россійской революціонной демократіей. Въ тотъ день, когда подъ натискомъ войскъ, выполняющихъ волю германскаго имперіализма и подъ напоромъ русской контръ-революціи, падетъ россійская революція, погибнетъ дѣло всеобщаго мира, и на долгіе годы замедлится возрожденіе международнаго пролетаріата. Въ этотъ трагическій часъ, когда демократія Россіи напрягаетъ послѣднія усилія къ спасенію страны, съѣздъ не теряетъ вѣры, что международный пролетаріатъ исполнитъ свой соціалистическій долгъ и сдѣлаетъ дѣло нашей революціи своимъ дѣломъ, порвавъ съ политикой гражданскаго мира въ интересахъ революціонной борьбы за миръ, и смѣло, въ сознаніи отвѣтственности за будущее международнаго рабочаго движенія, поспѣшитъ на помощь революціонной демократіи Россіи въ ея борьбѣ за всеобщій миръ, за спасеніе рожденной въ мукахъ міровой войны республики отъ разгрома имперіалистическими силами Австро-Германіи.

2. Въ согласіи съ ранѣе возвѣщеннымъ отношеніемъ нашимъ къ войнѣ и миру, Съѣздъ полагаетъ, что и въ настоящихъ усло-

віяхъ единственный путь ко всеобщему миру на началахъ, пріемлемыхъ для демократіи, лежитъ черезъ возстановленіе единства международнаго пролетаріата для согласованной борьбы за миръ и черезъ самую рѣшительную защиту россійской революціи, сильнѣйшаго фактора мира, отъ внѣшняго и внутренняго разгрома.

3. Призывая пролетаріевъ всѣхъ странъ къ настойчивой борьбѣ за всеобщій миръ, миръ безъ аннексій и контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народовъ, и къ энергичному сопротивленію имперіалистамъ всѣхъ странъ, затягивающимъ войну до полнаго истощенія народовъ, въ надеждѣ силою оружія продиктовать свою волю побѣжденному, соціалъ-демократія вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно отвергаетъ миръ сепаратный, который нанесетъ еще большій ударъ единству международнаго пролетаріата, приведетъ къ униженію и порабощенію свободной Россіи міровому имперіализму и въ дѣйствительности принесетъ народу не миръ, а подневольное участіе въ войнѣ въ составѣ нынѣ враждебной коалиціи.

4. Привѣтствуя соціалистическія партіи, согласившіяся принять участіе въ Стокгольмской конференціи, и выражая свою солидарность со всѣми соціалистическими партіями и меньшинствами, ведущими непримиримую классовую борьбу съ имперіализмомъ, Съѣздъ протестуетъ противъ препятствій, которыя ставятся конференціи имперіалистическими правительствами и выражаетъ твердую увѣренность, что усиліями международнаго пролетаріата, который сумѣетъ обезпечить для себя свободное проявленіе своей воли, преодолѣны будутъ всѣ препятствія къ созыву конференціи.

5. Тяжкій ударъ, нанесенный революціонной арміи германскими войсками на рижскомъ фронтѣ, еще разъ со всею ужасающей очевидностью вскрываетъ опасность, которую военный разгромъ несетъ странѣ и дѣлу мира. Въ усиліяхъ принудить Россію къ сепаратному миру и обезпечить торжество военной силы надъ международной борьбой пролетаріата, германскіе имперіалисты двинули свои войска противъ Петрограда, сердца россійской революціи, чтобы одновременно убить и россійскую демократическую республику, и борьбу международнаго проле-

таріата за всеобщій миръ. Въ такихъ условіяхъ вся воля россійскаго пролетаріата должна быть направлена къ отраженію непріятельскаго нашествія и къ спасенію страны и революціи. Съѣздъ призываетъ соціалистическій пролетаріатъ и всю демократію въ этотъ рѣшающій часъ тѣснѣе сплотиться вокругъ дѣла защиты страны, чтобы отвести смертельный ударъ, повисшій надъ революціонной Россіей.

Августъ 1917 г.

8.

Инструкція делегату Ц. И. К., избранному для участія на Парижской конференціи.

(Наказъ Скобелеву).

Центральный Исполнительный Комитетъ принялъ слѣдующія положенія, которыми делегатъ долженъ руководствоваться въ своей миссіи.

Новый договоръ долженъ быть гласнымъ въ вопросѣ о цѣляхъ войны. Договоръ долженъ быть построенъ на принципѣ „миръ безъ аннексій и контрибуцій на основѣ права націй на самоопредѣленіе".

1) Непремѣннымъ условіемъ мира является выводъ нѣмецкихъ войскъ изъ занятыхъ областей Россіи. Россія представляетъ полное самоопредѣленіе Польшѣ, Литвѣ и Латвіи.

2) Турецкая Арменія получаетъ полную автономію, а затѣмъ и право самоопредѣленія послѣ того, какъ тамъ будутъ введены мѣстныя власти и созданы международныя гарантіи.

3) Эльзасъ-Лотарингскій вопросъ долженъ быть разрѣшенъ на основѣ опроса Эльзасъ-Лотарингскаго населенія при условіи полной свободы голосованія. Опросъ долженъ быть организованъ мѣстнымъ самоуправленіемъ послѣ вывода войскъ обѣихъ коалицій изъ провинціи.

4) Бельгія должна быть возстановлена въ прежнихъ границахъ. Возмѣщеніе убытковъ должно быть произведено изъ международнаго фонда.

5) Сербія и Черногорія должны быть возстановлены и получить матеріальную помощь изъ интернаціональнаго фонда помощи. Сербія должна имѣть доступъ къ Адріатическому морю. Автономія Босніи и Герцоговины.

6) Спорныя области на Балканахъ получаютъ временную автономію съ послѣдующимъ плебисцитомъ.

7) Румынія возстанавливается въ прежнихъ границахъ съ обязательствомъ дать полное самоопредѣленіе Добруджѣ, которая получаетъ немедленно временную автономію. Румынія обязывается немедленно привести въ исполненіе постановленія Берлинскаго трактата объ евреяхъ и признать ихъ равноправными румынскими гражданами.

8) Въ итальянскихъ областяхъ Австріи вводится автономія съ послѣдующимъ плебисцитомъ по вопросу о государственной принадлежности.

9) Германскія колоніи возвращаются обратно.

10) Греція и Персія возстанавливаются.

Нейтрализуются всѣ проливы, служащіе подступомъ къ внутреннимъ морямъ, а также Суэзскій и Панамскій каналы. Торговое пароходство объявляется свободнымъ. Право каперства отмѣняется. Воспрещается торпедированіе торговыхъ судовъ.

Всѣ воюющіе отказываются отъ требованій возмѣщенія всякихъ издержекъ въ прямомъ или скрытомъ видѣ (содержаніе плѣнныхъ). Всѣ взысканныя во время войны контрибуціи возвращаются обратно.

Торговые договоры не являются составной частью условій мира. Каждая сторона автономна въ своей торговой политикѣ, въ договорѣ о мирѣ ей не можетъ быть навязано обязательство заключить тотъ или иной договоръ или не заключить его. Однако, всѣ государства должны мирнымъ договоромъ обязаться не вести экономической блокады послѣ войны: не заключать сепаратныхъ таможенныхъ союзовъ, и предоставлять права наиболѣе благопріятственной націи всѣмъ государствамъ безъ различія.

Миръ заключается на мирномъ конгрессѣ черезъ уполномоченныхъ, выбранныхъ органамп народнаго представительства. Условія мира утверждаются парламентами.

Отмѣняется тайная дипломатія: всѣ обязуются не заключать тайныхъ договоровъ. Такіе договоры объявляются противорѣчащими международному праву и недѣйствительными. Недѣйствительными остаются и всѣ договоры до утвержденія ихъ парламентами.

Постепенное разоруженіе на сушѣ и на морѣ, и переходъ къ системѣ милиціи.

XXIV

Предложенная Вильсономъ „лига мира“ можетъ быть цѣннымъ завоеваніемъ международнаго права только при условіи: 1) обязательнаго участія въ ней всѣхъ государствъ съ равными правами; 2) при демократизаціи внѣшней политики, какъ указано выше.

Какъ бы конкретно ни были формулированы цѣли войны, въ договорѣ должно быть указано и опубликовано, что союзники готовы начать мирные переговоры, какъ только противная сторона заявитъ свое согласіе на мирные переговоры при условіи отказа всѣхъ сторонъ отъ всякихъ насильственныхъ захватовъ.

Союзники обязываются не начинать тайныхъ переговоровъ о мирѣ и не заключать мира иначе, какъ на конгрессѣ съ участіемъ всѣхъ нейтральныхъ странъ.

Кромѣ того делегату даются слѣдующія указанія:

Должны быть устранены всѣ препятствія къ созыву Стокгольмской соціалистической конференціи и, въ частности, должны быть немедленно выданы паспорта делегатамъ всѣхъ партій и фракцій, согласившихся принять въ ней участіе.

7-го октября 1917 г.

9.

Посланіе президента Вильсона сенату 22-го января 1917 года.

Господа сенаторы. 18 минувшаго декабря я обратился съ торжественною нотою къ правительствамъ воюющихъ націй, въ которой просилъ ихъ высказаться болѣе опредѣленнымъ образомъ, чѣмъ это до сихъ поръ было сдѣлано тою и другою изъ воюющихъ сторонъ, относительно условій, на которыхъ онѣ полагали бы возможнымъ заключить миръ. При своемъ выступленіи я основывался на соображеніяхъ гуманности, равно какъ на правахъ всѣхъ нейтральныхъ націй, и, между прочимъ, нашей націи, жизненные интересы которой, благодаря войнѣ, постоянно затрагиваются. Центрально-европейскія государства единогласно отвѣтили, лишь въ томъ смыслѣ, что они готовы встрѣтиться со своимъ врагомъ на конференціи для того, чтобы сообща обсудить условія мира. Государства четверного согласія дали значительно болѣе опредѣленный отвѣтъ. Они заявили, хотя въ общихъ выраженіяхъ, но достаточно опредѣленно, дабы можно было дополнить подробностями, какія соглашенія, гарантіи и искупительные акты они сочли бы неизбѣжнымъ условіемъ мирнаго договора.

Такимъ образомъ, мы значительно приблизились къ опредѣленному обсужденію того мира, которымъ закончится нынѣшняя война. Мы значительно приблизились къ обсужденію того международнаго строя, который отнынѣ будетъ призванъ охранять всесвѣтный миръ. Вѣдь, само собою разумѣется, что съ какой бы стороны ни обсуждался грядущій миръ, который закончитъ эту войну, — этотъ миръ долженъ сопровождаться точно опредѣленнымъ соглашеніемъ международнаго характера, которое сдѣлаетъ принципіально невозможнымъ, чтобы катастрофа, подобная настоящей, когда либо вновь обрушилась на насъ. Съ этимъ положеніемъ долженъ согласиться всякій гуманный, здравомыслящій и разсудительный человѣкъ. Я пользуюсь настоящимъ случаемъ,

господа сенаторы, чтобы обратиться къ вамъ по этому вопросу, такъ какъ считаю своею обязанностью по отношенію къ сенату, призванному къ совмѣстной со мною работѣ при окончательномъ рѣшеніи вопросовъ нашихъ международныхъ обязательствъ, вполнѣ искренно раскрыть передъ вами свои мысли, свои намѣренія въ томъ видѣ, какъ они сложились у меня, по вопросу о долгѣ нашего правительства въ грядущіе дни, когда придется заново заложить фундаментъ международнаго мира.

Немыслимо, чтобы Соединенные Штаты уклонились отъ участія въ этомъ великомъ дѣлѣ. Намъ представляется случай исполнить передъ человѣчествомъ нашъ долгъ. Мы именно къ этой роли подготовлены руководящими принципами и цѣлями всей нашей политики и установившимися у нашего правительства методами образа дѣйствій съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы создали новую націю во имя возвышенной и благородной надежды служить человѣчеству свѣточемъ на пути къ свободѣ. Нынѣ, безъ ущерба для нашей чести, мы не можемъ отказаться отъ исполненія своего долга въ этомъ направленіи. Соединенные Штаты вовсе не желаютъ отказываться отъ него. Ихъ долгъ передъ самими собою и передъ прочими націями всего свѣта—установить тѣ условія, на которыхъ они будутъ имѣть возможность исполнить свою задачу. Задача наша заключается въ слѣдующемъ: присоединить наше могущество къ престижу и могуществу прочихъ націй съ цѣлью обезпечить всему свѣту миръ и спаведливость. Теперь уже не долго придется ждать осуществленія международнаго соглашенія въ этомъ смыслѣ.

Но раньше, чѣмъ оно осуществится, наше правительство должно открыто заявить о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ оно будетъ считать себя вправѣ испросить у народа одобренія своему рѣшенію и формальнымъ торжественнымъ образомъ примкнуть къ лигѣ мира. Я имѣю въ виду изложить передъ вами свои взгляды на эти условія.

Эта воїна должна быть сначала закончена. Но изъ уваженія къ истинѣ и мнѣнію человѣчества, мы должны заявить, что, поскольку мы примемъ участіе въ обезпеченіи будущаго мира, для насъ не безразлично, — какимъ образомъ, на какихъ условіяхъ эта война закончится. Трактаты, соглашенія, которыми она завер-

шится, должны заключать условія мира, который былъ бы достоинъ обезпеченія и охраненія, заслужилъ бы одобреніе человѣчества, а не только служилъ различнымъ интересамъ и непосредственнымъ цѣлямъ воюющихъ народовъ. Мы не будемъ имѣть права голоса при опредѣленіи этихъ условій, но я увѣренъ, что мы будемъ имѣть право разрѣшенія вопроса,—насколько гарантіи, зависящія отъ общаго соглашенія, сдѣлаютъ эти договоры долговѣчными или нѣтъ. Наше мнѣніе о томъ, какія условія являются основными и необходимыми для долговѣчности договора, должно быть высказано теперь, а не послѣ, когда будетъ уже, пожалуй, поздно. И одно соглашеніе объ общемъ мирѣ не явится достаточнымъ обезпеченіемъ противъ войны въ будущемъ, если въ него не войдутъ народы Новаго Свѣта. Народы Америки могли бы принять участіе въ обезпеченіи мира, заключеннаго лишь на извѣстныхъ условіяхъ. Основы этого мира должны внушать довѣріе и удовлетворить принципамъ американскихъ государствъ. Онѣ должны также быть въ согласіи съ политическими убѣжденіями и практическими положеніями, которыя народы Америки приняли разъ навсегда и обѣщали защищать. Я не хочу сказать, что американское правительство стало бы противодѣйствовать заключенію мира на условіяхъ, относительно которыхъ воюющія государства пришли бы къ соглашенію, или, чтобы мы стали пытаться измѣнить подписанныя условія, каковы бы они ни были. Я только утверждаю, что обычныя мирныя условія между воюющими не удовлетворятъ даже ихъ самихъ. Обычныя мирныя соглашенія рѣдко обезпечиваютъ продолжительный миръ.

Является совершенно необходимымъ, чтобы была создана такая сила, которая служила бы гарантіею прочности состоявшагося соглашенія. Эта сила должна быть могущественнѣе не только каждой изъ нынѣ воюющихъ націй, но даже и любой коалиціи въ прошедшемъ или будущемъ—такъ, чтобы никакой народъ и никакая возможная комбинація народовъ не могли бы противостать этой силѣ. Если мы хотимъ, чтобы грядущій миръ оказался долговѣчнымъ, то его слѣдуетъ обезпечить при помощи организованной высшей силы всего человѣчества. Отъ тѣхъ условій, на которыхъ будетъ заключенъ грядущій мирный договоръ, будетъ зависѣть, можно ли будетъ обставить этотъ миръ подобнаго

рода гарантіею. Вопросъ, отъ котораго зависитъ какъ будущій миръ, такъ и вся міровая политика, состоитъ въ томъ, является ли нынѣшняя война борьбою за справедливый и прочный миръ, или же это только борьба за установленіе новой системы равновѣсія между державами. Если это борьба за новую систему политическаго равновѣсія, то кто долженъ поручиться за устойчивость новаго равновѣсія. Европа можетъ быть устойчива только въ томъ случаѣ, когда она спокойна. Тутъ нужно не равновѣсіе, а общность силъ, не соперничество, а общій миръ. Къ счастью, мы получили въ этомъ направленіи весьма опредѣленныя завѣренія. Государственные дѣятели въ обоихъ враждебныхъ другъ другу станахъ заявили намъ въ недопускающихъ сомнѣній выраженіяхъ, что въ ихъ намѣренія отнюдь не входитъ раздавить своихъ враговъ окончательно. Однако, можетъ быть, не всѣ понимаютъ вполнѣ ясно, даже вполнѣ одинаковымъ образомъ тѣ выводы, которые вытекаютъ изъ этихъ завѣреній. Считаю полезнымъ изложить эти выводы, какъ мы ихъ понимаемъ.

Въ первую очередь эти выводы требуютъ, чтобы грядущій миръ былъ миромъ, не основаннымъ на побѣдѣ одной изъ воюющихъ сторонъ. Да будетъ мнѣ дозволено освѣтить эту мысль съ моей собственной точки зрѣнія съ тѣмъ, чтобы никѣмъ не предполагалось, что я на самомъ дѣлѣ понимаю ее какъ нибудь иначе. Я имѣю въ виду считаться съ реальными данными, безъ всякихъ оговорокъ. Побѣда означала бы такой миръ, который былъ бы навязанъ побѣжденной сторонѣ. Такъ какъ побѣдитель заставилъ бы побѣжденнаго согласиться на свои условія, то такой миръ былъ бы сопряженъ съ униженіемъ, насиліемъ и новыми жертвами. Онъ оставилъ бы послѣ себя жало обиды и горькую память, такъ что такой миръ былъ бы построенъ на пескѣ. Только тотъ миръ можетъ считаться долговѣчнымъ, который заключенъ равными, который весь основанъ на принципѣ равенства, равнаго участія и общаго блага. Чувства правды, чувства международной справедливости настолько же необходимы для установленія прочнаго мира, насколько необходимо для этого правильное разрѣшеніе жгучихъ вопросовъ территоріальнаго, расоваго и національнаго характера.

Равенство націй, на коемъ должно впредь покоиться зданіе

прочнаго мира, должно выражаться въ ихъ равноправіи. Гарантіи этого равноправія не должны дѣлать различія между великими и малыми державами, между націями могущественными и слабыми.

Право должно опираться на общее могущество всѣхъ націй, на соглашенія, отъ которыхъ миръ будетъ зависѣть, а не на могущество одной изъ нихъ. Конечно, это не означаетъ равенства территорій и прочихъ рессурсовъ, ни вообще равенства въ распредѣленіи благъ, поскольку послѣднія не явились результатомъ обычнаго мирнаго законнаго развитія народовъ. Но никто не ждетъ и не требуетъ ничего, кромѣ равенства правъ. Нынѣ человѣчество жаждетъ свободы существованія, а не равновѣсія силъ.

Но тутъ имѣется еще болѣе важный элементъ, чѣмъ даже равенство правъ. Между организованными народами не можетъ и не долженъ быть проченъ такой миръ, который не исходитъ изъ принципа, что правительства заимствуютъ всѣ свои справедливыя полномочія только отъ воли народа, что никто не имѣетъ права передавать народъ одного государства другому, какъ будто бы онъ былъ просто вещью.

Если взять отдѣльный примѣръ, то я могу утверждать, что всюду государственные люди согласны въ томъ, чтобы Польша была единой, независимой и самостоятельной, что впредь всѣмъ народамъ, которые доселѣ жили подъ властью государства, исповѣдующаго иную вѣру, преслѣдующаго иныя, даже враждебныя этимъ народамъ, цѣли, что всѣмъ этимъ народамъ должна быть обезпечена свобода существованія, вѣры, промышленнаго и общественнаго развитія.

Говорю объ этомъ отнюдь не изъ желанія возвеличенія отвлеченныхъ политическихъ принциповъ, какъ бы дороги эти принципы ни были для тѣхъ, кто трудился надъ упроченіемъ свободы въ Америкѣ. Говорю объ этомъ по той же самой причинѣ, по которой я ранѣе говорилъ и о прочихъ условіяхъ мира, которыя кажутся мнѣ явно неизбѣжными, а именно — потому, что открыто желаю считаться съ реальными данными. Миръ, который не будетъ основываться на этомъ началѣ, неизбѣжно потерпитъ крушеніе. Ему будетъ недоставать опоры, заложенной въ чувствахъ и совѣсти человѣчества. Духъ всѣхъ народовъ

будетъ упорно и постоянно бороться противъ этого и весь свѣтъ будетъ этому симпатизировать. Человѣчество только тогда будетъ въ состояніи жить въ мирѣ, когда его существованіе будетъ устойчивымъ. Но такая устойчивость не можетъ существовать тамъ, гдѣ духъ находится въ возмущеніи, гдѣ нѣтъ спокойствія духа, гдѣ отсутствуетъ сознаніе права, свободы и справедливости.

Посколько это представляется практически осуществимымъ, каждому изъ борющихся въ настоящее время за развитіе національныхъ средствъ и силъ великихъ народовъ долженъ былъ бы быть обезпеченъ доступъ къ открытому морю. Тамъ, гдѣ это не можетъ быть достигнуто уступкой территоріи, это, несомнѣнно, можетъ быть осуществимо путемъ нейтрализаціи путей, при условіи общей гарантіи, что въ свою очередь явится обезпеченіемъ мира при наличности правильнаго соглашенія. Ни одна нація не должна быть лишена доступа къ открытымъ путямъ міровой торговли.

Морскіе же пути должны, какъ по закону, такъ и на практикѣ, быть свободными. Свобода морей является условіемъ sine qua non мира и сотрудничества. Несомнѣнно, можетъ явиться необходимость въ нѣсколько радикальномъ пересмотрѣ многихъ существующихъ въ настоящее время международныхъ нормъ и обычаевъ, касающихся этого вопроса въ цѣляхъ сдѣлать море, дѣйствительно, свободнымъ и доступнымъ для пользованія человѣчествомъ при всѣхъ обстоятельствахъ. Однако, причина такого измѣненія представляется убѣдительной. Не можетъ существовать никакого довѣрія къ близости между народами безъ этой свободы моря. Свободное, постоянное, безопасное общеніе между націями является существенной частью проблемы мира и развитія народовъ. Не будетъ труднымъ ни опредѣлять, ни обезпечить свободу морей, если только міровыя государства искренно желаютъ достигнуть согласія по этому вопросу.

Этотъ вопросъ находится въ тѣсной связи съ ограниченіемъ морскихъ вооруженій и кооперацією морскихъ международныхъ силъ въ дѣлѣ поддержанія свободы и безопасности на моряхъ.

Вопросъ объ ограниченіи морскихъ вооруженій приводитъ къ постановкѣ, быть можетъ, болѣе сложнаго вопроса объ ограниченіи сухопутныхъ вооруженныхъ силъ, а также всѣхъ про-

граммъ, касающихся вооруженія. Сколь ни сложны и деликатны эти вопросы, къ нимъ слѣдуетъ подойти съ величайшей искренностью. Рѣшать ихъ необходимо въ истинно примирительномъ духѣ, если только мы желаемъ, чтобы миръ принесъ на своихъ крыльяхъ цѣлебный бальзамъ и остался среди насъ.

Мира нельзя достигнуть безъ уступокъ и жертвъ. Не можетъ существовать увѣренности въ безопасности и сознанія равенства въ отношеніяхъ между государствами, если будутъ продолжаться подавляющія своими размѣрами вооруженія. Государственные дѣятели должны строить планы на мирѣ и направлять свою политику въ этомъ духѣ подобно тому, какъ раньше они строили свои расчеты на войнѣ и постоянно готовились къ соревнованію въ безжалостной борьбѣ. Вопросъ о вооруженіяхъ — все равно, на сушѣ или на морѣ—имѣетъ наиболѣе непосредственное практическое значеніе въ связи съ вопросомъ о будущемъ благополучіи всѣхъ націй человѣчества.

Я говорилъ объ этомъ великомъ дѣлѣ вполнѣ откровенно, по возможности ясно, такъ, какъ мнѣ это казалось необходимымъ, дабы жажда человѣчества къ миру могла получить возможность свободнаго выраженія. Быть можетъ, я являюсь единственнымъ лицомъ, облеченнымъ высокимъ авторитетомъ среди народовъ, которое имѣетъ возможность свободно высказаться, ничего не утаивая. Я говорю въ качествѣ отдѣльнаго лица, но говорю также и въ качествѣ отвѣтственнаго главы великаго государства; и я увѣренъ, что сказалъ именно то, что желали услышать американскіе граждане. Не могу ли я прибавить, что надѣюсь и вѣрю тому, что въ дѣйствительности я говорю отъ имени свободомыслящихъ и друзей человѣчества въ каждой странѣ, какова бы ни была ихъ программа свободы? Я хочу вѣрить, что говорю отъ имени молчаливыхъ народныхъ массъ человѣчества, которыя не имѣли возможности высказаться откровенно относительно смерти дорогихъ имъ людей и разоренія ихъ домовъ.

Выражая предположеніе о томъ, что народъ и правительство Соединенныхъ Штатовъ присоединятся къ другимъ цивилизованнымъ націямъ въ дѣлѣ обезпеченія постояннаго мира на тѣхъ условіяхъ, о которыхъ я упомянулъ, я говорю это съ величайшей гордостью и увѣренностью, такъ какъ каждому мыслящему чело-

вѣку ясно, что въ этомъ обѣщаніи нѣтъ нарушенія ни одной изъ традицій нашей національной политики. Наоборотъ, оно скорѣе является осуществленіемъ всего того, что нами исповѣдывалось или къ чему мы стремились.

Я предлагаю, чтобы всѣ націи по общему соглашенію приняли доктрину президента Монроэ въ качествѣ міровой нормы, именно,—чтобы ни одна нація не стремилась къ распространенію своего господства надъ другой, но чтобы каждому народу было предоставлено право свободнаго самоопредѣленія, а также право слѣдованія по избранному имъ пути развитія безъ препятствій, безъ устрашенія слабыхъ, такъ же, какъ и сильныхъ. Я предлагаю, чтобы впредь всѣ націи избѣгали заключенія союзовъ, которые могли бы вовлечь ихъ въ соперничество, запутать ихъ въ сѣть интригъ или вовлечь въ эгоистическое соревнованіе, внести извнѣ смуту въ ихъ собственныя дѣла.

Соглашеніе всѣхъ державъ не налагаетъ никакихъ путъ, когда всѣ объединяются для дѣйствія въ одномъ направленіи и съ одною цѣлью, всѣ дѣйствуютъ въ общемъ интересѣ и имѣютъ возможность жить своею собственною жизнью подъ общимъ покровительствомъ.

Я предлагаю управленіе, основанное на согласіи управляемыхъ, предлагаю возстановленіе той свободы людей, на которой граждане Соединенныхъ Штатовъ настаивали съ откровенностью, присущей убѣжденнымъ апостоламъ свободы, на слѣдовавшихъ одна за другой международныхъ конференціяхъ. Также предлагаю такое ограниченіе вооруженій, которое сдѣлало бы арміи и флоты исключительно орудіемъ порядка, а не орудіемъ нападенія или политическаго проявленія насилія. Вотъ въ чемъ заключаются американскіе принципы и американская политика. Мы не можемъ отстаивать другихъ принциповъ. Они являются политическими принципами и всѣхъ прогрессивно мыслящихъ мужчинъ и женщинъ повсюду въ каждой современной націи, въ каждой просвѣщенной общинѣ. Это — принципы человѣчества, и они должны восторжествовать *).

---

*) Текстъ взятъ изъ „Кіевской Мысли" отъ 11-го января 1917 г.

10.

Посланіе президента Вильсона конгрессу 4-го апрѣля 1917 года.

Господа члены Конгресса, я созвалъ чрезвычайную сессію конгресса въ виду необходимости принять серьезныя, чрезвычайно серьезныя рѣшенія, отвѣтственности за которыя я не могу взять на себя ни по праву, ни по законамъ нашей конституціи.

3-го февраля я изложилъ предъ вами чрезвычайное заявленіе императорскаго германскаго правительства, устанавливающее, что, начиная съ 1-го февраля, оно намѣрено пренебречь всѣми соображеніями законности и человѣчности, и пользоваться подводными лодками для потопленія всякаго корабля, который попытался бы приблизиться къ портамъ Англіи и Ирландіи, или къ западнымъ берегамъ Европы и къ контрольнымъ портамъ враждебныхъ Германіи странъ въ Средиземномъ морѣ. Такую цѣль обнаружила подводная война Германіи въ первое время войны; но, начиная съ апрѣля мѣсяца прошлаго года, императорское правительство предписало командному составу своего подводнаго флота нѣкоторыя ограниченія, согласно даннымъ намъ обѣщаніямъ: что пассажирскія суда будутъ неприкосновенны, что формальное предупрежденіе будетъ имѣть мѣсто предъ каждымъ потопленіемъ въ отношеніи судовъ, не оказывающихъ сопротивленія и не пытающихся скрыться; и что, по крайней мѣрѣ, экипажу будетъ дана возможность высадиться въ шлюпки.

Принимаемыя предосторожности были очень слабы, какъ то показалъ рядъ печальныхъ примѣровъ, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе жестокихъ, нечеловѣческихъ дѣйствій. Все же извѣстныя ограниченія соблюдались.

Принятая новая политика ихъ уничтожила. Всѣ суда, каковъ бы ни былъ ихъ характеръ, ихъ грузъ, ихъ назначеніе, посылаются ко дну, безъ жалости, безъ всякаго предупрежденія, безъ малѣйшей попытки помощи или состраданія къ тѣмъ, кто

находится на ихъ борту, — одинаково будутъ-ли то нейтральные друзья или граждане воюющихъ странъ.

Даже пловучіе госпитали и корабли, транспортирующіе продукты питанія для пострадавшагося населенія Бельгіи (хотя послѣдніе снабжены пропусками самого германскаго правительства для переѣзда по запрещенной зонѣ, и отличаются внѣшними знаками, позволяющими признать ихъ безъ малѣйшей ошибки), были потопляемы съ тѣмъ же отсутствіемъ сожалѣнія или уваженія къ принципамъ.

Нѣкоторое время я считалъ невозможнымъ, чтобы подобныя дѣянія могли совершаться правительствомъ, однажды признавшимъ принятые въ обиходѣ цивилизованныхъ народовъ обычаи. Международные законы, выросшіе изъ усилій заставить признать море дорогой, открытой для всего міра, не терпящей ничьего господства, созидались постепенно и съ трудомъ. Послѣ всего сдѣланнаго результаты были еще очень скромны, но они отвѣчали ясно выраженному требованію человѣческаго сознанія и души. Этотъ минимумъ правъ былъ рѣшительно отвергнутъ германскимъ правительствомъ. Но этого допустить невозможно, не пуская по вѣтру всѣхъ правилъ человѣчности, принятыхъ, какъ основа, въ международныхъ отношеніяхъ.

Я не думаю въ этотъ моментъ о матеріальныхъ потеряхъ, которыя огромны, но только о преднамѣренномъ и полномъ уничтоженіи человѣческихъ жизней — дѣтей, женщинъ, мужчинъ, виновныхъ въ томъ, что признавалось всегда законнымъ даже въ самыя мрачныя времена исторіи. Потерянное имущество можетъ быть намъ оплачено, но не оплатятся потерянныя жизни мирныхъ и беззащитныхъ существъ. Подводная война Германіи это—война противъ человѣчества, война противъ всѣхъ народовъ. Топятся американскіе корабли, губятся американскія жизни въ условіяхъ, переворачивающихъ душу, точно такъ же, какъ въ томъ же порядкѣ отправляются ко дну корабли и граждане другихъ націй, нейтральныхъ и дружескихъ. Никакого различія, вызовъ брошенъ всему человѣчеству.

Каждый народъ долженъ рѣшить за себя способъ дѣйствованія. Нашъ выборъ долженъ быть сдѣланъ со всей обдуман-

ностью и спокойствіемъ рѣшенія, отвѣчающими нашему характеру и нашимъ національнымъ интересамъ.

Не месть должна быть нашей цѣлью, не побѣдоносное утвержденіе нашего физическаго могущества, но только возстановленіе права человѣчества, за которое мы являемся лишь единичнымъ борцомъ.

Обращаясь къ конгрессу со своимъ посланіемъ 26 февраля, я полагалъ еще, что состоянія вооруженнаго нейтралитета достаточно для защиты нашихъ законныхъ правъ нейтральной націи, нашего права передвигаться по морямъ безъ незаконныхъ притѣсненій, нашего права обезпечить безопасность нашихъ согражданъ противъ незаконныхъ насилій. Но теперь ясно, что вооруженный нейтралитетъ — вещь, практически неосуществимая. Въ дѣйствительности, германскія подводныя лодки, дѣйствующія нынѣ противъ всѣхъ судовъ, выходятъ изъ нормы всѣхъ существующихъ законовъ: мы лишены возможности защищать наши коммерческіе корабли вооруженной рукой, несмотря на законность такой защиты по принятому международному праву. Самая элементарная осторожность, а въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ и необходимость, вынуждаютъ насъ уничтожать подводныя лодки до проявленія ихъ намѣреній. Германское правительство отказало нейтральнымъ въ правѣ, какимъ бы то ни было образомъ пользовать въ запрещенныхъ водахъ оружіе для защиты правъ, которыхъ никто въ наше время никогда не оспаривалъ.

Германія объявила, что отряды, посаженные на судна для ихъ защиты, будутъ разсматриваться, какъ пираты. Въ виду такихъ намѣреній вооруженный нейтралитетъ былъ бы болѣе, чѣмъ безполезенъ. Мы не можемъ избрать путь подчиненія, не можемъ позволить нарушенія нашихъ самыхъ священныхъ правъ.

Съ глубокимъ сознаніемъ важности и трагическаго характера принимаемаго рѣшенія, усматривая вызываемую имъ тяжкую отвѣтственность, но повинуясь безъ колебаній тому, что я полагаю своимъ конституціоннымъ долгомъ, совѣтую конгрессу разсудить дѣйствія императорскаго правительства противъ народа Соединенныхъ Штатовъ, принять формально состояніе войны, ему навязываемое и озаботиться немедленными мѣрами не только въ видахъ

полной защиты страны, но и для вынужденія Германіи, цѣною всѣхъ нашихъ средствъ, къ окончанію войны съ принятіемъ нашихъ условій.

Состояніе войны повлечетъ тѣсное сотрудничество наше съ другими, воюющими противъ Германіи правительствами. Это будетъ широкая финансовая поддержка, налаженіе и мобилизація всего промышленнаго аппарата для снабженія военными матеріалами и удовлетворенія другихъ нуждъ народовъ, самымъ обильнымъ, дѣйствительнымъ, и въ то же время самымъ экономнымъ образомъ. Состояніе войны повлечетъ также немедленную и полную организацію морскихъ средствъ, способныхъ бороться съ подводнымъ флотомъ непріятеля, а также доведеніе нашей арміи до контингента минимумъ въ 500,000 человѣкъ, призванныхъ на основѣ всеобщей воинской повинности, съ разрѣшеніемъ послѣдующаго, по нуждѣ, увеличенія силъ.

Необходимые правительству кредиты, испрашиваемые у васъ, базируются на новыхъ справедливыхъ нормахъ обложенія. Наша обязанность оберечь нашъ народъ отъ страданій слишкомъ высокихъ налоговъ. Принимая эти мѣры, мы должны дѣйствовать съ осторожностью, такимъ образомъ, чтобы наши военныя приготовленія ни въ чемъ не стѣснили исполненіе нашего долга. Нашъ долгъ это — снабженіе уже воюющихъ съ Германіей народовъ всѣмъ, что они могутъ получить только отъ насъ, помощь имъ, уже борющимся, всѣми нашими усиліями, для бо́льшей дѣйствительности ихъ дѣйствій.

Я надѣюсь, что вы одобрите эти мѣры, тщательно разработанныя правительственными органами, отвѣтственными за теченіе войны и защиту народной безопасности.

Прежде, нежели рѣшиться принять мѣры, чреватыя послѣдствіями, поясникъ нашу цѣль, которая состоитъ въ защитѣ началъ мира и справедливости противъ автократическихъ и эгоистическихъ правительствъ, въ то же время, какъ въ установленіи среди народовъ, дѣйствительно свободныхъ и самоуправляющихся, общности заданія и дѣйствій,—общности, способной навсегда обезпечить соблюденіе этихъ принциповъ.

Нейтральность невозможна и нежелательна долѣе, когда въ игру вошли миръ всего міра и свобода народовъ, а угроза и

этому миру и этой свободѣ идетъ отъ существованія автократическихъ правительствъ, имѣющихъ за собою организованную силу, находящуюся въ ихъ безконтрольномъ, независимомъ отъ народной воли, распоряженіи.

Мы стоимъ у порога новой эры, когда настоятельнымъ требованіемъ будетъ, чтобы правительства и народы подчинялись тѣмъ же правиламъ поведенія и отвѣтственности, какія соблюдаются частными людьми цивилизованныхъ государствъ.

Мы не ссорились съ германскимъ народомъ. Мы испытываемъ къ нему чувства симпатіи и дружбы. Не по его побужденію, и не съ его одобренія объявило войну германское правительство. Эта германская война была рѣшена, какъ всѣ войны прежнихъ временъ, когда народы никогда не спрашивались, а борьба имѣла мѣсто въ интересахъ династіи или маленькихъ группъ тщеславныхъ людей, привыкшихъ пользоваться своими согражданами, какъ инструментомъ, какъ пѣшками въ шахматной игрѣ.

Народъ, свободный въ своихъ судьбахъ, не наполняетъ сосѣднихъ государствъ своими шпіонами, не предпринимаетъ интригъ, чтобы поставить другое государство въ тяжелое положеніе и использовать это для своей побѣды. Коварные и длительные планы, имѣющіе цѣлью обмануть или вызвать ложное впечатлѣніе, и зрѣющіе въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, не могутъ быть выполнены или скрыты отъ свѣта иначе, какъ въ частныхъ тайникахъ дворовъ, тщательно охраняемые малочисленнымъ классомъ привиллегированныхъ. Такіе планы проводятся только тамъ, гдѣ никто не имѣетъ права запроса, но они, по счастью, невозможны тогда, когда общественное мнѣніе царствуетъ и требуетъ полнаго освѣдомленія о всѣхъ національныхъ дѣлахъ.

Соглашеніе о мирѣ никогда не будетъ прочнымъ, если оно не произойдетъ между демократическими государствами. Невозможно разсчитывать, чтобы автократія оставалась вѣрна соглашенію, соблюдала торжественные договоры. Нужно, чтобы существовала лига чести и сотрудничество мнѣнія. Интриги автократіи были бы червемъ, ихъ подтачивающимъ. Заговоры малыхъ группъ, занятыхъ маленькими частными комбинаціями

и ни предъ кѣмъ не обязанныхъ отвѣтомъ, стали бы очагомъ разложенія въ самомъ сердцѣ союза. Лишь свободные народы могутъ съ честью и непзмѣнной твердостью итти къ общей цѣли и интересы человѣчества предпочесть узкимъ собственнымъ интересамъ. Такъ думаетъ каждый Американецъ.

Наша надежда на будущій миръ укрѣпилась чудесными событіями, происшедшими въ Россіи, которая, на взглядъ всѣхъ знающихъ ее ближе, всегда была глубоко демократической. Автократія, вѣнчавшая вершину ея политическаго зданія, какъ долго ни держалась она и какъ ни ужасна была ея власть, не представляла Россіи въ ея народномъ обликѣ. Нынѣ эта автократія повержена. И русскій народъ, великій и благородный, присоединился со всѣмъ своимъ величіемъ и природнымъ могуществомъ къ силамъ, борющимся въ мірѣ за свободу, справедливость и миръ. Это еще одинъ сотрудникъ, полный благородства, въ нашей лигѣ чести.

Одинъ изъ фактовъ, способствовавшихъ нашему убѣжденію, что прусскій автократизмъ не былъ и никогда не сможетъ быть намъ другомъ, было то обстоятельство, что съ самаго начала войны наши административныя мѣста и правительственныя учрежденія стали наполняться нѣмецкими шпіонами. Прусское правительство плело преступныя интриги со всѣхъ сторонъ противъ нашего національнаго единства, покушалось на нашъ миръ, внутренній и внѣшній, стремилось разрушить нашу промышленность и нашу торговлю. Нынѣ доказано, что трое изъ этихъ шпіоновъ прибыли къ намъ еще до начала войны; доказано предъ нашими судами, что интриги, которыми неоднократно пытались нарушить миръ и внести смятеніе въ промышленность, зачинались по внушенію, при поддержкѣ и подъ личнымъ руководствомъ офиціальныхъ лицъ императорскаго правительства, аккредитованныхъ при американскомъ правительствѣ. Обуздывая эти дѣйствія, стараясь обезвредить ихъ послѣдствія, мы силились быть возможно сдержаннѣе, ибо знали, что они не являются выраженіемъ враждебнаго къ намъ чувства германскаго народа, который не зналъ о нихъ такъ же, какъ и мы. Ихъ источникъ заключался въ эгоистическихъ замыслахъ правительства, которое дѣлало, что хотѣло, ничего не говоря своему народу. Но эти

факты убѣдили насъ, наконецъ, что императорское правительство не питаетъ къ намъ никакой дружбы, и что оно сознательно дѣйствуетъ противъ нашего мира и нашей безопасности. Нота, перехваченная нами и адресованная къ германскому представителю въ Мексикѣ, краснорѣчиво доказываетъ, что это правительство имѣло намѣреніе вызвать противъ насъ враждебныя дѣйствія у нашихъ собственныхъ дверей.

Мы принимаемъ этотъ вызовъ, потому что мы знаемъ, что въ правительствѣ такого рода, которое пользуется такими способами, мы никогда не найдемъ друга, и что при организованной власти, всегда готовой на всевозможныя уловки, нѣтъ никакой гарантіи безопасности для демократическихъ правленій міра. Мы вынуждены, такимъ образомъ, принять бой съ естественнымъ врагомъ свободы, и, чтобы это сдѣлать, мы употребимъ всѣ силы наши.

Мы принесемъ въ жертву нашу жизнь, наше состояніе, все, чѣмъ мы обладаемъ, своему долгу, гордые сознаніемъ, что, наконецъ, пришелъ день, когда Америка можетъ пролить свою кровь за тѣ принципы, которые дали ей жизнь, такъ же, какъ за счастье и миръ, которыми она могла пользоваться.

Съ помощью Бога она не могла бы поступить иначе *).

---

*) Переведено съ французскаго текста, помѣщеннаго въ газетахъ „Le Matin“ и „Journal de Genève“.

II.

Отвѣты президента Вильсона на мирное предложеніе центральныхъ державъ.

I-ая НОТА.

Въ отвѣтъ на сообщеніе германскаго правительства отъ 12 октября, которое вы мнѣ передали сегодня, я имѣю честь просить васъ передать Германіи:

Безусловное принятіе теперешнимъ нѣмецкимъ правительствомъ и преобладающимъ большинствомъ германскаго рейхстага условій, изложенныхъ въ посланіи президента Вильсона отъ 22 января 1917 г. американскому конгрессу и въ его дальнѣйшихъ заявленіяхъ, предоставляютъ президенту право дать нижеслѣдующее искреннее и прямое объясненіе о рѣшеніи, которое онъ принялъ по поводу заявленій германскаго правительства отъ 8 и 9 октября.

Слѣдуетъ ясно понять, что рѣшеніе объ очищеніи занятыхъ областей и условія перемирія—вопросы, которые подлежатъ рѣшенію и обсужденію военныхъ экспертовъ правительства Соединенныхъ Штатовъ и союзныхъ съ ними державъ. Президентъ считаетъ своей обязанностью сказать, что никакого рода соглашенія не могутъ быть приняты американскимъ правительствомъ, которыя не давали бы абсолютной и удовлетворительной гарантіи и увѣренности, что нынѣшнее военное превосходство американскихъ и союзныхъ съ ними силъ на фронтѣ будетъ сохранено. Президентъ полагаетъ, что онъ съ увѣренностью можетъ сказать, что это является также мнѣніемъ и взглядомъ союзныхъ съ Америкой правительствъ.

Президентъ предполагаетъ, что его обязанностью является также добавить, что ни американское правительство, ни онъ самъ не вполнѣ увѣрены, что правительства союзныхъ съ Соединенными Штатами державъ будутъ согласны обсудить вопросъ

о перемиріи, пока вооруженныя силы Германіи будутъ продолжать свои беззаконныя и безчеловѣчныя дѣянія. Въ тотъ самый часъ, когда германское правительство обращается къ американскому съ предложеніями о мирѣ, нѣмецкія подводныя лодки заняты тѣмъ, что топятъ суда на морѣ, — и не только суда, но также и спасательныя лодки, на которыхъ пассажиры и команды пытаются спасти свою жизнь. При своемъ вынужденномъ теперь отступленіи во Фландріи и Франціи, германскія арміи продолжаютъ, не считаясь ни съ чѣмъ, все уничтожать. На это президентъ всегда смотрѣлъ и смотритъ, какъ на прямое нарушеніе правилъ и условій цивилизованнаго веденія войны. Въ городахъ и деревняхъ грабятъ, поскольку эти мѣста не вполнѣ разрушены, всякое имущество, часто даже уводятъ и населеніе. Нельзя допустить, что правительства союзныхъ съ Соединенными Штатами державъ согласятся на перемиріе, пока будутъ продолжаться эти проявленія безчеловѣчности, грабежа и опустошенія, на которыя они вполнѣ справедливо смотрятъ съ сокрушеннымъ сердцемъ.

Также необходимо, во избѣжаніе возможности недоразумѣній, чтобы президентъ торжественно обратилъ вниманіе нѣмцевъ на значеніе и на ясное содержаніе одного изъ пунктовъ мирной программы, которую нѣмецкое правительство сейчасъ приняло. Этотъ пунктъ содержится въ рѣчи, которую президентъ Вильсонъ произнесъ въ Мунъ-Ферпонъ 1-го іюля. Пунктъ этотъ гласитъ: „Уничтоженіе каждой самоуправной власти, которая въ силѣ самостоятельно, тайно и по собственной волѣ нарушить миръ всего свѣта. Если эту власть въ настоящее время невозможно уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, уменьшить ея значеніе до дѣйствительнаго безсилія". И власть, въ рукахъ которой была судьба нѣмецкаго народа, именно одна изъ тѣхъ, которую президентъ имѣлъ въ виду въ своей рѣчи. Во власти нѣмецкаго народа это измѣнить.

Слова президента содержатъ справедливыя и естественныя условія до того, какъ будетъ заключенъ миръ. Если дѣло идетъ къ миру, то онъ можетъ наступить черезъ вмѣшательство самого народа. Президентъ считаетъ себя вынужденнымъ сказать, что все развитіе дѣла мира, по его мнѣнію, зависитъ отъ ясной рѣ-

шимости, отъ удовлетворительнаго характера гарантій, которыя необходимы въ этомъ чрезвычайно важномъ дѣлѣ. Неминуемо, чтобы правительства, находящіяся въ союзѣ противъ Германіи, знали, безъ возможности быть введенными въ заблужденіе, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. Президентъ въ дальнѣйшемъ отправитъ австро германскому правительству особый отвѣтъ.

Подписано: Лансингъ *).

II-ая НОТА.

Министерство иностранныхъ дѣлъ, 23-го октября 1918 г. Милостивый государь. Принимая во вниманіе переданное вами сообщеніе германскаго правительства отъ 20 октября, имѣю честь извѣстить васъ, что президентъ поручилъ мнѣ дать на это сообщеніе слѣдующій отвѣтъ:

Послѣ того, какъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ получилъ торжественное и опредѣленное заявленіе германскаго правительства, что оно безусловно принимаетъ условія мира, изложенныя въ его посланіи отъ 22 января 1917 года конгрессу Соединенныхъ Штатовъ, равно какъ и принципъ регулированія вопросовъ, изложенныхъ въ его послѣдующихъ посланіяхъ, а, въ особенности, посланіи 27 сентября; послѣ того, какъ германское правительство изъявило желаніе начать переговоры о подготовительныхъ шагахъ для примѣненія (или проведенія въ жизнь) этихъ условій; послѣ того, какъ желанія и цѣли Германіи исходятъ не отъ тѣхъ, кто до сихъ поръ диктовалъ политику Германіи и велъ современную войну отъ имени Германіи; но отъ правительства, представляющаго большинство рейхстага и говорящаго отъ имени большинства германскаго народа; послѣ того, какъ президентъ, помимо этого, получилъ повторное обѣщаніе нѣмецкаго правительства, что боевыя силы противника будутъ придерживаться законовъ цивилизованнаго міра, какъ на

*) Текстъ взятъ изъ „Кіевской Мысли“ отъ 17-го октября 1918 г.

водѣ, такъ и на сушѣ,—президентъ чувствуетъ, что не можетъ болѣе отказать въ томъ, чтобы приблизиться къ вопросу о перемиріи совмѣстно съ правительствами державъ, находящимися въ союзѣ съ Соединенными Штатами.

Президентъ, однако, полагаетъ своей обязанностью снова заявить, что единственное перемиріе, какое онъ считаетъ для себя вправѣ предложить, можетъ быть лишь такимъ, какое поставитъ Соединенные Штаты и союзныя съ ними державы въ положеніе, при которомъ принятымъ соглашеніямъ была бы придана сила, дѣлающая невозможнымъ возобновленіе со стороны Германіи военныхъ дѣйствій.

Вслѣдствіе этого, президентъ передалъ свой обмѣнъ нотами съ нынѣшнимъ германскимъ правительствомъ правительствамъ державъ, находящимся въ военномъ союзѣ съ Соединенными Штатами. Президентъ предложилъ имъ, если эти правительства согласны заключить миръ на объявленныхъ условіяхъ и принципахъ, пригласить своихъ военныхъ экспертовъ и военныхъ экспертовъ Соед. Штатовъ, совмѣстно съ правительствами, находящимися въ союзѣ противъ Германіи, намѣтить такія необходимыя условія перемирія, которыя вполнѣ гарантировали бы интересы данныхъ народовъ и гарантировали бы союзнымъ правительствамъ неограниченное право для обезпеченія тѣхъ подробностей мира, на которыя германское правительство изъявило свое согласіе въ предположеніи, что союзныя правительства считаютъ перемиріе, вообще, возможнымъ. Принятіе Германіей этихъ условій дастъ наилучшее и конкретное доказательство недвусмысленнаго принятія Германіей условій принциповъ мира, что, собственно говоря, и обусловило выступленіе Германіи.

Президентъ чувствуетъ, что онъ самъ былъ бы недостаточно искренен, если бы не подчеркнулъ, и при томъ, по возможности, въ откровенной формѣ, какія причины требуютъ такой исключительной гарантіи. Какъ бы значительны и важны ни были измѣненія конституціи, о которыхъ говоритъ въ своей нотѣ статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, — все же кажется, что принципъ правительства, отвѣтственнаго передъ германскимъ народомъ, до сихъ поръ не вполнѣ выраженъ. Также не видно, чтобы существовала или намѣтилась гарантія

того, что измѣненіе или проведеніе въ жизнь принциповъ, о которыхъ достигнуто соглашеніе, было длительнымъ. Возможно, что будущая война будетъ поставлена подъ контроль, но нынѣшняя война, о которой идетъ споръ, подъ контроль не была поставлена. Очевидно, что германскій народъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи средствъ для приказанія, которое подчинило бы германскія военныя власти волѣ германскаго народа; очевидно, что еще непоколебима власть короля Пруссіи контролировать политику государства, что рѣшающій все милитаризмъ продолжаетъ находится въ рукахъ тѣхъ, кто до сихъ поръ были господами Германіи. Проникнутый чувствомъ, что судьба всего міра зависитъ отъ опредѣленности, откровенности и прямолинейности заявленій, — президентъ считаетъ своимъ долгомъ, не пытаясь даже смягчить того, что звучитъ рѣзко, сказать, что народы всего міра не могутъ имѣть довѣрія къ словамъ тѣхъ, кто до сихъ поръ были господами германской политики. Президентъ снова подчеркиваетъ, что при заключеніи мира и при попыткѣ забыть безконечныя оскорбленія и несправедливости этой войны, — правительство Соединенныхъ Штатовъ сможетъ вести переговоры съ такими представителями германскаго народа, которые дадутъ гарантіи, что конституціонный образъ дѣйствій дѣйствительно господствуетъ въ Германіи. Если бы нужно было вести переговоры съ военнымъ начальствомъ или съ монархическою властью, стоящей теперь во главѣ Германіи, или если бы только существовали предположенія, что намъ съ этими сплами пришлось бы имѣть дѣло въ будущемъ, когда будутъ установлены международныя обязательства Германія, — то Германія не можетъ требовать мира, а должна капитулировать. Умолчаніе объ этихъ существенныхъ обстоятельствахъ не принесло бы никакой пользы.

Примите увѣреніе моего почтенія

Лансингъ *).

---

*) Текстъ взятъ изъ „Кіевской Мысли" отъ 26-го октября 1918 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
ГЛАВА	I. Демократическій миръ русской революціи въ освѣщеніи лозунговъ великой французской революціи	5— 14
»	II. Идеи Циммервальда и уроки жизни	15— 26
»	III. Циммервальдская теорія на опытѣ россійской практики	27— 41
»	IV. Политическая система американскаго континента.— Внутренняя связь доктрины Монроэ съ международно-правовымъ развитіемъ Америки	42— 59
»	V. Посланіе Вильсона—путь къ демократическому миру	60— 70
»	VI. Суверенитетъ государства	71— 79
»	VII. Начало невмѣшательства	80—100
»	VIII. Право націй на самоопредѣленіе	101—114
»	IX. Заключеніе	115—131
Приложенія.		III—XLIV

1. Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.
   I. Воззваніе къ народамъ всего міра. (III) II. Обращеніе къ польскому народу (V).
2. — I. Нота министра иностранныхъ дѣлъ П. Н. Милюкова союзнымъ державамъ. (VI). II. Резолюція Исполнительнаго Комитета С. Р. и С. Д. (VII).
3. Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.
   Воззваніе къ соціалистамъ всѣхъ странъ. (IX).
4. Московская областная конференція 65 Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.
   Резолюція объ отношеніи къ войнѣ. (XII).
5. Организаціонный Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.
   Резолюція объ отношеніи къ войнѣ и миру. (XIV).
6. Всероссійскій съѣздъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.
   Резолюція о войнѣ. (XVI).

7. Объединенный съѣздъ Р. С.-Д. Р. П.
I. Извлеченіе изъ резолюціи о политическомъ моментѣ и задачахъ партіи (Пункты 3-ій и 4-ый). (XVIII). II. Резолюція о войнѣ и мирѣ. (XIX).
8. Инструкція делегату Ц. П. К., избранному для участія на Парижской конференціи. (Наказъ Скобелеву). (XXII).
9. Посланіе президента Вильсона Сенату 22 января 1917 г. (XXV).
10. Посланіе президента Вильсона конгрессу 4 апр. 1917 г. (XXXIII).
11. Отвѣты президента Вильсона на мирное предложеніе центральныхъ державъ.
I. Первая нота (XL). II. Вторая нота (XLII).

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

Цѣна 30 руб.

Складъ изданія

Главный книжный складъ Кіевск. Рабоч. О-ва Потребителей „ЖИЗНЬ“ Кіевъ, Бессарабка, Крытый рынокъ, маг. № 7.